

**УБИЙСТВО
ЧЕРНЫМИ
БУКВАМИ**
ПОЛ АНДЕРСОН

**MURDER IN BLACK LETTER
BY POUL ANDERSON**

Annotation

Позвольте представить. Трюгве Ямамура — частный детектив, эксперт по дзюдо и знаток самурайского меча. Он представляет тройную угрозу преступности Сан-Франциско, ведь его необычные навыки позволяют ему не терять голову, даже во время расследования самых необычных и загадочных преступлений.

Таких, например, как убийство Брюса Ломбарди — молодого ассистента исторического университета, чье изуродованное тело было найдено накануне на старой заброшенной дороге неподалеку от университета Беркли. Кто может быть заинтересован в смерти юноши? Что скрывают его возлюбленная и старший брат и причем тут старый японский меч?

- [Пол Андерсон](#)
  - [Примечание](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)

- [20](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)

- [36](#)
  - [37](#)
  - [38](#)
  - [39](#)
  - [40](#)
  - [41](#)
  - [42](#)
-

Пол Андерсон

Убийство чёрными буквами

Примечание

Помимо Таффимаи Металлумаи все персонажи этой книги вымышлены, без намеренного сходства с любой реальной личностью, живой или мертвой. Описанные события тоже вымышлены. Отели, рестораны, компании и другие деловые предприятия в реальности не существуют. Упоминаются два реальных института: Калифорнийский университет и полицейское управление города Беркли. Однако эти институты никоим образом не отвечают за действия и намерения вымышленных персонажей.

Сталь говорила между роз. Кинтайр парировал удар Ямамуры; его ответ пришелся по руке противника.

— Туше! — воскликнул детектив. Он снял маску и вытер пот с длинного, с широкими скулами лица. — Или это должны сказать вы? Во всяком случае на сегодня довольно.

— Не так плохо сегодня, Триг, — сказал Кинтайр. — И я слегка отомстил за все те случаи, когда вы заставляли меня кувыркаться в воздухе в додзе. [1]

Трюгве Ямамура щелкнул языком. Он выше шести футов, худой, его восточная часть проявляется главным образом в узких черных глазах и желтовато-янтарной коже. — Вы бы предпочли саблю? — спросил он.

Роберт Кинтайр пожал плечами.

— Рапира для женщины, а для шпаги я недостаточно быстр. К тому же профессиональный интерес. Сабля все-таки ближе к оружию эпохи Возрождения.

— Думаю, я буду держаться японских мечей.

Кинтайр кивнул. Он коренастый мужчина среднего роста, с прямыми черными волосами над квадратным лицом с курносым носом и мелкими чертами. Глаза под ровными бровями серые и расставлены необычно далеко друг от друга; больше ничего необычного в его внешности нет, если не заметить его походку. В несколько меньшей степени, чем у Ямамуры, эта походка отчетливо свидетельствует, что человек прошел школу дзюдо.

Они были в саду в Беркли. Их окружали стены; главное здание сейчас пустое, потому что его владелец вместе с семьей на каникулах; за главным домом трехкомнатный коттедж, который арендует Кинтайр. С обеих сторон широкие живые изгороди со множеством цветов. Над головой высокое небо, и полуденное солнце освещает след самолета, летящего на заливе Сан — Франциско.

— Согласен: по сравнению с мечами самураев это все похоже на вилы, — сказал Кинтайр. — Но с мечами ничего нельзя делать, только коллекционировать их. Они слишком эффективны.

Ямамура достал из пальто трубку.

— Вы сегодня не работаете? — спросил он.

— Да. Последняя статья выправлена, последний отчет отправлен, и до осени у меня нет занятий. Здорово, хотя и накладно, быть свободным.

— Собираетесь в поход в Кангз Кэньон?

— Да. Мы с Брюсом Ломбарди должны выйти завтра. Но что могло случиться с Брюсом? — Кинтайр нахмурился. — Вчера вечером мне позвонила его девушка, сказала, что он ушел накануне, в субботу, и все еще не вернулся. Она встревожена. Я тоже начинаю тревожиться.

— Хм. — Ямамура насторожился. У его агентства, маленького и нового, в этот момент не было дел. Но он сказал всего лишь с дружеской озабоченностью: — Похоже на убежавшего ребенка. Я не очень хорошо его знаю, просто встречались в разных местах несколько раз.

— В том-то и дело, — сказал Кинтайр. — Это не похоже на него. Сегодня о нем спрашивал декан: Брюс не пришел на занятия, а обычно он очень обязателен. — Он помолчал. — С другой стороны, в последние дни у него неприятности и... но я не решаюсь...

На дорожке прозвучали шаги. Аккуратный, с военной выправкой мужчина вышел из-за дома.

— Офицер Моффат, — сказал Ямамура. Он раньше служил в полиции Беркли, пока не стал работать самостоятельно. — Что случилось?

— Привет, Триг, — сказал полицейский. Он повернулся к Кинтайру. — Вы профессор Роберт Кинтайр?

— Только ассистент профессор,^[2] пока никаких иных хитросплетений.

Почему он ответил шуткой, подумал он. Оттягивает что-то?

— Здравствуйте. Жаль вас тревожить, сэр, но мы пытаемся опознать молодого человека, найденного мертвым сегодня утром. Мне сказали, что человек с такой внешностью работает ассистентом на историческом факультете и что вы лучше других знаете его.

Голос звучал сочувственно, но Кинтайр на несколько мгновений застыл. Потом сказал:

— Я знаю много молодых людей, но, возможно, — Брюс Ломбарди?

— Мне называли это имя, — сказал Моффат. — Мне сказали, что вы были его руководителем на факультете.

— Да. — Кинтайр порылся в поисках сигареты, но не нашел. — Как он умер?

— Если это он. Вы могли бы опознать его для нас? Предупреждаю: это не очень приятно.

— Я и раньше видел мертвецов, — сказал Кинтайр. — Идемте.

Он пошел к улице.

— Ваша одежда, — мягко сказал Моффат.

— О, да. Да. Спасибо. — Кинтайр стал возиться со своей защитной одеждой. Снял и бросил на траву. — Приберите это для меня, хорошо, Триг? — Голос его звучал неуверенно. — Я вам позже позвоню.

— Конечно, — негромко ответил Ямамура. — Звоните в любое время.

Кинтайр вслед за Моффатом пошел к полицейской машине. Из жилого массива машина влилась в уличное движение. Моффат, сидевший за рулем, показал на зажигалку.

Кинтайр затянулся и снова спросил:

— Что случилось?

— Похоже, он был убит. — Моффат посмотрел на широкие плечи пассажира и вниз на его мощные запястья и кисти. — Сначала поедем в отделение, если не возражаете. Там вы сможете поговорить с инспектором Харрисом.

В следующие часы Кинтайр ответил на множество вопросов. Казалось, инспектор Харрис не сомневался в том, чье это тело, но ни в чем другом не был уверен.

— Брюс Ломбарди. Двадцать четыре года, говорите? Пять футов девять дюймов, стройный, карие глаза, короткие каштановые волосы... хм. Очки он носил?

— Да. Он был близорукий. Очки в роговой оправе.

— Какую одежду он обычно носил?

— Все, до чего мог дотянуться. Он был не очень аккуратен в одежде. Помню... ну, это неважно.

— Пожалуйста, расскажите, доктор Кинтайр. Это может иметь значение.

— Вряд ли. Это было лет пять назад. Я был ассистентом, надеялся стать инструктором, а он — первокурсник, с расчетом на магистра на нашем факультете — истории; я вам говорил об этом? Устроили что-то вроде чая, неформально, понимаете. Он явился в поношенном твидовом пиджаке и в старых потертых и застиранных джинсах. Он искренне считал, что это подходящая одежда... Неважно. Тогда это казалось очень забавным.

Кинтайр погасил сигарету (пятую, шестую, двенадцатую?) и глубоко вдохнул. Он слишком поддается всему этому, подумал он. Болтает, как старуха, потрясенная до потери ума. Как будто он раньше никогда не встречался со смертью.

Он попытался опереться на то, чему научился в додзе, в школе дзюдо. Дзюдо — лишь отчасти спорт, это также философия, Мягкий Путь, со многими аспектами, и первое требование — уметь полностью расслабиться. Пассивный человек готов ко всему, потому что сам может стать кем угодно.

Но попытка была неудачной. Кинтайр интересовался дзюдо только несколько лет, в целом он был человеком Запада. Он с неожиданной ясностью понял, почему смерть Брюса так его поразила: снова ушел тот, кто был ему не безразличен, и начал просыпаться ужас, который он носит в себе двадцать лет.

— Вы плохо себя чувствуете, доктор Кинтайр?

Харрис, вежливо озабоченный, наклонился над столом.

— Простите, что подвергаю вас такому напряжению. Если хотите немного отдохнуть...

— Нет. — Кинтайр в какой-то степени успокоился. — Я был потрясен, но... Продолжайте. Если Брюс действительно убит, я определенно хочу сделать все, чтобы помочь вам найти убийцу.

Инспектор задумчиво посмотрел на него.

— Вы с ним были очень близки, не так ли?

— В некотором смысле. Он почти на одиннадцать лет моложе меня и жил ... замкнутой ... ограниченной жизнью. Не обеспеченной в обычном смысле, его семья бедна, но ограниченной. Он был очень мирный человек, и вся его жизнь с поступления в колледж была связана только с книгами. От этого он казался еще моложе.

Кинтайр вздохнул.

— Мы стали друзьями, насколько это возможно в таких обстоятельствах, — закончил он. — Может, я смотрел на него как на сына. Но я не женат и не могу быть в этом уверен.

— Он ничего такого не говорил вам, что заставило бы подумать, что у него серьезные неприятности?

— Нет. Абсолютно нет. Я знаю, что его старший брат связался с сомнительными людьми в Сан-Франциско, и это его беспокоило, но он никогда не говорил, что происходит что-то плохое.

— Посмотрим. — Харрис просмотрел свои записи. — Я понял, что он оставил квартиру... этой своей подруги в шесть часов вечера в субботу, сказав ей, что у него дела в Городе и она не должна его ждать. Она встревожилась и позвонила вам вечером в воскресенье. А сегодня рано утром патрульная машина обнаружила его на старой дороге, идущей параллельно шоссе, у поворота на Эшби-авеню.

— Вы работаете быстро, — сказал Кирби. Или я сам рассказал все это? подумал он. Есть минуты, которые я помню очень смутно. Мне приходится бороться с собой.

— Что вы делали в уикэнд? — небрежно спросил Харрис.

— О, посмотрим... В субботу утром я возился в гавани яхт, кое-что делал со своей лодкой. Вернулся домой в середине дня, проверял работы и прочее, потом вечером вышел и выпил пиво с другом — доктором Левинсоном с философского факультета. В воскресенье утром плавал под парусом в заливе, позже закончил проверку. Вскоре после звонка мисс Таун меня пригласили к Джеральду Клейтону в «Фэйрхилле». Мы там немного выпили и допоздна разговаривали. Сегодня утром я сдал последние отчеты в университет, вернулся домой и упражнялся с Тригом Ямамурой, когда пришел ваш человек.

— Похоже, у вас очень надежное алиби, — улыбнулся Харрис. — Впрочем, мы никого не подозреваем по эту сторону Залива.

— Почему?

Рот Харриса напрягся.

— Доктор Кинтайр, в ближайшие несколько дней, вам, несомненно, зададут множество вопросов. Сейчас выскажите все самое трудное, потом встретьтесь с друзьями и снова выпейте. Это мой совет.

Они обменялись рукопожатиями, чувствуя, что это театральный жест, испытывая поэтому замешательство и не зная, как его

преодолеть. Моффат через весь город повез Кинтайра туда в Окленде, где находилось тело.

Они вошли в холодное помещение. Кинтайр заставил себя идти первым. Он подошел к телу, закрытому простыней, и отвернул покрытие.

Немного погодя он повернулся.

— Брюс Ломбарди, — сказал он. — Да.

— Мне жаль... Дьявольщина. — Моффат отвернулся. — Он был красивым молодым человеком. Правильные черты лица, все такое. Наверно, родители им гордились.

— Они заплатили за его учебу в колледже, — сказал Кинтайр. — С тех пор он работал ассистентом, но первые четыре года тяжело достались бедной семье.

— И теперь они увидят это. — Моффат стоял, сжав кулаки, и говорил очень быстро. Он тоже молод и более потрясен, чем его начальник. — Посмотрите на эти ожоги... следы... Они по всему телу. И он все время был в сознании, ну, может, забывался на несколько мгновений... Ни следов дубинки, ни хлороформа, только рубцы от веревок. А когда он умер, убийцы отрезали пальцы и изуродовали лицо, чтобы нам трудней было опознать. Надели на него пальто и старые брюки и бросили в воду у берега. Двадцать четыре, говорите? Вот что увидят старики Ломбарди вместо своего двадцатичетырехлетнего сына. Боже. И, конечно, мне придется везти сюда его отца.

— Думаете, это был садист?

— Конечно. По крайней мере у одного из убийц есть такая склонность. Нужно свихнуться, чтобы сделать такое. Да, я уверен, что это была профессиональная работа. Пытка была методичная, почти аккуратная, с определенной целью. Это заметно. Когда они добились своего: он заговорил или еще что-то, — ему перерезали горло — аккуратно и в чисто гангстерском стиле — и изуродовали лицо по очень логичной причине: чтобы затруднить нам опознание. Им не стоило бросать его в Беркли. Полиция Беркли знает так много людей из университета, что мы сразу подумали: такой приличный молодой человек должен быть в кампусе, и сразу это проверили. Но это была их единственная ошибка. А моя в том, что у меня работа, что я должен буду показать это его отцу.

— Это обязательно нужно делать?

— Таков закон. Я бы хотел, чтобы было по-другому.

Моффат сделал движение, чтобы вернуть простыню на место, но Кинтайр сделал это первым. Прикрыть лицо Брюса значит положить конец чему-то. Хотя истинный занавес опустился несколько часов назад, подумал Кинтайр, когда Брюсу ломали и обжигали руки, пока он не умер. А потом ему отрезали пальцы. Может, занавес вообще еще не опустился.

Когда Кинтайр вернулся, солнце уже садилось. Он вошел в гостиную, уставленную книгами. На стенах несколько хороших картин, проигрыватель, его сабли Триг развесил на стене, мебель подержанная или сделана из старых ящиков — и больше почти ничего. Кинтайр не считал, что нужно загромождать квартиру.

Он налил себе выпить. Гленливет^[3] — единственная роскошь, которую он себе позволяет. Нет никаких причин, по которым этот мальчик должен был занять такое большое место в жизни Кинтайра, но каким-то образом он это сделал. И пустота причиняла боль.

Когда зазвонил телефон, Кинтайр был рядом и поднял трубку, еще сознательно не зарегистрировав сигнал. Но не удивился, услышав голос Марджери Таун.

— Боб? Знаешь?

— Да. Мне жаль. Не могу сказать, как жаль.

— Могу догадаться. — Голос ее звучал бесстрастно: должно быть, изо всех сил пытается держать себя в руках. — Мы оба его любили.

— Его все любили.

— Кто-то не любил, Боб.

— Наверно, тебе сообщила полиция?

— Они были здесь несколько минут назад. Знают ли они всё?

— Вероятно. Я дал им твое имя. Они связались сначала со мной — для опознания.

— Они были очень вежливы и все такое, но...

В трубке тишина.

— Боб, можешь прийти и поговорить со мной? Сейчас?

— Конечно, милая. Дай мне полчаса.

Кинтайр одной рукой повесил трубку, а другой начал раздеваться. За десять минут он принял душ и передел костюм.

Квартира Марджери наискосок, и университет находится на середине. Кинтайр припарковал свой побитый «'48 де сото» на углу кампуса и пошел, надеясь вернуть упругость мышцам и привести мысли в порядок.

Ровный желтый свет проходил через листву эвкалиптов и заливал подстриженную траву газонов и пышные белые здания, в которых в это время, между церемонией посвящения в бакалавры и началом летних занятий, почти никого нет. Кинтайр неопределенно подумал, что ему придется просмотреть стол Брюса, закончить его работу и, да, завершить его исследование «Книги ведьм»... Его мысли перешли к практическим проблемам. Что ему делать с Марджерри?

Он хотел бы помочь ей, если бы мог — будь все дважды проклято, разве он не пытался раньше? Но с другой стороны, он не собирается — еще раз: не собирается ввязываться. Это было бы нечестно по отношению к ним обоим.

У этой игры есть правила, и они играли по ним. Вы оставляете в покое жен и девственниц, но она давно разведена и с тех пор спала не с одним мужчиной. Ничего не берешь у женщины и ничего не даешь ей. Совершенно отчетливо даешь ей понять, что тебя ничто постоянное не интересует. А когда бросаешь ее после нескольких приятных месяцев, делаешь это чисто; у него был лучший в мире предлог: в 1955 году он получил академический грант для года жизни в Италии и продолжения исследований по его специальности — Возрождению. (Но последние несколько недель она была необычно тиха; иногда по ночам он слышал, как она пытается не заплакать.) Вернувшись, вы не возобновляете прежние отношения; сохраняете дружеские отношения в тех случаях, когда приходится встречаться.

Да, конечно. Но тогда она встретила с Брюсом, и Брюс хотел на ней жениться, а она серьезно подумывала об этом, а теперь Брюс мертв, а Кинтайр идет к ней, чтобы утешить. Можно ли зайти и сказать: «Привет, я по-прежнему сторонник философии „кота в мешке“, поэтому буду осторожен; а теперь можешь поплакать у меня на плече»?

Он понял, что держит в губах погасшую сигарету. Выбросил ее и остановился, чтобы закурить новую. Он почти у здания, в котором его собственный факультет.

— Добрый вечер.

Кинтайр поднял голову. К нему направлялся Джейбез Оуэнс.

— Привет, — ответил он. — Как дела? Прошу прощения, но мне нужно...

Оуэнс подошел к нему и взял за руку.

— Старина, — произнес он с самым отчетливым гарвардским акцентом, — мне ужасно жаль.

— Да?

— Молодой Ломбарди. Я видел в газетах. Вы знали?

— Да.

Кинтайр холодно посмотрел на Оуэнса. Писатель — рослый мужчина, но ширина его плеч — заслуга исключительно портного. У него румяное лицо, темные волнистые волосы, седеющие у висков, голубые глаза за очками в железной оправе, твидовый костюм с платком в верхнем кармане пиджака и трубка-калабаш.

— Я знаю, что он был убит, — сказал Кинтайр, глядя Оуэнсу в лицо.

— Ужасно. Помню однажды на Суматре... но это было очень давно. Послушайте, — откровенно заговорил Оуэнс, — я знаю, что вы знаете о моих разногласиях с бедным молодым человеком. Да это было всего ... когда? В четверг мы были в гостях у Клейтона. Вы, должно быть, слышали, как мы спорили из-за его глупой работы. Но это! *De mortuis nil nisi bonum.*^[4]

Кинтайр не любил Оуэнса. Не как ученый, возмущенный популяризатором, гоняющимся за сенсациями. Какого дьявола, книги Оуэнса пробуждают интерес в обществе; они сообщают некую информацию, хотя и искаженную; и это больше, чем можно сказать о средней исторической монографии. Но за то время, что он в Беркли, происходит непрерывное представление, в котором Джейбез Оуэнс выступает как автор сюжета и диалогов, как режиссер, продюсер, главная звезда, второстепенные действующие лица и массовка. Это очень скучно.

Поэтому Кинтайр зло сказал:

— Я закончу эту его работу. И, несомненно, мне придется искося взглянуть на эти ваши «Письма о Борджиа». Но мне потребуется некоторое время, у меня нет всех фактов и выводов, которые были у него. Поэтому советую вам быстрее отправляться в Голливуд и начинать кино.

Оуэнс рассмеялся хорошо рассчитанным смехом, не слишком громким для посмертного спора, не слишком легким, чтобы звучать искренне.

— Хотел бы принять ваш вызов, — сказал он. — Нет ничего лучше хорошей словесной перепалки, а это именно то, что давал мне мальчик. Кстати, я могу остаться здесь еще на несколько дней. А может, и нет. Но я остановил вас, чтобы выразить вам соболезнования и предложить помочь, если это возможно.

— В чем помощь? — спросил Кинтайр. Ему показалось странным совпадением, что Оуэнс проходит у этого здания именно в эту минуту.

— О, не знаю. Ни в чем, может быть. Вы как будто направляетесь к... — Оуэнс деликатно запнулся... — к дому его невесты. Кто-то говорил мне, что она живет здесь.

— Хм, да.

— Очаровательная девушка. Бедный Ломбарди. Она очень хорошая причина для того, чтобы не умирать. Пожалуйста, передайте ей мои сожаления. И — еще одно мгновение, если позволите.

— Да?

Кинтайр уже поворачивался, но остановился.

Оуэнс покраснел.

— Не поймите меня неверно. Это точно не мое дело. Но я бы сказал, что я, вероятно, на пятнадцать лет старше вас и, возможно — вероятно, я не должен давать вам советы. Но я хочу помочь вам. И ей. Уведите ее на вечер. Я знаю, что они жили вместе. В ее доме будет слишком много воспоминаний. — Он кивнул — почти неловко. — Прошу прощения. Мне пора идти. Увидимся вскоре.

Кинтайр смотрел ему вслед. К черту все, что ты говоришь. В твоём теле нет ни одной подлинной кости!

Он взглянул на часы. Опаздывает. И, удлинив шаги, пошел по освещенному закатным солнцем тротуару.

Через замысловатые южные ворота, по нескольким заполненным магазинами кварталам на Телеграф-авеню, потом налево, чуть вверх по холму, по улице домов с меблированными квартирами и маленьких коттеджей. Квартира Марджери здесь; или следовало бы сказать, квартира Брюса? Он получал почту по другому адресу (сейчас там должны быть толпы зевак), но жил здесь.

Кинтайр поднялся на второй этаж. Позвонил. Марджери открыла дверь и закрыла за ним.

Брюс переселился сюда во время рождественских каникул, полгода назад, но интерьер по-прежнему был ее, воздушный и

современный. Получив диплом бакалавра искусств в колледже, она со временем стала авторитетной фигурой в местной фирме декораторов. А Брюс был бы счастлив и в пещере, если бы в ней были полки с книгами.

И все же каким-то образом, думал Кинтайр, ожидая, пока Марджери заговорит, она сумела преобразовать пространство вокруг него. Пианино, на котором он играл, было настроено для него; большинство его записей, которые приятно иметь, здесь. Она взяла в рамку и повесила один из его рисунков — вид с холма Олбани на Золотые ворота; очертания моста заставляли посмотреть на рисунок вторично.

И, конечно, почти все книги были его, и она превратила одну комнату в его кабинет. Когда все это учтешь, получится, что только одежда и попугай принадлежали ей.

Я никогда так не действовал на нее, подумал Кинтайр. Квартира Марджери всегда заставляла меня нервничать. А Брюс сумел сделать ее внушающей мир.

— Здравствуй, — сказал он, поняв, что она не собирается говорить первой.

— Привет. — Она подошла к кофейному столику со стеклянной столешницей и открыла пачку сигарет. — Спасибо за то, что пришел.

— Не за что благодарить, — ответил он. — Ты можешь помочь мне больше, чем я тебе.

Она несколько мгновений смотрела на него, и он понял, что ответ был бестактный, со множеством намеков. Но потом она взяла сигарету и закурила.

— Выпьешь?

— Ну... ты, пожалуй, слишком много пьешь, малыш.

— Может, это ты пьешь недостаточно, — сказала она.

— Мне нравится вкус. Но не нравится быть пьяным.

— Боишься утратить контроль? Иногда, Боб, я думаю, что это все в тебе объясняет. Для тебя жизнь — это поездка верхом на тигре, и ты должен каждую минуту держать узду.

— Давай не будем любителями-психоаналитиками, — сказал он, идя вслед за ней на кухню. Подойдя сзади, он положил руки ей на талию. — И давай не ссориться. Прости, Мардж. Ужасно жаль Брюса и за то, что случилось с тобой.

Она наклонила голову.

— Знаю, Боб. Не трать слова. — Она взяла в рот сигарету, затянулась, выдохнула дым, опустила сигарету и стала вертеть ее в пальцах. — Продолжай, я смешаю. Мне нужно чем-то заняться.

Он вернулся в гостиную. Его взгляд остановился на пианино. Он увидел исписанные нотные листки и подошел посмотреть. Здесь и застала его Марджери, когда вошла с двумя стаканами.

— Садись, — пригласила она.

Он внимательно смотрел на нее, пытаясь понять ее потребности — и требования. Она невысока, с хорошей фигурой, хотя и склонна немного к полноте, и даже он мог оценить ее простое зеленое платье. Лицо широкое, со слегка курносом носом, очень полными губами, голубыми глазами под бровями дугой, с несколькими веснушками: подходящее слово «дерзкое». Рыжеватые волосы завитками спускаются за уши.

Он кивнул в сторону пианино.

— Брюс снова что-то сочинял, — сказал он.

— Он писал стихи на музыку своей сестры для маленького театра где-то в городе.

— Как он это делал? Я не умею читать ноты.

— Послушай. — Она села за пианино. — Я сама плохой пианист, но получишь представление.

За окнами сгущалась тьма. Марджери пришлось внимательней вглядываться в ноты; руки ее запинались за клавиши. И однако она произвела что-то очень мягкое. Впоследствии он вспоминал эти звуки как дождь в свои молодые годы.

Она кончила, резко проведя костяшками пальцев по клавиатуре. И когда звуки смолкли, сказала:

— Это все. Он так и не закончил.

— Я думаю... — Кинтайр не стал сидеть на диване, перебрался на стул. — Я думаю, не потерял ли весь мир больше, чем даже мы с тобой, Мардж.

— Мне абсолютно все равно, что с миром, — ответила она. Прошла по комнате и щелкнула выключателем. Неожиданный свет заставил обоих сощуриться. — Я бы хотела вернуть Брюса.

— Я тоже. Естественно. — Он взял у нее стакан и сделал большой глоток. Много виски и мало воды. — Но он был необычайно

одаренным ученым. Он даже (ведь он мой ученик) изменил мое мнение о некоторых трудах Макиавелли, подчеркнул их идеализм, конечно. Я помню, как он мне цитировал: «...лучшая крепость в человеческой любви» Разве не такие мысли были сродни Брюсу?

— Лучшая крепость. — Она посмотрела на свой стакан. — Это не слишком ему помогло, верно?

Кинтайр ощупью взял вторую сигарету. Слишком много курит, подумал он: завтра язык будет как поджаренная подметка.

— Что тебе известно? — спросил он.

— Немного. — Ее взгляд был полон отчаяния. — Боб, что произошло? Кто это с ним сделал?

— Не могу себе представить, — бесцветным голосом ответил он.

— Но... может, это было случайностью, Боб? Может, его приняли за кого-то другого?

— Может быть.

Я лгу прямо ей в лицо. У человека не вырывают зубы плоскогубцами, не узнав вначале его имя.

— Что было в газетах? — спросил он. — Я не видел.

— Не знаю. Я сидела здесь с того времени, как пришли полицейские. Они спросили меня, могу ли я догадаться... .. Боже!

Она в три глотка осушила свой стакан.

— Не можешь? — спросил он. — Я вообще с трудом представляю человека, который мог бы ненавидеть Брюса.

— Джин Майкелис, — сказала она. — Я думала и думала о нем. О нем и его отце. Я как-то с ними познакомилась.

— Да, я об этом забыл. Но ведь Майкелис сейчас калека, помнишь? Он не мог...

— Брюса вызвали в Сан-Франциско. Кто-то позвонил ему. Не забудь об этом. Я не могу забыть. Я сидела здесь, пока он разговаривал. Он не сказал, в чем дело, просто ушел. Поехал поездом. Он казался возбужденным, счастливым. Сказал, что вернется поздно и... — Марджери дышала тяжело. — Боб! Джин Майкелис сидел и ждал прихода Брюса... и эти его отвратительные большие руки!

Кинтайр встал и подошел к дивану. Сел рядом с ней. Она слепо поискала его руку, ее пальцы были холодными.

— Полиция считает, что Брюса убили профессиональные преступники, — сказал он. — Можешь представить себе причину?

— Нет. — Она покачала головой. — Нет. Только Джин Майкелис — он клялся, что в несчастном случае виноват Брюс. Ты не видел тогда Брюса. Не видел, как он это переживал: старый друг набрасывается на него, как собака, обвиняет его и его сестру... — Она посмотрела на него затуманенным взглядом. — Это было, когда мы с Брюсом стали жить вместе. Больше ничего не могло ему помочь. Он сделал мне предложение. Я не хотела снова выходить замуж... за него... вообще выходить. А он со своей глупой головой был всегда слишком джентльменом. Конечно, я просто силой затащила его в постель. Что еще могло помочь ему забыть о Джине Майкелисе, лежащем на шоссе с раздробленными ногами? Джин — единственный человек, ненавидевший Брюса, и это ненависть едва не уничтожила его. У Брюса не было других врагов... он не был способен на это!

Это не совсем верно, подумал Кинтайр. Джейбез Оуэнс.

Голос ее стал резче, ее ногти врезались в его ладонь. Он встал, поднял ее за запястье и сказал:

— Пойдем. Мы уходим отсюда.

— Что?

Она посмотрела на него мигая, словно только что проснулась.

— Ты устала, и испугана, и одинока, и голодна, и все это плохо. Мы поужинаем и будем говорить о Брюсе и обо все, о чем захочешь, но отсюда мы уйдем.

— Мне завтра на работу, — возразила она.

— К черту! Скажи, что ты больна и должна отдыхать всю неделю. Бери сумочку.

Она, дрожа, пошла за ним. Он вел ее машину медленно, чтобы дать ей и выпивке в ней время; говорил о самом обычном.

Когда он остановился у одного из лучших ресторанов Окленда, она чуть задержалась.

— Ты не можешь позволить себе это, Боб, — сказала она.

— Если ты еще раз упомянешь деньги, я вымою тебе рот пятидолларовыми банкнотами, — резко ответил он. — Грязными банкнотами.

Она улыбнулась.

— Знаешь, — сказала она, — в конечном счете ты не так уж не похож на Брюса. Он тоже мог заставлять других поступать так, как он

хочет. Когда однажды я похвалила его за это, он сказал: «Ну, я не долбаный святой».

— Очень похоже на Брюса, — согласился Кинтайр.

— Он преклонялся перед тобой, — сказала она за коктейлями. — Знаешь, как сильно? Ты был всем, кем он мечтал стать: путешественником, спортсменом, ученым. Он даже думал служить в военно-морском флоте, потому что ты это делал. И еще ты обращался с ним, как с равным. Ты сделал больше всех, чтобы он был счастлив.

— Я бы сказал, что это сделала ты, — смущенно ответил он.

— Знаешь, ты подталкивал нашу связь. — Он видел, что она немного опьянела, но никакого вреда в этом нет: в более благоприятных обстоятельствах он назвал бы это счастливой выпивкой. — Помнишь, как мы с ним впервые встретились? В прошлом году после возвращения из Европы ты с ним пошел выпить. И столкнулся со мной в заведении, где подают глинтвейн; я ела пирожки и выглядела не слишком эффектно, но решила, что с вами можно будет хорошо провести время... черт возьми, Боб, я надеялась, что ты приревнуешь меня, поэтому устроила Брюсу большое представление. А ты обрадовался!

— Я подумал, что ему нужна девушка, — сказал он. — В мире не только книги и пиво.

— Ты потворствовал, — засмеялась она. — И, конечно, злорадствовал, когда узнал, что мы живем во грехе.

Он пожал плечами.

— Если ты называешь это грехом. На самом деле Брюс был очень домашним человеком. Я надеялся, что ты выйдешь за него.

— Конечно, — ответила она. — Я ведь тоже очень домашний человек, правда?... Боб, я знаю, ты не любишь танцевать и ужасно танцуешь, но, может, попробуем снова перед ужином?

* * *

Потом, когда ужин завершали бренди и кофе, она сказала:

— Я все еще не уверена, любила ли я Брюса. Он мне всегда нравился. Думаю, я начинала его любить.

— Думаю, трудно было этого не сделать при таких обстоятельствах.

— Он был первым моим знакомым мужчиной, который, — она принялась загибать пальцы, — а) был интересен, а все солидные граждане Огайо казались неинтересными, по крайней мере мне; б) надежным, чего нельзя сказать обо всех этих представителях богемы ...

— Прошу тебя. Называй меня как угодно, только не относи к богеме Беркли.

— Ты не в счет. В классификации ты один представляешь раздел. «Надежный» — неподходящее слово. Что я хотела сказать? Верный, постоянный, любящий. Думаю, это то, что нужно. Любящий — не себя, как большинство этих начинающих. Ты тоже что-то любишь, Боб, но я так и не могла понять, что именно. Разве что эту твою яхту? Брюс любил меня. Любил весь мир, но включая меня.

— Его можно было назвать нежным, — согласился Кинтайр. — В то же время он был мужчиной. За те годы, что мы знакомы, мы несколько раз отправлялись в трудные походы; потом, когда я заинтересовал его дзюдо, у него получалось очень хорошо. Во время этих увлечений ему не раз доставалось. Но он никогда не показывал, что ему больно.

— Наверно, ты считаешь это добродетелью, — сказала она.

* * *

Они остановились в холмах, города Восточного залива под ними как звездная галактика, а Сан-Франциско — целая вселенная в темноте. Кинтайр, смутно встревоженный, подумал, почему он сюда приехал.

— Что ты собираешься делать? — спросила она его.

— Я? Следующие несколько дней, ты имеешь в виду? О, заканчивать незаконченное в университете. Позвонить семье, очень давно никого из родственников не видел. А ты?

— Продолжу жить. Что еще остается?

— Не знаю, — беспомощно ответил он.

Она повернулась к нему и вцепилась пальцами в его пальто.

— Боб, не отвози меня домой, — прошептала она. — Не сегодня. Не оставляй меня одну.

— Что? Но...

— Знаю, знаю. Ты боишься, что я затяну тебя, тщеславный бабуин. Ради бога, позволь мне сегодня переночевать у тебя. Я не притронусь к волоску на твоей ханжеской голове, но не оставляй меня одну!

И впервые с того момента, как он к ней пришел, она заплакала.

* * *

Его разбудил телефон. Он повернулся, еще не придя в себя. Рядом спала женщина в его пижаме. Где он ее подобрал? Минутку. Марджери!

Она спала как ребенок, свернувшись клубком. Бледный утренний свет коснулся следов высохших слез у нее на щеке. Кинтайр помнил, как она цеплялась за него. Больше ничего не произошло, она могла быть его испуганной, детской.... Нет! Он изгнал эту мысль еще до того, как она сформировалась. Скажем только, что в эту ночь она была его другом и никем больше.

Он пошел на кухню, что ответить на звонок, не разбудив ее.

— Алло, — сказал он.

— Доктор Кинтайр? Говорит Моффет.

— О... да, из полиции. В чем дело?

— Не знаете ли, что стало с мисс Марджери Таун? Ее нет дома.

В голосе отчетливо звучало это-не-мое-дело-но-мне-нужна-помощь. Увидел ее машину у его дома?

— Если это срочно, я могу ее найти, — осторожно сказал Кинтайр, потому что теперь его очередь это-не-дело-Моффата. — А в чем дело?

— Кража со взломом.

— Что?

— Сосед ночью слышал шум в ее квартире. Несколько часов пытался до нее дозвониться, наконец позвонил нам. Наш человек поднялся по пожарной лестнице и прошел через разбитое окно. Таким путем прошел вор. В квартире все перевернуто.

— Не может быть!

— Может, сэр. Украшения и ценные вещи лежат на видных местах. Они как будто не тронуты. Вероятно, вор искал что-то еще. Не знаете ли, что это могло быть?

Кинтайр вернулся домой около полудня. Джеральд Клейтон по телефону пригласил его на ланч. Кинтайр с готовностью согласился. У него есть своя гордость, но все же не настолько, чтобы не позволить миллионеру заплатить за хорошую еду.

Отель «Фэйрхилл» расположен в шикарном районе у основания холмов, коричневой стеной ограждающих Восточный залив. Кинтайр припарковал свою подержанную машину среди огромных «кадиллаков» и «плимутов» и прошел в вестибюль.

Клейтон встал с кресла.

— Здравствуйте, Боб. — Пожал руку и пошел к лифту. — Я решил, что лучше поесть наверху. Но если хотите до ланча выпить...

— Нет, спасибо. Может, бутылку пива за едой. А в чем причина всего этого?

— Нам нужно поговорить. Не очень срочно, но в следующие дни я буду занят в Городе. — Клейтон взял Кинтайра за руку. — И мне не хотелось есть одному.

Ему пятьдесят, у него все еще широкая грудь и прямая спина, а сшитый на заказ костюм очень старательно скрывает начинающий формироваться животик. Поседевшие рыжеватые волосы, зачесанные назад, покрывают узкую голову; нос и подбородок выступают на сильном, мускулистом лице, которое когда-то должно было быть красивым. Глубоко посаженные глаза голубые, никаких очков. Он нравился Кинтайру, иногда Кинтайр его жалел и часто старался представить себе, о чем думает этот человек.

— Я слышал о молодом Ломбарди, — сказал Клейтон в лифте. — Ужасно.

— Полиция и у вас побывала?

Кинтайр заговорил резко: ему не нужны эмоциональные сцены.

— Было одно интервью. Их не интересовало мое алиби. Какое разочарование! Алиби у меня отличное. Свидетели каждого часа бодрствования. Я приехал в Беркли примерно в полдень в субботу, у меня было совещание с менеджером местного автомобильного агентства, потом я был в театре, представление кончилось поздно. В

воскресенье церковь, потом я играл в гольф, вечером мы выпивали, а в понедельник я уехал в Город и весь день провел в своем офисе.

Лифт остановился. Они вышли и прошли по длинному коридору. Немного удивленный и раздраженный, Кинтайр сказал:

— Вы слишком много оправдываетесь.

Клейтон открыл дверь.

— Простите, — ответил он. — Я пытался улучшить себе настроение, а получается, что я как будто стараюсь быть забавным. Брюс был хорошим парнем.

Он вызвал обслуживание в номерах. Клейтон разглядывал номер. Основные интересы Клейтона связаны с Сан-Франциско. Последние несколько месяцев он снимал этот номер, организуя местное отделение своей фирмы. Но Восточный залив сам по себе обладает значительным рынком, и это вполне оправдывает частые приезды Клейтона.

Хотя он живет здесь с четверга, в номере почти ничего не говорит об этом. Его помещение в Сан-Франциско такое же безличное. Кинтайр сомневался, чтобы в пентхаусе в Нью-Йорке и в роскошной квартире Клейтона в Риме было больше души. Четыре снимка, которые, очевидно, переезжали вместе с Клейтоном: светловолосая женщина с какой-то размытой красотой — его первая жена, два мальчика и девочка — дети, которых она родила ему. А в остальном можно было увидеть только бизнес-почту и деловые документы.

О, да, Клейтон курит дорогие сигары и может быть своим в кругах общества, где говорят об опере или последних высказываниях Сартра. Но никаких книг, только свежие номера журналов; нет шахматной доски, колоды карт или полуразгаданного кроссворда; никакой частной корреспонденции; что ж, если человек хочет быть только кассовым аппаратом, это его право.

Но Клейтон и не таков, подумал Кинтайр. Что-то от смелого молодого продавца (где же он начинал? В Индианаполисе? В каком-то таком месте), от бригадира строителей в самые трудные дни, от мелкого менеджера средневосточного торгового дома — то, что Марджери, с ее умением приклеивать ярлыки, называла «Бэббит»^[5], еще оставалось в этом трансокеанском предпринимателе. Да. Но могло развиваться кое-что иное. Кинтайр так и не мог понять, что именно. Именно по этой причине он принимал приглашения Клейтона.

— Отлично. Ланч сейчас будет. Садитесь, Боб.

Кинтайр сел у окна и достал сигарету. Клейтон предпочел сигару.

— У полиции есть след в убийстве Брюса? — спросил он.

— Откуда мне знать?

— Вы были его лучшим другом. — Клейтон посмотрел Кинтайру в глаза и не отводил взгляд. — Мальчика убили не для забавы. Каким-то образом он сам на это напросился. Если бы мы знали, что он делал, скажем, в последнюю неделю жизни...

— Хм. Вы правы. Он часто виделся с вами, верно?

— Да. Это главная причина моего сегодняшнего приглашения, Боб. Может быть, вдвоем мы сможем восстановить его передвижения. — Клейтон усмехнулся. — Конечно, я не думаю, что мы раскроем преступление или еще какая-нибудь подобная чепуха, но организованная информация может помочь полиции.

— Что ж... — Память Кинтайра ушла в темноту прошлого. — Позвольте подумать... Мы с ним были очень заняты в последнюю неделю из-за конца семестра и начала экзаменов. После этого на факультете особой организации нет. У вас может быть два экзамена в один день, а потом ни одного в течение трех дней. Так что в эту неделю у Брюса было немало свободного времени. Да, он упоминал, что неделю назад, в прошлое воскресенье, переехал через залив, чтобы встретиться с вами.

— Да. — Клейтон заглянул в свой блокнот. — Он приходил ко мне домой и спросил, не дам ли я работу его старшему брату.

— И что?

— Я знал его брата. Встречал когда-то. Я сказал нет. Брюс рассердился: я не согласился даже поговорить с этим Гвидо.

Кинтайр улыбнулся.

— Я понимаю, что вы имеете в виду. Мало кто знал эту его сторону. Он редко терял выдержку, но когда это происходило, было ужасно. Вы ведь не уступили ему?

— Это было нелегко, — сказал Клейтон. — На самом деле мы не в первый раз говорили о его брате. Был еще разговор, несколько месяцев назад, но я не помню подробности.

— Мне кажется, я помню. Кстати, это происходило в моем офисе; мы тогда с ним говорили о «Книге ведьм». Он сказал, что у него есть брат, который говорит по-итальянски. Вы сказали, что сомневаетесь, чтобы Гвидо был способен на ответственную работу. Да, вы тогда

презрительно сказали, что сами начинали с нуля и каждый может сделать то же самое.

— В моем случае меньше чем с нуля, — сказал Клейтон. Рот его дернулся, хотя и еле заметно.

— Это вызвало раздражение Брюса, — сказал Кинтайр. — Но он быстро с собой справился. Он иногда бывал слишком разумен для собственного блага.

— Звучит противоречиво. Думаю, разумный человек никогда не должен выходить из себя.

— Не могу с вами согласиться. Бывают такие неразумные случаи, что из-за них нельзя не выйти из себя. Зверства, включая некоторые правительства, которые сами по себе являются зверством. Или, если вернуться к Брюсу, был один инцидент на мысе Перро несколько месяцев назад.

— Что там было?

— О, ничего особенно важного. Мыс Перро примерно в шестидесяти милях к югу по прибрежному шоссе. Место необитаемое, хотя есть на любой хорошей карте. Всего лишь мыс, с пляжем внизу, частная собственность, огражденная, но я знаком с владельцем, и он разрешил пользоваться. Изолированное место, такое примитивное, какое можно найти только в горах, в Высокой Сьерре. Мы с Брюсом взяли с собой спальные мешки и отправились туда на уикэнд. Хотели заняться серфингом. Там крутой спуск к месту, где в прилив собирается много рыбы. И мы увидели, что кто-то здесь взрывал динамит. Это не только погубило рыбу, но и нарушило скальные формации. Брюс проследил за следами шин наверху, определил, что эти взрывники уехали на юг, и настаивал на преследовании. Он готов был отправиться один. Но мы смогли только известить власти, что испортило нам воскресенье. Он никак не хотел отступить.

Кинтайр вздохнул.

— Думаю, что точно по такой же причине он погиб.

— Вернемся к нашему расписанию, — предложил Клейтон. — Брюс ворвался ко мне вечером в воскресенье, но согласился прийти на следующий день. Я сказал, что тем временем подумаю и что он может привести ко мне Гвидо.

— Что произошло?

— Они пришли вместе. Я сразу понял, что Гвидо безнадежен. Забавный парень и все такое, но лентяй всегда остается лентяем. Однако я разговаривал вежливо. Может, я когда-нибудь открою ночной клуб, и Гвидо сможет в нем петь. Все было нормально. — Клейтон затаился сигарой. — Я не видел Брюса с тех пор до маленького приема здесь в четверг вечером. Можете заполнить промежуток?

— Ммм... да, я разобрал все это в сознании. В понедельник, о котором вы говорили, я познакомил Джейбеца Оуэнса с Брюсом. Мы говорили примерно с час в моем офисе. В остальном, думаю, у него был самый обычный день, пока он не пошел к вам.

— Во вторник?

— Снова обычный день, только, как договорились, приходил Оуэнс и дал ему письма Борджиа. В этот день Брюс взял их с собой домой, чтобы посмотреть.

— О, да, на приеме они спорили об этих письмах. Кстати, в чем там дело? Я не совсем понял. Я сам большую часть времени разговаривал с профессором Эшвином.

— Знаете, Оуэнс — писатель. Он пишет популярные книги по истории.

— Я слышал это имя, но и только.

Кинтайр сделал глубокий вдох опытного лектора.

— В тридцатые годы книги Оуэнса были бестселлерами, — сказал он. — Но с последней войны они стали продаваться гораздо хуже. Несколько лет назад он выпустил книгу «Великолепное чудовище: Жизнь и время Чезаре Борджиа». В научном отношении скромная работа — мягко выражаясь, но у него яркий стиль и он щедро примешивает к рассказу секс и садизм. На месте все старые клеветнические рассказы о Лукреции и тому подобное. Но даже в твердом переплете книга стала бестселлером, и потребность в дешевом издании едва успевали удовлетворять. Сейчас Голливуд хочет на основе этой книги снять очередной супербоевик.

— Ну и что? — Клейтону, казалось, стало скучно. — Хорошо для него, но какое это имеет отношение к Брюсу?

— Дайте мне немного времени. Перед написанием этой книги Оуэнс провел много времени в Италии, предположительно проводя исследования. Он приехал с письмами, которые, как он утверждает, обнаружил в архиве одного знатного семейства — письма самого

Чезаре и к нему; и эти письма как будто связывают его с культом сатанистов и со всевозможными оргиями и безобразиями.

Эта переписка вызвала в научной среде оживленные споры. Если это подделка, то очень искусная, и знатной семье, о которой идет речь, хорошо заплатили и подготовили ее. Сам я считаю, что это именно так. Но Оуэнс не только использовал эту возможность, не только представил себя ученым детективом, нашедшим новые документа Босуэлла^[6], он сделал эти письма основой своей книги.

— А, да. И теперь моя «Книга ведьм»...

— Опровергает это. «Книга ведьм» бесспорно подлинная, и некоторые ее утверждения имеют решающее значение. *La vecchia religione*^[7] возникла в Романье и даже еще раньше, в Лигурии, задолго до того, как Чезаре Борджиа стал отблеском в апостольском взгляде его отца. Поэтому письма Оуэнса — это подделка. Либо Оуэнс сам их сочинил, либо его провели.

Установив это какое-то время назад, Брюс написал ему письмо. Таков Брюс, конечно. Давал возможность бедняге прилично отступить прежде чем публиковать доказательства, которые его уничтожат. Оуэнс ответил достаточно вежливо, попросив о профессиональном обсуждении. И явился в прошлое воскресенье на пути из Нью-Йорка в Голливуд, и с тех пор он здесь.

— Не думал, что он заставит продюсеров так долго ждать, — сказал Клейтон.

— У него нет контракта, только приглашение приехать и обсудить возможности. Скандал типа Пилтдаунского^[8] может заставить студию отказаться от замысла. Если студия хочет рассказать о жизни Борджиа, это вопрос общественный. И она не должна ничего платить Оуэнсу, если не использует материалы ведьмовского культа. В противном случае студии придется заплатить ему круглую сумму и сделать его научным консультантом.

— Хм.

Взгляд Клейтона стал задумчивым.

— Я все отвлекаюсь, — сказал Кинтайр. — Да и горло пересохло. Пиво сейчас не помешало бы.

— Через минуту, Боб. Давайте вначале продолжим. Вы говорите, Брюс взял эти письма домой во вторник вечером.

— Да. Я знаю, что в среду он снова встретился с Оуэнсом, вернул ему письма и сказал, что не видит причин менять свое мнение. Должно быть, они тогда серьезно поссорились. Я в тот вечер был в дождю и, кстати, не видел Брюса до четверга. Потом, конечно, мы с ним и еще несколькими коллегами были у вас на этом мальчишнике. Оуэнс тоже там был.

— Я собрал ученых, — улыбнулся Клейтон.

Кинтайр подумал, насколько это может быть верно. В верхнем слое европейского бизнеса, где Клейтон проводит половину времени, человека уважают не только за его деньги; его будут ценить гораздо выше, если он проявит какие-нибудь заметные интеллектуальные достижения. Клейтон вряд ли стремится к такому уважению, но должен хорошо знать выгоду подобных оценок.

Каждый богатый американский болван может купить картину. У Клейтона больше воображения: он собирал инкунабулы. А также приглашал специалистов, угощал их выпивкой и сэндвичами, сталкивал друг с другом и сидел, усваивая особенности их речи.

И что в этом плохого? думал Кинтайр. Во времена Возрождения все знатные люди покровительствовали ученым и художникам по тем же самым причинам. И поэтому у Возрождения были Леонардо, Рафаэль, Микеланджело... Мы отправляем своих творческих людей на рынок, чтобы они торговали собой в обществе. И что получаем в результате? Рок-н-ролл!

Он заставил себя перестать отвлекаться. Клейтон говорил:

— ... химические тесты. Оуэнс ответил, что не позволит уничтожить бесценные реликты. Мне это показалось фальшивым.

— Да, тогда спор был ожесточенный, — восхищенно покачал головой Кинтайр.

— Сейчас это неважно. У вас есть сведения о дальнейших передвижениях Брюса?

— В пятницу мы с ним напряженно работали. Наверно, он и в субботу работал. В пятницу днем я видел его живым в последний раз. Мы только поздоровались при встрече. Марджери Таун говорит, что в тот вечер он был дома, в субботу днем тоже. А может, в университете.

— И это все, что мы можем узнать? — Клейтон поморщился. — Не очень много. Может, мисс Таун сможет сказать...

— Еще одно, — сказал Кинтайр. — Возможно, это не имеет отношения. Но сегодня ночью ее квартиру ограбили.

Сигара выпала изо рта Клейтона. Он неловко наклонился, поднимая ее. Но он заметил, что Кинтайр наблюдает за ним; его движения стали ровней, а, когда он распрямился и сел, контролировал выражение морщинистого лица.

— Удивлены? — спросил Кинтайр.

— Да. Конечно. Что случилось? Что взяли?

— Вот это самое странное. Ничего, насколько она смогла понять. Кто-то вломился к ней и все перевернул, но не взял ни серебряной посуды, ни драгоценностей — ничего.

— Хм. — Клейтон посмотрел на свои руки, лежавшие на коленях, потом спросил: — А документы?

— Мы думали об этом. Перевернуты все ящики письменного стола, но как будто ничего не пропало.

— Что она знала о его документах? — Этот вопрос Клейтон задал резко, как полицейский. — Не тяните, ханжа! Я знаю, что она была его любовницей.

— Мне не нравится это слово в подобных обстоятельствах, — мягко сказал Кинтайр. — Однако ... она не могла видеть все письма и заметки Брюса. Он держал их в нескольких папках. Но их как будто даже не открывали.

— Вы уверены? Проверяли это?

— Нет. А нужно было?

— Вероятно, нет. — Клейтон потер подбородок. — Нет, я бы не стал беспокоиться. Очевидно, грабитель искал что-то такое, что, по его мнению, должно быть в квартире, но его не было. Что-то такое, что могло лежать в ящике стола, но слишком велико, чтобы поместиться в папку. Что-то такое.

— Что именно? — спросил Кинтайр.

Он догадывался, каким будет ответ.

— «Книга ведьм» — толстый том.

Кинтайр кивнул. Он собирался повторить то, что сказала ему Марджери, когда они остались среди беспорядка после ухода полицейских.

Она дрожащими руками налила себе выпивки. Солнечный луч сделал медными ее еще встрепанные волосы. Она сказала:

— Ублюдок. Трусливый ублюдок. Почему я не сказала копам?

— О чем?

— Об Оуэнсе, конечно. Кто, по-твоему, мог это сделать? Кому нужно что-нибудь у меня дома, кроме этой старой книги, которую изучал Брюс? Эта книга могла торпедировать и деньги за кино, и репутацию Оуэнса. Это он приходил сюда, чтобы найти книгу и сжечь ее!

Она залпом выпила, налила еще и посмотрела на Кинтайра.

— Ну? — резко спросила она.

— Что ж, это серьезное обвинение, — ответил он.

— Серьезная моя левая ягодица! Ты знаешь, что эта змея пыталась сделать? Он попробовал подкупить Брюса! Брюс рассказал мне об этом в пятницу после того мальчишника. Оуэнс пришел к нему в офис и говорил об этом... но он говорил осторожно, эвфемизмами. Однако он предложил Брюсу пять тысяч долларов, если тот умолчит о своих находках о ведьмах в Италии. Пять тысяч долларов... Боже, да кино принесло бы ему четверть миллиона!

— Значит, тебя оскорбил размер взятки?

Попытка пошутить не прошла. Марджери яростно сказала:

— Брюс был вне себя. Он еще кипел, придя домой. Он сказал Оуэнсу, что напишет статью о своих находках, как только вы вернетесь из своего похода... он расскажет газетам, чтобы все знали правду ... Боб!

Она закричала.

— В чем дело? — воскликнул он, в тревоге поворачиваясь к ней.

— Боб, ты думаешь... О, нет, Боб!

* * *

— В чем дело? — спросил Клейтон.

Кинтайр встряхнулся.

— Ничего. Книга до сих пор у нас естественно, — спокойно сказал он. — Брюс держал ее в своем офисе. Я сегодня заглянул туда и запер книгу в сейфе.

— Оуэнс...

— Послушайте, — сердито сказал Кинтайр, — я уже прошел через все это с мисс Таун. Не хочу быть обвиненным в клевете. Полиция вполне компетентна, и все основные факты у нее есть. Если только новые данные не заставят меня передумать, я не собираюсь отправляться с рассказом о мелких академических интригах, причем без всяких доказательств.

Однако, про себя думал он, я не в состоянии много платить, но Триг сейчас не занят. И ему может понравиться расследование такого убийства.

В дверь постучали, и коридорный вкатил на тележке ланч.

Только к вечеру Кинтайр смог проехать по мосту в Сан-Франциско. Он несколько часов разбирал неправленные статьи Брюса, поговорил по телефону с Ямамурой, который обещал по возможности осмотреться, и позвонил Марджеру, чтобы узнать, все ли у нее в порядке.

— Приезжай ко мне, поедим вместе, Боб, — сказала она. Он почувствовал ее одиночество. Но — дьявольщина, она его связывает.

— Боюсь, что не смогу, — ответил он. — Много дел. Но относись ко всему полегче. Сходи в гости, выпей чашку эспрессо, но не сиди дома и не думай о своих проблемах. Скоро увидимся.

Повесив трубку, он немного налил себе и выпил. Потом надел свой самый темный костюм и вывел машину. Лично он не стал бы оповещать о своей потере одеждой, но родители Брюса из Старого Света.

На шоссе и на двойном пролете большого моста (должно быть, Брюса мертвым увезли в противоположном направлении; затолкали в угол, чтобы сборщик платы за проезд принял его за спящего; сейчас, конечно, полиция опрашивает всех, кто работал в ночную смену) Кинтайр вспоминал, что ему известно о семье Ломбарди. Он знает только Брюса, хотя несколько раз обедал с его семьей. Родители очень уважаемые; они гордились тем, что друг их сына доктор философии. Его мать готовит очень вкусную пасту...

Помнить особенно нечего. Анжело Ломбарди был моряком в Генуе. Гвидо родился в трудные времена. Анжело не часто видел молодую жену. (Может быть, то, что Мария провела годы в грязной убогой квартире, где ей некого было любить, кроме маленького мальчика, объясняет, почему Гвидо вырос таким.) В 1930 году семья в качестве иммигрантов приехала в Сан-Франциско. Здесь Анжело работал в рыбацком флоте, здесь родились Брюс и его сестра, здесь Анжело накопил достаточно денег, чтобы купить свою лодку, но потратил все после аварии — да, он столкнулся с лодкой Питера Майкелеса. Понимая, что он постарел, Анжело использовал деньги, полученные за страховку, чтобы открыть ресторан. Ресторан не

прогорел, но и не процветал; он давал деньги на жизнь и немного сверх этого.

Но Анжело Ломбарди оставался человеком, не теряющим надежды.

Кинтайр повернул, проехал по Коламбус авеню до Норт Бич. Гм, посмотрим... небольшая улица у края чайнатауна...хм...

Небо становилось пурпурным, когда он остановился перед нужным домом: кафе «Генуя» располагалось в двухэтажном доме с нишами и башенками, построенном сразу после пожара 1906 года. По бокам китайский галантерейный магазин, полный запахов кожи, и португальская баптистская миссия. На двери написано «Закррито». Конечно, сегодня здесь не хотят обсуждать достоинства пиццы.

В окнах второго этажа желтый свет. Кинтайр нашел лестницу, ведущую туда, и позвонил.

Загорелся уличный фонарь, мимо прошла машина, с противоположной стороны улицы на него смотрел грязный мальчишка. Кинтайр почувствовал себя очень одиноким.

Он услышал шаги на лестнице, легкие женские шаги. Ожидая увидеть Марию Ломбарди, он снял шляпу и, когда дверь открылась, поклонился в европейском стиле. Застыл на половине этого жеста и пораженно смотрел.

Морна, подумал он. Он на палубе шхуны, идущей по ветру, а она стоит у поручня, одной рукой держится за снасти, а другой заслоняет глаза, глядя на сверкающие воды океана. Ветер отбросил ее светлые волосы ему в лицо, они пахли летом.

— Да?

Кинтайр встряхнулся, как собака, выходящая из воды.

— Простите, — запинаясь сказал он. — Простите. Вы меня поразили. Вы похожи на кого-то...

Он так глубоко вдохнул холодный воздух, что почувствовал, как растягиваются легкие. Мышцы расслабились одна за другой.

— Мисс Ломбарди, не так ли? — начал он снова. — Я не видел вас несколько лет, и тогда у вас была другая прическа. Я Роберт Кинтайр.

— О, да, я хорошо вас помню, — сказала она, уголки ее рта чуть поднялись в мягком напряжении. — Профессор Брюса. Он часто говорил о вас. Вы очень добры, что пришли.

Она посторонилась, пропуская его вперед. В узком проходе он случайно коснулся ее рукой. На полпути вверх понял, что у него сжаты кулаки.

Что это за фарс? гневно спросил он себя самого. Только прямые светлые волосы, брошенные челкой на лоб и спускающиеся на плечи. Теперь в ярком электрическом свете он видел, что даже оттенок у волос другой, эти волосы темней, чем выбеленная непогодой грива Морны. И Коринна Ломбарди — зрелая женщина; он вспомнил, что в прошлом месяце Брюс ездил в город на прием по случаю ее двадцать второго дня рождения; да, взрослая. А Морне всегда будет тринадцать.

Коринне было девятнадцать лет, когда он видел ее в последний раз; она жила здесь и работала в кафе. Ломбарди давали небольшой прощальный ужин в его честь перед его отъездом на год в Италию. Они хотели, чтобы он поискал брата Анжело Луиджи, который при прежнем правительстве служил в тайной службе. Кинтайр несколько раз навещал Луиджи. Это был приятный человек со склонностями ученого; он очень интересовался своим умным племянником Брюсом, с которым переписывался.

Во всяком случае у Кинтайра было чем заняться, кроме того как обращать внимание на незаметную скромную девушку. Когда он вернулся, Брюс рассказал, что сестра ушла от родителей после грандиозной ссоры. Вскоре они помирились — это была только ее декларация независимости, но с тех пор она жила самостоятельно, и у нее была работа.

Эти воспоминания успокоили его. И тем временем он продолжал думать о Коринне. И решил, что у нее есть черты обычной хорошенькой девушки. Рослая, с хорошей фигурой, только плечи чуть широковаты и грудь маловата по нормам нынешнего десятилетия. Лицо широкое, с высокими скулами, квадратным подбородком и сильным прямым носом; лицо много времени провело на солнце. Глаза зеленовато-серые под густыми темными бровями, рот широкий и полный, голос низкий. На ней, как и ожидается, черное платье, но с вызывающей бронзовой застежкой в форме ласки.

Тут Кинтайр оказался на лестничной площадке, и Анжело Ломбарди, коренастый, лысеющий, с тяжелым лицом, обхватил его руку своей огромной лапой моряка.

— Заходите, сэр, пожалуйста, и выпейте с нами.

Мария Ломбарди встала, встречая доктора философии. Ее светло-каштановые волосы и чистый профиль говорили, откуда у ее детей такие черты лица; Кинтайр полагал, что их ум тоже от нее.

— Здравствуйте, профессор Кин... тиир. Спасибо за то, что пришли.

Он неловко сел. Гостиная, забитая мебелью, такая, как у миллионов иммигрантов, сумевших с пустыми карманами подняться до среднего класса. Но такие семьи будут двадцать лет питаться бобами, чтобы накопить денег для обучения одного ребенка в колледже. Брюс был таким ребенком.

— Я пришел выразить свое сочувствие, — сказал Кинтайр. Он видел, что Коринна холодным взглядом зеленых глаз оценивающе смотрит на него, но ничего менее банального не смог придумать. — Я могу чем-нибудь помочь? Чем угодно?

— Вы очень добры, — сказал старший Ломбарди. Он налил порцию своего, очевидно, лучшего вина. — Все к нам очень добры.

— Знаете, какой была его квартира последние полгода, профессор? — спросила Мария. — Он никогда не приглашал нас к себе.

Могу себе представить, сухо подумал Кинтайр.

— Ничего необычного, — сказал он. — Как только смогу, привезу вам его личные вещи.

— Профессор, — сказал Ломбарди. Он очень медленно наклонился вперед. В его пальцах блеснули очки. — Вы хорошо знали моего сына. Как по-вашему, что с ним случилось?

— Я знаю только то, что сказали мне в полиции, — ответил Кинтайр.

Мария перекрестилась, и он не стал следить за ее движущимися губами: этот разговор его не касался.

— Моего сына убили, — сказал непонимающим голосом Ломбарди. — Почему его убили?

— Не знаю, — ответил Кинтайр. — Полиция установит.

Коринна встала и остановилась перед мужчинами. Она сделала один длинный шаг, особенно длинный из-за ее гнева. Оперлась руками о бедра и холодно сказала:

— Доктор Кинтайр, вы не наивны. Вы должны знать, что убийство — одно из самых безопасных преступлений. Какова

вероятность, что полиция его раскроет, если полицейские говорят, что у них нет даже мотива?

Кинтайр не смог не ощетиниться немного. Она устала, у нее горе, но он ничего не сделал, чтобы заслужить такой тон. И он сказал:

— Если вы считаете, что-то знаете, мисс Ломбарди, вам следует обратиться к властям, а не ко мне.

— Я обратилась, — хрипло ответила она. — Они были очень вежливы с женщиной-истеричкой. Сказали, что обязательно проверят. А когда увидят, что у него есть алиби — а у него оно будет, — больше ничего делать не станут.

Мария встала.

— Коринна! — воскликнула она. — *Basta, figliolassia!*^[9]

Девушка высвободилась из рук матери.

— О, да, — сказала она. — Так было и в полиции. Со всеми. Не трогайте бедного калеку. Разве он недостаточно пострадал? Неужели не видите, что именно на это он и рассчитывает? Поэтому он и убил Брюса!

Открылась внутренняя дверь, и в комнату вошел мужчина. Лет тридцати, с сильным телом, которое чуть покрылось жиром. Приятная, хоть и мрачноватая внешность, темные вьющиеся волосы, беспокойные карие глаза, курносый нос и чуть обвислый подбородок. Черные обтягивающие брюки и белая рубашка, раскрытая на груди; в одной руке гитара в чехле.

— О, — сказал он. — Мне показалось, что кто-то пришел. Здравствуйте, доктор.

— Здравствуйте, Гвидо, — ответил Кинтайр, не вставая. Лично у него нет ничего против старшего брата Брюса, который вполне прилично себя вел во время их нескольких встреч. Однако... «Тот, кто не избирает дорогу добра, избирает дорогу зла», говорится в «Рассуждениях» Макиавелли, и Гвидо висел грузом не на одной шее.

— Не будь занудой, малышка, — обратился он к сестре. — Я слышу твое оперное выступление за милую против ветра.

Коринна, дрожа, повернулась к нему и сказала:

— Мог бы дать ему остыть, прежде чем снова петь в клубе свои грязные песни.

— Моя девочка, ты говоришь, как настоящий бакалавр; Брюс подтвердил бы это, если бы мог. — Гвидо улыбнулся, одной рукой

достал сигарету и сунул ее в рот. — Весь уикэнд меня не было в городе, именно тогда, когда коты сходят с ума. И если я сегодня не появлюсь, меня просто сожгут, и что хорошего это даст Брюсу?

Он все так же одной рукой достал коробок спичек, открыл, взял одну и искусно зажег.

Коринна перевела взгляд с одного лица на другое, и в нем появилось трагическое выражение.

— Всем все равно, — прошептала она.

Она села. Ломбарди с несчастным видом свел пальцы; Мария сжалась в углу кресла, Гвидо прислонился к косяку двери и выдул облако дыма.

Кинтайр как-то неопределенно подумал, что ему нужно утешить девушку. Он сказал:

— Пожалуйста, мисс Ломбарди. Нам, конечно, не все равно. Но что мы можем сделать? Мы лишь помешаем полиции.

— Знаю, знаю. — Произнося это сквозь стиснутые зубы, она смотрела в пол. — Пусть кто-нибудь другой это сделает. Разве не таков девиз нашей цивилизации? Но когда-нибудь никого другого рядом не окажется, а мы станем слишком вялыми, чтобы помочь себе.

Это было настолько сходно с его мыслями, что он вздрогнул. Но сказал только:

— Вы ведь не можете объявить вендетту.

— Успокойтесь! — Она презрительно посмотрела на него. — Конечно, я не имела это в виду. Но я знаю, кто должен был это сделать, и знаю, что у него есть история, и никто не станет проверять эту историю, потому что он кажется таким жалким и несчастным. А он не таков! Я знаю Джина и Питера Майкелисов. Они знают, чего хотят!

— Хватит! — взревел Ломбарди. — Молчи!

Она не обратила на это внимания. Взгляд ее не отрывался от Кинтайра.

— Ну что? — спросила она спустя мгновение.

Он подумал, действует ли на него ее несчастье или она на самом деле такая гарпия. И очень осторожно сказал:

— Теоретически любой из нас может оказаться виновным. Я мог сделать это потому, что Брюс встречался с девушкой... с которой когда-то встречался я. Или Гвидо — ревность? ссора? У нас только его

слово, что он отсутствовал в субботу и воскресенье. Может, стоит попросить полицию проверить каждую минуту его уикэнда?

Человек у двери вспыхнул.

— Еще чего? — медленно сказал он. — Вы собираетесь...

— Ничего подобного, — сразу прервал его Кинтайр. — Я пытаюсь показать, что подозрения отдельных людей не могут быть основанием...

Гвидо глубоко затянулся, погасил сигарету в ужасной сувенирной пепельнице и вышел, не сказав ни слова. Все слышали, как он спустился на лестнице.

— Простите, господин профессор, — сказал Ломбарди.

— Niente affatto, signor.^[10] — Кинтайр встал. — Вы все устали. — Он улыбнулся Коринне. — Вы высказали некоторые из моих принципов. Мы, пессимисты, должны держаться вместе.

Она даже не повернула к нему голову. Но ее профиль напомнил ему о Нике Самофракийской, о Победе, идущей против ветра.

— Я всегда считала, что принципы должны быть основанием для действий, — мрачно сказала она.

— Коринна, — сказала Мария.

Дочь не обратила на нее внимания.

Кинтайр вышел под извинения хором. Оставшись один на темной улице, он присвистнул. Было совсем не весело.

Но теперь с этим покончено. Можно подождать с неделю, пока все не успокоится, потом отвезти личные вещи Брюса и попрощаться с неискренним обещанием «заглянуть, когда будет время». И на этом все будет кончено.

Но он с бьющимся сердцем подумал, что это приходила к нему Морна.

Негнушимися пальцами он стал доставать сигарету и уронил пачку на тротуар, прежде чем удалось это сделать. И почувствовал, как ужас пронизал его.

Иногда, подумал он, пытаясь сохранить хладнокровие, отвлечение может помочь избежать неприятностей. Если бы он мог заняться чем-то вне себя, но все же важным для него, чтобы все его внимание было на это направлено, ужас мог бы отступить.

Он набрал дым в легкие, выпустил его, бросил сигарету на тротуар и растоптал ее. Потом пошел в галантерейный магазин. Там на

стене висел телефон. Кинтайр поискал справочник и нашел имя.
Майкелис Питер С.

Он не стал звонить, а прямо поехал вниз. И когда припарковался и вышел, увидел над собой белые очертания башни Койт на Телеграфном холме. В нескольких кварталах отсюда рыбацья гавань, множество туристических аттракционов и несколько аутентичных ресторанов. Но сейчас он стоял на участке трущоб, перед домом, обиталищем крыс. Единственный фонарь в квартале отсюда бросал слабый гнойный свет на поверхность под ногами. Повсюду была ночь. Кинтайр слышал поблизости мерное пыхтение паровоза, толкающего по рельсам грузовые вагоны; мимо прошла тощая кошка. В остальном он был совершенно один.

Он с невольной бодростью пошел к дому, зажег спичку и посмотрел на фамилии на почтовых ящиках, пока не увидел фамилию Майкелис. Номер 8.

Дверь в подъезд открыта. В коридоре с потертыми коврами несколько тусклых электрических лампочек. Кинтайр слышал звуки за дверьми, чувствовал запах еды. Номер восемь наверху. Он поднимался, только сейчас начиная соображать, как выполнит поручение.

Да и поручение ли это?

Брюс никогда не говорил с ним о Джине Майкелисе. Они детьми вместе росли у гавани. Брюс на год моложе, несомненно, тихий книжный мальчик, любимец учителей, но это на нем не отражалось, дети к нему относились хорошо. Однако ему должно было быть одиноко. А Джин был грубый и хулиганистый сын рыбака. И тем не менее между ними возникла горячая мальчишеская дружба. Вероятно, верховодил в ней Брюс, хотя они не отдавали себе в этом отчета.

Со временем они разошлись. Джин бросил школу в шестнадцать лет, сказал как-то Брюс, после бурной истории, связанной с девушкой; с тех пор он много раз менял работу, был охранником в гавани, поваром, вышибалой, продавцом. В раннем возрасте он научился очень легко лгать. Время от времени он возвращался в район Залива. Со службы во флоте вернулся в прошлом году, когда Кинтайр был еще в Европе. Кинтайр никогда с ним не встречался. Джин отыскал в Беркли

Брюса, через него возобновил знакомство с Коринной и переехал в Сан-Франциско.

Номер 8. Через тонкую дверь Кинтайр слышал телевизор. Он посмотрел на часы. Уже больше десяти. Придется действовать по обстоятельствам. Он постучал.

Внутри послышались шаги. Дверь открылась. Кинтайр посмотрел чуть вверх на тяжелое морщинистое лицо с толстым кривым носом и маленькими черными глазами, на седые волосы. У этого человека плечи как грузовик, и живота почти нет. На нем поблекшая рабочая одежда. И его окружал запах дешевого вина.

— Что нужно? — спросил он.

— Мистер Майкелис? Меня зовут Кинтайр. Хочу несколько минут поговорить с вами.

— Мы ничего не покупаем, а если вы от финансовой компании, можете...

Майкелис не закончил свое предложение.

— Ни то, ни другое, — спокойно сказал Кинтайр. — Можете считать меня кем-то вроде посла.

Удивленный, Майкелис шагнул в сторону. Кинтайр вошел в однокомнатную квартиру с завешенным уголком для кухни. Кровать у стены не заправлена. Несколько стульев, стол с полупустым галлоном красного вина, телевизор, табачный дым, много пыли и старые газеты на полу.

Джин Майкелис сидел в старом распадающемся кресле. Молодая черноволосая версия отца, и мог бы показаться красивым, если бы улыбался. На нем фланелевая пижама, которую давно не стирали. Ноги неподвижно торчат перед ним, заканчиваясь обувью, подошвы которой упираются в пол. Рядом два костыля. Он курил, пил вино и смотрел телевизор; и не прекратил, когда вошел Кинтайр.

— Простите, что у нас не прибрано, — сказал Питер Майкелис. Он говорил быстро, растягивая слова, как делают пьяные. — Нам трудно приходится. Жена умерла, а мой сын вынужден жить со мной и ничего не может делать. Когда я прихожу домой после поисков работы — весь день ищу работы, слишком устаю, чтобы прибираться. — Он сделал неопределенный жест в сторону стула. — Садитесь. Выпьете?

— Нет, спасибо. — Кинтайр сел. — Я пришел...

— Я уже был разорен, когда это произошло в прошлом году, — сказал Майкелис. — У меня тогда была своя лодка. Да, была. «Рути М.» Но она затонула, а страховки не хватило на покупку новой, и я опять стал рабочим в порту. А ведь у меня была своя лодка.

Он сел и, неопределенно мигая, посмотрел на гостя.

— Мне жаль это слышать. Но...

— Потом умерла моя жена. Потом вернулся с флота сын и очень пострадал. Обе ноги ампутированы, выше колен. Все деньги ушли на оплату врачей. Мне пришлось оставить работу, чтобы ухаживать за сыном. Он был очень плох. Когда он смог немного заботиться о себе, я пошел на старую работу, но меня не взяли. И с тех пор я ничего не нашел.

— Что ж, — сказал Кинтайр, — есть социальное пособие и реабилитация...

Майкелис неприлично выбранился.

— Вот что для вас сделают, — добавил он. — Мне нашли работу — плести корзины. Плести корзины! Боже! Я был помощником наводчика во флоте. Плести корзины!

— Я сам во флоте, — сказал Кинтайр. — Вернее был. После Перл-Харбора. На эсминце.

— И какое у вас было звание? Младший офицер, конечно.

— Ну...

— Штабной офицер. Боже!

Джин Майкелис снова повернулся к телевизору.

— Простите, — сказал его отец. — Ему нелегко, понимаете. Он был молодой и сильный, каким только надеешься быть. Боже, шесть месяцев назад. И что ему делать весь день?

— Я не обижаюсь, — сказал Кинтайр. — Я бы обиделся только на систему так называемого образования, которая дает так мало, что ее жертвы способны только смотреть на этот обезьяний цирк, когда приходят тяжелые дни. Но сейчас это не имеет непосредственного отношения.

— Зачем вы пришли? — Питер Майкелис поднял голову, голос его стал живей. — Знаете о какой-нибудь работе? — Он снова сел. — Нет. Нет, не знаете.

— Боюсь, что нет, — сказал Кинтайр. — Я пришел... пришел, чтобы помочь вам в другом отношении. Maledetto!^[11] Сколько можно

говорить, как Норман Винсет Пил?^[12] Но ничего другого не могу придумать.

— Да?

Майкелис распрямился. Даже Джин повернулся.

— Вы, конечно, знаете семью Ломбарди.

— Знаем ли мы их? — резко выговорил Майкелис. — Я бы хотел, чтобы не знали!

— Слышали, что убит их сын Брюс?

— Уххм, — сказал Джин. Он приглушил звук телевизора и с явным удовольствием добавил: — Похоже, все-таки в мире есть справедливость.

— Подождите, — начал Кинтайр.

Джин полностью повернулся лицом к гостю. Глаза его сузились.

— А вы какое к ним имеете отношение? — спросил он.

— Я знал Брюса. И подумал...

— Конечно. И считали его маленьким божьим ангелом с голым задом. Я знаю. Все так считали. Нужно много времени, чтобы пробиться сквозь эти слои святой грязи на нем. Я пробился.

— Вы знаете, что старик сделал со мной? — закричал Питер Майкелис. — Он протаранил меня. Отправил мою лодку в 1945 году на дно. Убил двух человек из моего экипажа. Они утонули. Я сам мог утонуть.

Кинтайр помнил рассказ Брюса. Сильный ветер принес неожиданный густой туман. Такое время от времени случается. Корабли плыли в тумане, столкнулись и затонули. Расследование береговой охраны пришло к выводу, что это деяние бога. Майкелис судился, но проиграл дело в суде. Затем ради своих сыновей Питер и Анжело неохотно заключили мир.

То, что произошло потом, возродило старую ненависть, с процентами за двенадцать прошедших лет.

— Заткнись, — сказал Джин. Кинтайр видел, что он тоже пьян, но способен контролировать все, кроме своих эмоций. — Заткнись, Пит! Это был несчастный случай. Зачем ему было уничтожать собственный бизнес?

— Он за это получил ресторан, — пробормотал Майкелис. — А мы что?

— Послушайте, — сказал Кинтайр не очень искренне. — Я нейтральная сторона. Я не обязан был приходить сюда, и для меня здесь ничего нет. Но будете ли слушать?

— Если вы тоже будете слушать, — сказал Джин. Он налил себе еще вина. — Я знаю, что Ломбарди говорили обо мне. Давайте я вам расскажу о них.

Где-то в глубине сознания Кинтайра прозвучал негромкий предупредительный сигнал. Он ухватился за ручки стула и сжал их. Не было времени разбираться в причинах; он только знал, что, если позволит Джину говорить о Коринне, будут неприятности.

— Не нужно, — холодно сказал он. — Этот аспект меня не интересует. Я пришел сюда, потому что не считаю, что вы убили Брюса Ломбарди, а полиция может подумать, что убили.

Это остановило их. Питер Майкелис поднял голову, его лицо побледнело. Джин поджал губы, и на его лице не было никакого выражения. Он не отрывал взгляда темных глаз от Кинтайра и спокойно спросил:

— Это к чему?

— Кто-то вечером в прошлую субботу вызвал Брюса в Город, — сказал Кинтайр. — Его тело нашли утром в понедельник. Вы хорошо знаете, что, если бы позвонили ему и предложили помириться, он тут же примчался бы. Где вы двое были в этот уикэнд?

— Ну... — Голос Питера Майкелиса дрогнул. — В субботу я весь день был дома, занимался домашней работой. Вечером пошел выпить, утром в воскресенье церковь, да, потом вернулся поспать. Да, в этот вечер я играл в пинокль перед складом...

Он замолчал.

— Значит, никто не заходил? — спросил Кинтайр. — Никто не может подтвердить, что Брюс не лежал здесь связанный и с кляпом во рту?

— Да что!..

— Эй! — Джин Майкелис встал на ноги. Это было единое стремительное движение, Джин поднял себя на руках. Его алюминиевые ноги в поисках опоры широко разъехались. Ему удалось схватить один костыль и опереться на него.

— А вам какое дело? — рявкнул он.

Могу ли я сказать, что сам не знаю? подумал Кинтайр. Могу ли сказать, что я здесь потому, что меня попросила девушка, которую я едва знаю?

Вряд ли.

Он небрежно откинулся на спинку и сказал:

— Я хочу заключить мир между вашими семьями. Считайте, что я делаю это ради Брюса. Я признаю, что он мне нравился. А вы всегда ему нравились, Джин. Если вы по-прежнему будете выражать свою ненависть к Ломбарди, полиция очень заинтересуется, чем вы занимались в уикэнд. Где вы были?

Джин ссутулился.

— Не ваше проклятое дело!

— Значит, вас не было дома?

— Не было. А если хотите узнать больше, покажите свой значок.

Кинтайр вздохнул.

— Ну, хорошо. — Он встал. — Я уйду. Копы не будут любезны, если вы не захотите сотрудничать с ними.

Он посмотрел мимо Джина в окно. Дыра в полую тьму. Может, это последнее, что видел в своей жизни Брюс: из всего великолепия и разнообразия земли только грязное окно, ведущее в темноту.

— Я этого не делал, — сказал Джин. — Мы не делали. — Он оскалил зубы. — Но я трижды благодарю того, кто это сделал. Я хотел бы увидеть их всех, эту его сестру...

— Молчите!

Кинтайра самого поразила ярость, прозвучавшая в его голосе. Впоследствии его самого удивлял этот неожиданный приступ гнева.

Джин покачнулся. Неприятно свистнул. Отец тоже встал, массивный и встревоженный.

— Значит, вы как все, — сказал Джин. — Не понимаете. Она шлюха только внутри. Снаружи она как проклятая монашка. Знаете, как мы называли таких там, откуда я пришел? Про...

— Я уйду, — хрипло сказал Кинтайр. — Предпочитаю находиться среди мужчин.

Он неосознанно выбрал самое жестокое утверждение. И сразу это понял. Такого человека, как Джин Майкелис, чья сексуальная привлекательность была единственной защитой от несправедливого мира, потеря этой привлекательности поистине делала не мужчиной.

Джин заревел. Его костыль поднялся и со свистом опустился.

Это удар мог бы разбить голову. Но Кинтайр сделал шаг в сторону, и костыль ударился о пол. И сломался. Джин покачнулся на искусственных ногах, руками потянувшись к горлу Кинтайра.

Кинтайр стоял неподвижно, он ждал. Не хотел бить калеку. К тому же какой толк от кулаков против кости и металла?

Когда Джин бросился вперед, Кинтайр на несколько дюймов отступил в сторону, так что кулак прошел у него над плечом. Он взял его в руки, помог себе коленом, и Джин Майкелис ударился о стену.

В поднявшемся облаке штукатурки Кинтайр увидел, что нападает старший Майкелис. Питер был еще силен, как дикий бык, и столь же яростен.

Кинтайр без всякого труда мог бы убить его.

Но он не хотел это делать. Любой может впасть в безумие, если после множества несчастий напиться дешевыми вином. Он снова подождал, пока не увидел направленный в него кулак рыбака. Для человека, прошедшего школу дзюдо, достаточно времени на то, чтобы увернуться, схватить противника за руку, полуобернуть его и отправить восвояси. Еще лучше было бы придушить его и на несколько секунд лишить сознания, но на это нужно время, а Джин уже встал на ноги.

— Хватит на сегодня, — сказал Кинтайр. — Не хочу драться.

— Грязный... ублюдок! — Джин выпрямился. Из одного края его рта текла кровь, он дышал со свистом, но двинулся вперед.

И на пути подобрал второй костыль.

Он попытался ударить им. Кинтайр отобрал костыль. Очень просто — собственное движение костыля выбрасывает его из руки противника. Джин взревел и упал. Кинтайр легко стукнул его по голове, чтобы протрезвить.

Кто-то стучал в дверь.

— Что у вас происходит?

— Рекомендую сотрудничать с полицией, — сказал Кинтайр. — Где бы вы ни были в уикэнд, расскажите им, Джин. Они все равно узнают.

Он открыл окно, выбрался в него и повис на руках. Отец и сын сидели, особого вреда он им не причинил. Кинтайр выпрямил локти и разжал руки. Если знаешь, как падать, до улицы совсем недалеко.

Он сел в свою машину и поехал. Особого ощущения победы не было; возможно, только недовольство своими действиями. Нужно двигаться, ужас внутри не спит.

Хорошо, Коринна, подумал он, когда заработал двигатель. Было немного по-детски, но он все равно не вполне в нормальном состоянии. Твое дело я сделал. Теперь нужно делать свое.

Когда совсем недавно Брюс в разговоре упоминал Гвидо, была названа «Бродячая кошка». Очевидно, Гвидо поет в этом баре. Кинтайр посмотрел в телефонном справочнике. Конечно, где-то на Норт Бич, в пригороде, который считается укромным, убогим и опасным.

Неоновой вывески не было, только лестница вниз к двери и надпись на этой двери. Миновав солидно выглядящего вышибалу, Кинтайр оказался в темном, с низким потолком помещении, украшенном абстрактными фресками и мобайлами.^[13] Бар был напротив него. Вдоль стен кабинки, привлекательно глубокие, а в самом помещении множество столиков. На столиках свечи в старых, заляпанных воском бутылках от кьянти. Посетителей немного, дюжина пар и столько же мужчин-одиночек. Разного возраста: от тех, кто только что получает по возрасту разрешение покупать выпивку, до седовласых мужчин; мужчины с длинными волосами и распахнутыми на груди рубашками, более пестро одетые, чем женщины; несколько явных педиков; девушка с коротко стриженными волосами и в мужской рубашке и брюках держит за руку другую девушку, которая выглядит более женственно.

Ни на что не пригодные хипстеры; студенты, многие из которых никогда не покинут теплые стены университета; один или два коммуниста, точнее, экс-коммуниста, разочаровавшиеся в своих иллюзиях и не нашедшие новых, все еще продолжающие бесконечную испанскую гражданскую войну; самопровозглашенные интеллектуалы, давно переставшие учиться и забывать; дилетанты в искусстве, религии или в танцах; мелкие рэкетеры, некоторые с дипломами колледжей, но не торопящиеся их использовать, — Кинтайр перестал перечислять. Он знал таких людей. И осуждал Марджери за ее слабость к ним. Они были ему скучны.

Гвидо сидел на помосте у бара на высоком стуле со стаканом пива в руке. Пальцами он касался струн гитары, и они оживали. У него, как и у брата, музыкальные способности. А голос лучше, чем у Брюса.

... живший долгие годы назад.
Он железной рукой правил своей землей,
Но умом был слаб и немощен... [14]

Кинтайру было забавно встретить здесь давно знакомые строки. Знает ли Гвидо автора, подумал он.

Он прошел мимо столиков и подошел к помосту. Гвидо увидел его и коротко кивнул, показывая, что узнал.

Все равно обсчитают. Кинтайр заказал импортное пиво и сел, чтобы насладиться им. Гвидо допел балладу до конца, закончил громким аккордом и одним глотком допил то, что было у него в стакане. Последовали негромкие аплодисменты, и возобновились разговоры.

Гвидо прислонился к стене. Его ресницы опустились, и он начал извлекать из струн совсем другие звуки. Разговоры стихли. Мало кто здесь узнает следующую песню. Кинтайр сам не узнал, пока певец не повторил припев. Гвидо с улыбкой посмотрел на него, и он понял, что это подарок ему.

Quant' e belle giovinezza
Che si fugge tuttavia!
Di doman' non c' e certezza;
Chi vuoi esse lieto, sia! [15]

Это давным-давно, в дни юности, написал Лоренцо Великолепный.

Закончив, Гвидо сказал:

— Антракт, — положил гитару и подошел к столику Кинтайра. Он стоял, положив левую руку на бедро, а правой достал сигарету и зажег ее.

— Спасибо, — сказал Кинтайр.

Гвидо продолжал заниматься сигаретой, дав Кинтайру возможность вернуться к пиву.

— Что ж, — сказал наконец Гвидо. Он улыбнулся. — Вы хладнокровный человек. Во всех смыслах слова. Давайте поищем

кабинку.

Они сели по обе стороны стоящего в глубине столика. Красивая молодая официантка зажгла свечу на их столике.

— Мне одно, — сказал Гвидо.

— Мне то же самое, — подхватил Кинтайр, осушив свой стакан.

Гвидо поморщился.

— Как вам нравится это место? — спросил он.

Кинтайр пожал плечами.

— Место как место.

— Это парижское бистро пусто по будним вечерам. В уикэнд здесь много народу.

— Я предпочитаю бистро.

— Я так и думал.

Они замолчали. Гвидо курил затяжками. Кинтайр не хотел курить: он испытывал непреодолимое ощущение, что его куда-то несет.

После того как девушка принесла их заказ, Гвидо хрипло спросил, не глядя на него:

— Так в чем дело? Мне скоро пора возвращаться.

— Я пришел сюда от Майкелисов, — сказал Кинтайр.

— Что? — Гвидо дернулся. — Зачем вы к ним ходили?

— Допустим, мне стало любопытно. Джина Майкелиса никто не видел в прошлый уикэнд. И он не говорит, где был.

— Вы не... — Гвидо поднял голову. Что-то в нем затвердело. — Я думал, Коринна просто спятила, — очень тихо сказал он.

— Я никого не обвиняю, — сказал Кинтайр. — Я всего лишь штатский. А вот полиция обойдется с ним жестко, если он не представит алиби.

Гвидо закурил новую сигарету от окурка первой.

— Где вы были с середины дня субботы до утра понедельника?

Кинтайр задал этот вопрос так легко, как только мог.

— Уезжал из города, — ответил Гвидо. — С друзьями.

— Лучше свяжитесь с ними, чтобы они могли подтвердить.

— Они... боже всемогущий!

В тусклом свете Кинтайр заметил, что на лице Гвидо — на лице фавна — выступил пот.

— Мое личное мнение, — сказал он, глядя, как Гвидо пытается твердо сжать губы, — вы не причастны. Но вам все равно придется

рассказать, где вы были, и подтвердить свой рассказ.

— Вам рассказать?

Вопрос задан резковато.

— Я не могу вас заставить. Но не пытаюсь играть в детектива, я увяз в этом деле. Я знаю всех причастных и могу сообщить полиции что-нибудь важное. Итак, где вы провели уикэнд, Гвидо?

Полный рот надулся.

— То там, то здесь. А кому какое дело? Какой у меня может быть мотив?

— А какие мотивы у других? У вас много подозрительных друзей. Думаю, матери часто приходилось укрывать вас от отца — или даже от властей раз или два. — Со стороны Кинтайра это была догадка, но он сразу увидел, что попал в цель. — А потом вы могли оказаться замешанными в чем-то похуже. А Брюс мог узнать об этом.

— Уносите ноги, — сказал Гвидо. — Убирайтесь, пока я не позвал вышибалу.

— Я просто пытаюсь рассуждать, как полицейский. Я вас не обвиняю, а предупреждаю.

— Что ж, — сказал Гвидо, снова подняв голову, — ничего подобного не было. Точно ничего такого, о чем мог бы узнать Брюс. Я хочу сказать, что он был весь в своей науке.

— Ревность, — сказал Кинтайр. — Это еще один мотив. Брюс всегда был любимчиком. Всю жизнь он был любимчиком. О, он заслужил это: всегда хорошо себя вел, умный и многообещающий ребенок. Но вам, с вашим итальянском фоном — старший сын всегда на первом месте, — вам трудно было это принять. Вы тоже могли бы учиться в колледже. Но Брюс учился лучше, а деньги были только на одного. Конечно, потом у вас появился G.I.^[16], но вы этим не воспользовались. Потеряли интерес. Но это не меняет того факта, что на Брюса были затрачены деньги, которые могли быть затрачены на вас.

Гвидо допил свое виски и сделал знак официантке.

— Вздор, — сказал он. — Но продолжайте.

— Посмотрим. Думаю, вы всегда ссорились с отцом. Подозрительному детективу это тоже указание на вас. Вам тридцать лет. И за исключением службы в армии вы всегда жили дома. Вы часто

меняли работу, переходили из одного ночного клуба в другой, но работали все меньше. Думаю, в церковь вы не ходите.

— Меня выгнали, — с некоторой дерзостью признал Гвидо. — Несколько лет назад я женился. Ну, не получилось. Поэтому я развелся. Поэтому из церкви меня выгнали. Конечно, я и раньше не верил в этот вздор. Но тогда была большая ссора.

В кабинку заглянула официантка. Гвидо провел рукой по ее бедру.

— Принеси бутылку, — сказал он. — Raus!^[17]

Он шлепнул ее по заду. И смотрел ей вслед, когда она шла по бару.

— Отличная девчонка, — сказал он. — Хотите, устрою ее для вас?

— Нет, спасибо, — сказал Кинтайр.

К Гвидо вернулась уверенность. Он улыбнулся и сказал:

— Конечно, я плохой парень. Брюс студентом часть времени работал, а потом всегда сам себя обеспечивал. Иногда помогает Коринна, хотя, должен сказать, не слишком много. А у меня, приятель, рога, копыта и хвост. И я на завтрак ем детей.

Но позвольте сказать вам кое-что о Брюсе. Он всегда ходил в церковь, посещал все мессы — только, заметьте, причастие не принимал, — и все это время он был по другую сторону, он не верил; а вот мужества, чтобы порвать с этими черными воронами, не хватало.

Кинтайр, который выслушал много полуночных признаний встревоженных молодых людей, негромко ответил:

— Ко времени своей смерти Брюс еще не решил, во что он верит. И не хотел причинять боль родителям из-за того, что могло оказаться интеллектуальным капризом.

— Хорошо, хорошо. А вы знаете, с кем он жил?

Кинтайр приподнял брови.

— Я удивлен, что он сказал вам об этом. Он представлял девушку как свою невесту. А в жилом доме сказал, что она его жена. Он больше заботился о ее репутации, чем она сама.

— Ерунда! — фыркнул Гвидо. — Кого он обманывал?

— Ннн... никого, кто ее знал. Он пытался, но...

— Но это была его первая женщина, и для него такое большое событие, что он никак не мог скрыть. Он вообще не умел лгать. Я приставал к нему, пока он не сдался и все мне рассказал.

— Это была ее идея, — сказал Кинтайр. — Он хотел на ней жениться.

— Как бы то ни было, — сказал Гвидо, — наш маленький оловянный Иисус не со всеми был так откровенен. Что еще он задумал? И не спрашивайте меня, связан ли я с этим. Посмотрите на его дела.

— Я могу, — сказал Кинтайр, — но вы объясните мне, о чем еще он плохо лгал.

Вернулась девушка с пинтой бурбона и счетом для Гвидо. Она так низко наклонилась, ставя бутылку и два стакана со льдом, что Кинтайр смог заглянуть ей под платье.

— Приятель, — сказал Гвидо, когда девушка снова исчезла, — Лаура сегодня как на иголках. Если вы этим не воспользуетесь, могу я.

— Зачем вы это мне предлагаете? — спросил Кинтайр. Он отказался от выпивки и предпочел пиво.

— Закончив здесь, я собирался отправиться в город. Побывать в кое-каких местах. Там дорого, но стоит того. — Гвидо взял свой стакан, помешал и выпил. — Работают до утра.

— Мне любопытно, где хронически безработный мелкий шоумен берет деньги на кутежи, — сказал Кинтайр.

Гвидо снова поставил стакан. За расстегнутой на груди рубашкой напряглись его мышцы.

— Не ваше дело, — сказал он самым мрачным тоном, какой Кинтайр от него слышал. — Забудьте, что я об этом сказал. Отправляйтесь домой и занимайтесь своими книгами.

— Как хотите. Но когда вас начнут официально допрашивать — а вас обязательно начнут, сынок, — не советую говорить о Брюсе так, как вы говорили сегодня. Все более и более начинает казаться, что вы его ненавидели.

Кинтайр не собирался уходить. Гвидо трудно понять, и это его беспокоило. Он может даже оказаться причастным к убийству. Кинтайр не хотел в это верить. Он надеялся, что эти презрительные и резкие слова только скрывают собственную боль и недоумение Гвидо. Но не был в этом уверен.

Нужно узнать больше.

Он откинулся и расслабился, стараясь вообще ничего не ожидать. Тогда ничего не сможет вывести его из равновесия.

Тем не менее третий участник встряхнул его.

К их кабинке направлялся человек. Очевидно, он только что расспросил официантку. В дорогом модном костюме и в плотно завязанных черных ботинках. И с очень молодым лицом.

Гвидо увидел его, и его пальцы, которыми он держал стакан, напряглись. На горле задержался пульс.

— Уходите, — сказал он.

— А что случилось?

Кинтайр не шевельнулся.

— Уходите. — Глаза его стали черными кругами в белом окаймлении. Говорил он напряженно. — Увидимся позже. Если останетесь, будут неприятности. Быстрее!

Кинтайр в этом не сомневался. В обычных обстоятельствах он бы ушел; он не любил напрашиваться на конфликты. Но он не думал, что какой-нибудь человек может быть хуже его внутреннего ужаса, а он чувствовал, что ужас по-прежнему готов охватить его, как только он перестанет сосредотачиваться на других проблемах.

Он налил себе остаток пива. И тут человек остановился у кабинки.

Он поистине молод, увидел Кинтайр, настолько молод, что ему, возможно, нужно фальшивое свидетельство о возрасте, чтобы покупать выпивку. Лицо почти девичье, с сонными глазами, и очень белое. Среднего роста, мускулистый и движется с уверенностью, которая подсказала Кинтайру, что он очень быстр на ногах.

— Ммм, — сказал Гвидо.

Молодой человек дернул голову назад.

— Он... уже уходит, — сказал Гвидо. — Прямо сейчас.

— Конечно, когда кончу пиво, — спокойно сказал Кинтайр.

— Допивайте, — сказал молодой человек. Голос у него бесцветный. Акцент не местный, но точно определить Кинтайр не мог. Более-менее Средний Запад. Чикаго?

Прекрасный повод показать себя.

— Не вижу, на каком основании вы можете распоряжаться, — сказал Кинтайр.

— Матерь божья! — прошептал Гвидо. — Проваливайте!

Молодой человек стоял какое-то время, задумчиво опустив веки. Потом сказал Гвидо:

— Хорошо. В другую кабинку.

— Не хотите присоединиться к нам? — спросил Кинтайр. — Поговорите, когда я уйду.

Молодой человек секунду-две думал. Потом еле заметно пожал плечами и сел в нескольких футах от Кинтайра. Гвидо дрожащими руками налил виски в неиспользованный стакан со льдом.

— Это... это Ларкин, — сказал он. — Терри Ларкин. А это профессор Кинтайр. Он был другом моего брата, вот и все.

— Вы из города, мистер Ларкин? — спросил Кинтайр.

Молодой человек достал пачку сигарет. Стандартная пачка, а вот самодельные сигареты в ней — другое дело. Он закурил, не обращая внимания на виски.

Кинтайр не стал бы считаться с обычным наркоманом: слишком разрушительно действие наркотиков. Но, несмотря на ужасные слухи, марихуана — мягкий наркотик, который позволяет сохранить контроль и, вероятно, причиняет меньше вреда, чем табак. Если дело дойдет до неприятностей, одна-две сигареты с марихуаной Ларкину не помешают.

— Мой друг, — сказал Гвидо. Он все еще был напряжен, его улыбка напоминала бессмысленную гримасу. Но было очевидно, что он надеется: эпизод закончится спокойно.

Но Кинтайр так не считал. Это не простое совпадение. Если бы Ларкину нужно было обсудить какое-то дело, пусть даже незаконное, У Гвидо не было бы причин опасаться неприятностей. Ларкин мог просто подождать, пока профессор не отправится домой.

Я задавал слишком много вопросов, подумал Кинтайр. Мог у кого-то здесь вызвать раздражение.

Поэтому свою бомбу он бросил очень осторожно.

— Возможно, вы поможете мне, мистер Ларкин. Вероятно, вы знаете, что брат Гвидо был убит. Гвидо не говорит мне, где был в это время, в субботу и воскресенье, и это может вызвать у него неприятности с законом.

Гвидо умоляюще посмотрел на Ларкина.

Ларкин сидел неподвижно. Так неподвижно, что прошло полминуты, прежде чем он шевельнулся. Потом взглянул на Кинтайра через женские ресницы и сказал:

— Он был со мной. Мы с ним в уикэнд собирали незабудки.

Кинтайр улыбнулся.

— Ну, если это все... — С первой бомбой он промахнулся. И бросил вторую. — Чтобы избежать неприятностей, вам обоим стоит пойти в полицию и сделать заявление.

— Вы не коп, — сказал Ларкин.

— Нет. Это всего лишь предложение. — Взяв цель в вилку, Кинтайр выпустил третий снаряд. — Если они сначала спросят меня, что я об этом знаю, я могу адресовать их к вам. Где вы остановились?

— Иисус Христос! — простонал, как ребенок, Гвидо.

Лицо Ларкина оставалось неподвижным. Но он положил сигарету и сказал медленно и отчетливо:

— Я вам сказал, чтобы вы уходили домой. На этот раз я говорю серьезно, папаша.

Кинтайр напряг мышцы — только на мгновение, потом вспомнил, что должен быть спокоен и расслаблен.

— Я начинаю думать, а чем вы действительно занимались в этот уикэнд, Терри, — сказал он.

Как будто никакого движения не было. Кинтайр услышал щелчок, и складной нож оказался у его горла.

— Конец эпизода, — без всякой злобы сказал Ларкин. — Уходите. И если хотите себе добра, больше сюда не возвращайтесь.

— А знаете, — ответил Кинтайр, — теперь я считаю, что действительно пора вмешаться полиции. Когда-нибудь слышали о гражданском аресте?^[18]

У Гвидо заурчало в животе.

Нож Ларкина устремился вверх. Это было искусное профессиональное движение; в этой кабинке, специально сконструированной так, чтобы не пропускать звук наружу, Кинтайр мог умереть совершенно бесшумно.

В тот момент, как появился нож, он понял, что будет ранен. Существует специальная техника владения ножом. И свои последние слова Кинтайр произнес совершенно искренне: Ларкин должен быть задержан. Его левая рука двинулась одновременно с правой рукой Ларкина. Нож пришелся в предплечье, лезвие разрезало рукав и кожу под ним, но больше ничего, потому что Кинтайр резко поднимал левую руку и ударил Ларкина по запястью. Руку Ларкина с ножом он ударил о стену кабинки.

Его правая рука прошла под колено Ларкина. Кинтайр чуть приподнялся; левая рука пришла на помощь правой, и Ларкин вылетел из кабинки.

Кинтайр последовал за ним, туда, где было достаточно места, чтобы иметь дело с этим мальчишкой. Ларкин ударился о стол (настоящий стиль вестерна, где-то частью сознания отметил Кинтайр); все, что стояло на столе, с грохотом покатилося по полу.

Вышибала громоздко побежал, чтобы прекратить драку. Кинтайр не имел против него ничего, но любая задержка даст время Ларкину. Поэтому он побежал навстречу вышибале, остановился за долю секунды до столкновения и принял толчок на бедро. Элементарно. Вышибала отлетел.

Ларкин уже был на ногах, изливая ярость и кровь. Он потерял свой нож; должно быть, кончик застрял... Внимание!

В свете свечей сверкнул второй нож. Кинтайр едва не наткнулся на него. Он упал в стиле дзюдо, смягчив столкновение рукой. На том месте, где он только что был, свернул влажный металл. Перекатившись на спину, Кинтайр ждал, что Ларкин бросится на него. Но тот не был столь наивен. Он схватил со стола бутылку кьянти и бросил.

Кинтайр спас глаза, торопливо подняв руку. Удар был ошеломляющий. Он снова встал. На краю поля зрения появился бармен, размахивающий пробкооткрывателем. Обычная драка в баре не имеет особых последствий, но эти двое настроены серьезно. Вышибала с трудом встал на четвереньки.

— Вызовите полицию! — крикнул Кинтайр. — И ради бога, скатерти начинают гореть!

Посетители расступились. Закричала какая-то девушка. Многие встали на стулья и жадно смотрели. Ларкин осторожно отступал вдоль стены. Кинтайр следовал за ним. Ларкин не дурак, чтобы побежать.

Кинтайр ждал, пока он не оказался на небольшом, свободном от столиков пространстве. Тогда он пригнулся и побежал. Левую руку поднял. Если понадобится, примет эту поганку на бицепс.

Ларкин у стойки бара собрался. Почти опустился на одно колено, подумал Кинтайр, как римский гладиатор, нацелившийся в живот. Необходима смена тактики.

Он изменил направление и оказался у стойки в шести футах от Ларкина. Опустился на ладони и, используя свою скорость, как

лягушка, прыгнул на стойку и повернулся лицом к Ларкину. Один прыжок сделал вдоль стойки. Второй — в воздух, прежде чем Ларкин успел хотя бы наполовину распрямиться.

Ларкин упал, нож вылетел у него из руки. Кинтайр тоже упал. Это не дзюдо. Это вообще непонятно что. Триг смеялся бы, если бы мог это увидеть. Но...

Кинтайр повернулся. Ларкин неуверенно вставал. Кинтайр навалился на него и сзади сжал горло. Он лежал на спине Ларкина, ногами и всей своей тяжестью контролируя его тело, одной рукой сжимая горло, другой запястья.

— Хорошо, — тяжело дыша, сказал он. — Убирайся. Иначе я тебя придушу.

Ларкин непристойно выбранился, Он легче, но Кинтайр чувствовал его стойкость и силу. Неважно, сейчас он его держит.

— Бармен, — крикнул Кинтайр. — Позвоните в полицию...

Что-то приземлилось ему на голову.

Это было как взрыв. На мгновение он погрузился в ночь. Он чувствовал, как высвобождается из-под него Ларкин, слепо хватал руками воздух, а мир был чернотой и огромным жерновом.

Потом он пришел в себя. Рядом был Гвидо, потрясенный, всхлипывающий, прикладывающий носовой платок к его окровавленной голове.

— О, боже, док, простите, простите. Вы ранены?

Кинтайр осмотрелся.

— Где младший? — прохрипел он.

— Ушел через заднюю дверь. Боже, док, мне пришлось, вы сами не понимаете... Мария, богоматерь, прости меня, но...

Кинтайр встал, опираясь на Гвидо. Среди клиентов и обслуживающего персонала хаос. Он не обратил на это внимания, отстранил кого-то, даже не глядя. У его ног лежал стул певца. Должно быть, Гвидо ударил его этим стулом.

— Допустим, вы объясните мне, почему, — сказал он.

— Я... Уходите. Уходите, пока не пришли копы. Я вас прикрою... скажу, что не знаю, кто вы такой, вы незнакомец и... уходите!

Гвидо потащил его, продолжая всхлипывать.

— Мне нечего бояться полиции, — сказал Кинтайр. — Но кажется, что вам есть чего.

— Может быть, — прошептал Гвидо.

— Брюс умер ужасной смертью.

— Нет... ничего общего... клянусь вам. Клянусь богом, док. Это что-то другое... кто-то другой, ради бога! — Гвидо почти кричал. — Я боюсь не только копов, док. Других. Они убьют меня!

Кинтайр несколько долгих секунд смотрел на него.

В конце концов, подумал он, это брат Брюса. И Коринны.

— Хорошо, — сказал он. — Я вам ничего не обещаю. Попытаюсь узнать, в чем дело. Когда узнаю, может, решу рассказать полиции, а может, и не решу. А пока спокойной ночи, Гвидо.

Он повернулся, чтобы выйти в заднюю дверь. Через переднюю слабо доносились звуки приближающихся сирен, но у него достаточно времени, чтобы выйти в переулок и добраться до машины.

Неожиданно он с какой-то сонной радостью, какая бывает после любви, понял, что ужас оставил его. И когда он будет искать Ларкина и то ужасное, что представляет Ларкин, он будет делать это из чести, потому что решил не рассказывать полиции о скрывающемся в городе убийце. Он не просто будет убегать от первобытных страхов.

Сегодня он сможет уснуть.

Он остановился у выхода и обернулся.

— Спокойной ночи, Гвидо, — повторил он. — И еще раз спасибо за песню.

Две драки, одна за другой, не утомили его; это было лучшее упражнение, чем вечер занятий дзюдо. Но со временем напряжение начало сказываться. Проснувшись, он увидел пылинки, танцующие в солнечном луче. На часах почти девять.

— Черт возьми!

Ему неожиданно пришло в голову, что он оставил Гвидо без защиты. Вот что значит быть детективом-любителем!

Он вскочил с постели и включил радио. Нашел канал новостей и пошел в ванную мыться и бриться: Триг Ямамура вбил ему в голову эти элементы дзен. Сквозь шум воды он слушал, что государству нужно больше денег, чтобы покупать друзей, а они останутся друзьями, пока их покупают: что страны, которые отказались от этой дружбы, слишком цепляются за свои заморские владения и потому недостойны помощи; что следует расследовать деятельность подрывных элементов в промышленности, производящей крышки бутылок; что «Куриный бульон Матушки Блум» готовится по новому научному процессу, который позволяет насытить каждую каплю ценными элементами. Но ничего о новом убийстве.

Кинтайр вздохнул и дал себе время на приготовление завтрака. Если Гвидо ночью не убили, он сейчас спокойно спит дома. И можно потратить еще несколько часов.

Он надел слэксы и серую спортивную рубашку; галстуки он ненавидел, и сегодня нет причин надевать галстук. Прежде всего, решил он, нужно повидаться с Тригом. После этого заняться текстами Брюса в университете. Да, и внимательней взглянуть на «Книгу ведьм».

Офис Ямамуры в даунтауне Беркли над аптекой, примерно миля пешком. Кинтайр застал Трига за полировкой японского меча.

— Прекрасный образец, правда? — сказал Ямамура. — Я нашел его на прошлой неделе. Конечно, это всего лишь период Токугава, но возьмите в руки.

Кинтайр извлек лезвие. Оно неожиданно ожило. С легким ощущением утраты он вернул его в ножны.

— Вчера вечером этот меч мне пригодился бы, — сказал он.

— Да. — Взгляд узких глаз остановился на пластыре на лбу и на повязке на левом предплечье. — Что случилось и будет ли она подавать в суд?

— Думаю, я встретил убийцу Брюса Ломбарди, — сказал Кинтайр. — Или одного из убийц.

Ямамура осторожно положил меч в простые деревянные ножны. Достал свою самую старую трубку и стал набивать ее. К тому времени как Кинтайр закончил рассказ, трубка испускала дым.

— И я пришел домой.

Ямамура раздраженно посмотрел на него.

— Это ваша глупая ошибка, что Ларкин ушел, — сказал он. — Очевидно, вы не расслабили мышцы шеи. Иначе удар стулом не подействовал бы на вас так. — Он помахал трубкой. — Сколько раз говорить вам: расслабьтесь? Или вы не хотите получить черный пояс?

— Перестаньте, — сказал Кинтайр. — Послушайте, я боюсь того, что этот Ларкин или еще кто-то с ним связанный решит, что безопасней не оставлять Гвидо в живых.

— Хорошо. Пусть Гвидо попросит полицию о защите.

— Он не может. Не знаю почему, но он боится. Скорее предпочтет рискнуть с Ларкином.

— Если он так боится властей, вероятно, заслуживает то, что имеет.

— Не будьте таким проклятым педантом. Конечно, Гвидо может быть соучастником, но мне не хочется так думать. Зачем списывать его, пока мы не убедились, что он не жертва кого-то?

— Ммм. Какое это все имеет отношение ко мне?

— Я хочу, чтобы вы за ним присмотрели.

— Вот как? А что плохого в том, что это делаете вы? У вас начинаются каникулы. Мне ведь нужно зарабатывать на жизнь, а вы не сможете мне платить.

— Мне не хватает умения. И Гвидо и Ларкин знают меня в лицо. К тому же я считаю, что приношу некоторую пользу по эту сторону Залива.

— Шерлок Ниро Пуаро снова в деле!

— Нет. Подумайте, Триг. Вероятно, Брюс убит одним или несколькими профессионалами. Но они это делают не для забавы. Кто-

то их нанял, и этот кто-то и есть подлинный убийца. У меня две причины, чтобы немного вмешаться, а не просто выложить властям все, что я знаю. Во-первых, пощадить Гвидо, по крайней мере пока не буду уверен, что он этого не стоит. А во-вторых, это, возможно, не совсем проблема полиции. Полиция сосредоточится на действительных, физических убийцах, постарается найти одного, двух, трех муравьев во всем муравейнике района Залива. У нее в этом нет выбора, таковы ее обязанности. Конечно, полиция попытается найти и босса убийц. Но полицейские никого близко не знают. И у босса будет время, чтобы запутать следы. Или спланировать новое убийство.

Я хорошо знал Брюса. Я должен был быть знаком со всеми его друзьями, пусть не очень близко. Я встречался с тем, кто убил Брюса. Возможно, это мелодрама с моей стороны, но я думаю, что у меня есть шанс узнать, кто это был.

Ямамура положил ноги на стол, откинулся и посмотрел в окно на улицу.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Но с условием.

— Каким?

— Мне надо содержать семью. Не говоря уже о лицензии. Я буду рассматривать неделю или еще сколько-то на охрану Гвидо как инвестицию. Потому что если я смогу найти убийц, босса или его приспешников, если я смогу существенно помочь полиции, это хорошо для моего бизнеса. Но так как мне нужно заниматься и другими делами, мне придется время от времени оставлять Гвидо. Я смогу прикрывать Гвидо, если сочту, что ему грозит опасность, но когда я решу, что он на несколько часов в безопасности, я займусь другими делами.

Ямамура посмотрел на него сквозь табачный дым и серьезно сказал:

— Если я сочту, что Гвидо должен быть арестован, я не стану прикрывать его. Я сдам его. Больше того, я могу ошибиться в своих оценках. Я могу оставить Гвидо, вернуться и найти его с ножом в груди. Вы нравитесь мне, Боб, не спрашивайте почему. И мне не хотелось бы, чтобы мои ошибки или моя работа настраивали вас против меня.

— Определенно нет.

— Вы уверены?

— Вы меня знаете, Триг.

Ямамура немного подумал.

— Хорошо, — сказал он. — Давайте описания, адреса и вообще все, что знаете.

Закончив, они несколько секунд молчали.

— Да, что вы узнали об Оуэнсе? — спросил Кинтайр.

— Жена и двое взрослых детей в Нью-Йорке. Много лет назад начинал как странствующий бизнесмен; обнаружил, что хобби, писательство, приносит большой доход и стал все время уделять ему. Во время войны служил в звании капитана в Вашингтоне, но это была штабная работа за письменным столом...

— Если требуется диплом по криминологии, чтобы зайти в книжный магазин, скажите, что вы просто посмотрите, и прочтите биографию на пыльной суперобложке. Для этого диплом не нужен.

Ямамура сел поудобней.

— Оуэнс без очевидных причин несколько дней болтается в Беркли, — сказал он. — Побывал в субботу вечером в клубе писателей, но ушел рано и, очевидно, был в Городе. В отеле сказали, что он лег спать поздно, но когда пришел, никто не помнит. В воскресенье днем играл в гольф, потом вечером снова исчез из вида. С тех просто был ... повсюду. Скучающий, одинокий, но чего-то ждущий.

— Короче, — сказал Кинтайр, — возможно, он...

— Сделал это лично? Не знаю. Все возможно. Возможно, ему просто нечего было делать. Горничная в отеле говорит, что он из тех, кто лапает девушек. Конечно, если убийство совершено через кого-то другого, все эти расписания не имеют смысла.

— Конечно, — согласился Кинтайр.

У Брюса был кабинет общий с еще четырьмя ассистентами, но сейчас их не было. Без людей кабинет казался пустым.

Кинтайр в последний раз просмотрел содержимое стола. Очень мало того, что может принадлежать человеку лично. Несколько записей в блокноте. Лист бумаги, покрытый какими-то каракулями. Фотография Марджери, несколько справочников и толстая папка с материалами, относящимися к его работе. И больше ничего. Все можно унести за один раз.

Кинтайр занялся оставшимися студенческими работами. Это механическая работа: мало кто из первокурсников сегодня способен на оригинальность, если не считать того, как они фантастически искажают слова. Большая часть его сознания была свободна. И ему пришло в голову, что есть некий элемент, связывающий всех участников этого дела. Итальянское происхождение и культура.

Анжело, Мария, Гвидо Ломбарди. Все родились в Генуе.

Брюс Ломбарди. Родился здесь, но ориентирован на прежнюю страну, писал диссертацию, посвященную толкованию средневековой итальянской рукописи, переписывался с дядей из итальянской тайной службы.

Коринна Ломбарди. Сестра Брюса, тоже говорит по-итальянски.

Марджери Таун, девушка Брюса. Да, здесь связь слабая.

Он сам, Роберт Кинтайр. Аспирантом изучал Возрождение. Аспирантская стипендия позволила ему с 1949 по 1951 год жить в Италии; защитил докторскую диссертацию в Калифорнийском университете на материале малоизвестных социологических текстов, предшествовавших Макиавелли и оказавших влияние на флорентийского реалиста; вернулся в Италию по другому гранту, чтобы продолжить свои исследования; сейчас преподает и работает над книгой, которую прочтут только специалисты.

Джейбез Оуэнс. Много раз бывал в Европе, включая Италию. Утверждает, что в качестве ученого-любителя обнаружил некую непристойную корреспонденцию Борджиа, которую использовал с большой выгодой для себя.

Джеральд Клейтон. Во время последнего периода войны служил офицером в Квартирмейстерском корпусе^[19] в Италии. Сразу после демобилизации приехал сюда, но вскоре вернулся с американской франшизой нового образца итальянских моторных скутеров. С тех пор половину времени проводит за границей, поставляя все больше количество европейских товаров на американский рынок — от автомобилей до косметики. Интересуется рукописями. Итальянские ученые отыскивали для него несколько рукописей, он их купил и отправил домой. «Книгу ведьм» купил в Сицилии и привез во время деловой поездки прошлой осенью в Сан-Франциско. Узнал, что Кинтайр нужный ему специалист, встретился с ним и попросил осмотреть книгу и определить, чего она стоит. Кинтайр передал этот проект Брюсу; из него получилась бы хорошая магистерская работа. Клейтон дал несколько тысяч долларов как исследовательский грант; это дало Брюсу возможность заняться проектом. С тех пор Клейтон часто виделся в Брюсом и Кинтайром и искренне, хотя и не очень глубоко интересовался работой молодого человека.

Джин Майкелис. Служил во флоте в Средиземном море. Да, Брюс упоминал об этом. Интересный вопрос, что могло происходить во время увольнений Джина на итальянский берег.

Питер Майкелис, отец Джина. Обозлен на семейство Ломбарди.

Терри Ларкин. Никакие связи не известны, но в этой земле множества рас все возможно.

— Святой Иероним, — сказал Кинтайр, — так я скоро буду искать «Черную руку».^[20]

Но какими бы мелодраматичными и невероятными ни казались факты, это все равно факты.

Он кончил работу к полудню, убрал все заметки и отчеты и достал из сейфа «Книгу ведьм». Он хотел лучше познакомиться с книгой.

Кабинет Брюса слишком пуст. Кинтайр взял рукопись и папку с заметками Брюса в свой офис. Конечно, здесь так же пусто и одиноко, но по крайней мере более знакомо и привычно. В окно можно посмотреть на газоны, цветущие деревья и солнечный свет на них — не думать о Брюсе, который лежит в холоде под простынями.

Он осторожно положил книгу на стол. Ей почти шестьсот лет.

Зазвенел телефон. Кинтайр удивленно вздрогнул, выбралил себя и поднял трубку.

— Алло?

— Кинтайр? Джейбез Оуэнс.

— О. В чем дело?

— Я позвонил вам домой, но вас не было. Я попытался... Как поживаете?

— Живу. По какому случаю звонок?

— Я подумал... Мне бы хотелось поговорить с вами. Не согласитесь ли встретиться со мной за ланчем?

— Нет, спасибо. — У Кинтайра есть планы получше, чем смотреть на представление Оуэнса. — Я занят.

— Вы уверены?

Голос звучал встревожено.

— Совершенно. Я буду здесь несколько часов. Выйду только за сэндвичами. — Намеренно зло: — Мне нужно поработать над проектом Брюса. А потом...

А что потом? Ну, он сегодня еще не звонил Марджери. Наверно, нужно с ней встретиться.

— У меня встреча, — закончил он.

— О. — Неуверенно. — Не мог ли бы я заглянуть к вам в офис? Дело срочное и, возможно, полезное вам.

— Конечно, — сказал Кинтайр, вспомнив свое желание поиграть в частного сыщика.

Он назвал Оуэнсу номер своего кабинета и повесил трубку. Потом вернулся к «Книге ведьм».

Это толстый палимпсест^[21], размером чуть больше кварто. Переплет, пострадавшая от времени кожа с железными застежками, вероятно, на сто лет моложе самого тома. Кинтайр взял в руки тяжелую книгу, открыл и посмотрел титульную страницу.

Liber Veneficarum^[22].

Книга ведьм, их труды и дни. Составлено по рассказам и записям достойных доверия людей. Подготовлено в сицилийском аббатстве Святого Иоанна по приказу аббата Роджеро для внимания и использования нашей святой матерью церковью.

Когда Клейтон привез книгу, Кинтайр только бегло просмотрел рукопись, написанную унциальным шрифтом. Он знал, что в средние

века культ сатанистов достиг значительных размеров, отчасти как пережитки язычества, отчасти из социального протеста, но в число его непосредственных интересов это не входило. У человека есть время для изучения немного, прежде чем его снова заберет тьма.

Затем он открыл папку Брюса и стал читать его заметки. Некоторые в машинописи, но многие написаны такими каракулями, которые разобрать трудней, чем вульгарную латынь XIV века. Но записи в порядке, с четким указанием источников и ссылок. Брюс был хорошим ученым, старательным и аккуратным.

Кинтайр открыл первую страницу манускрипта. Написано просто. В начальных строках формулируется цель — показать суть движения, связанного с верой в ведьм и колдовство, насколько широко оно было распространено и как опасно для веры и государства, указаны источники и даются комментарии об их надежности. Критический подход свойствен и Средним Векам. Монах писал о колдовстве и ведьмовстве как о реальном явлении, существующем в реальном мире; он почти никакого внимания не уделял демонам, которые — предположительно — должны быть объектом поклонения.

Кинтайр вспомнил один ранее прочитанный абзац и попытался его отыскать. Да, вот он, почти в середине; это описание охоты на ведьм в тринадцатом веке в северной Италии как последствие Альбигойского крестового похода.^[23] Автор пишет, что с тех пор не было явных доказательств проведения шабашей, и приводит доказательства — заявления церкви и светских властей и пара признаний, добытых пытками.

В этом месте Брюс дает ссылки на несколько дополнительных источников. И делает любопытную приписку: «Если в Романье в 1398 году не было организованного сатанизма, вряд ли Чезаре Борджиа мог присоединиться к нему сто лет спустя!» Приводится много свидетельств того, что никакого возрождения сатанизма не было; в течение всего пятнадцатого века, по мере роста процветания и распространения просвещения, культ этот все больше угасал.

Что ж, подумал Кинтайр, это торпедирует лодку Оуэнса.

Что-то привлекло его внимание. Он наклонился над страницей. «Дискурс» XV века, официальный отчет, обнаруженный в архивах Милана. Цитируется в подтверждение того, что в то время не проводилась Черная Месса. И на полях написано «Л.Л.»

Личные сокращения могут быть необычными и странными, но Кинтайр был особенно раздражен. О конечной цели работы Брюса известно так мало, что даже инициалы могут иметь значение.

Просматривая книгу дальше, работая над томом и заметками Брюса, он еще несколько раз обнаруживал эти буквы. Как будто они обозначали сведения, которые могут быть получены только в Италии, изучая местность или посещая старинные библиотеки.

Телефон снова помешал ему. Он взглянул на часы. Уже два часа! Он понял, что проголодался.

— Здравствуйте! Говорит Роберт Кинтайр.

Голос низкий. Еле заметно запинаясь.

— Профессор Кинтайр. Это Коринна Ломбарди.

— О! — Он смотрел на трубку, как школьник, у которого сильно забилось сердце. — О, да, — глупо сказал он.

— Я хотела извиниться перед вами.

— Что? — Он с огромными усилиями пришел в себя. — Какого дья... За что вы должны извиняться?

— За вчерашний вечер. Я ужасно себя вела.

Привычка взяла свое, он был знаком с очень многими женщинами, но все равно голос звучал не очень уверенно.

— О, пожалуйста, не говорите глупости. Если вы не возражаете, я бы сказал, что мне было очень приятно с вами познакомиться.

Уловил ли он легкий смешок?

— Спасибо. Вы очень добры. Но я была настоящей леди Макбет. Это звучало устало и жалко. Надеюсь, вы поверите мне: весь день я жалела об этом. Полчаса пыталась найти вас по телефону.

— Если бы знал, я бы оставил свой адрес... Черт побери! — Кинтайр сдержался. — Моя очередь попросить у вас прощения. Я не подумал.

— Все в порядке, — мягко сказала она.

— Нет, но...

— Правда. Мы провели поминальную службу, торжественную, как хотела мама... почти как настоящие похороны. Сейчас все выглядит по-другому.

— Да, я видел объявление. Не мог прийти. Нужно было закончить работу.

— В этом я вам завидую, — сказала она. Потом изменившимся тоном: — Я вернулась и легла спать. Проснулась только час назад. Словно занавес опустился. Брюс мертв, и это всегда будет причинять боль, но теперь мы можем продолжить жить своей жизнью.

Он колебался, не зная, что делать, опасаясь, что она примет его за садиста, наслаждающегося чужим горем. Вспомнилась строка из «Государя»: «Лучше быть стремительным, чем осторожным, потому что судьба — женщина».^[24] Хорошо, сказал он себе.

— Есть кое-что, мисс Ломбарди.

— Да?

Она терпеливо ждала, пока он подбирал слова.

— Я не забыл, что вы говорили вчера вечером и занялся этим. Я имею в виду вашу мысль.

— О?

Уклончивый звук, слегка скептический.

— Могу сказать вам кое-что, отчего вы лучше себя почувствуете.

— Что именно?

Сейчас осторожность — не перед ним, а перед тем, что он может сказать.

— Телефон для этого не годится. Можем мы встретиться лично?

— Ну... — Потянулись секунды, которые показались ему раздражающе долгими. Наконец отчетливо, почти радостно: — Конечно. Когда хотите.

— Сегодня вечером? Вы ведь еще в квартире родителей?

— Сегодня собираюсь вернуться к себе. Но вечер подходит.

Он с расчетливой сухостью сказал:

— Учитывая, что я уважаемый профессор истории и старше вас больше чем не десять лет, могу я пригласить вас на ужин?

На этот раз она действительно рассмеялась.

— Спасибо, можете. Никакие дополнительные сведения не нужны: Брюс много рассказывал мне о вас. И это гораздо лучше, чем тоскливо сидеть в одиночестве.

Они договорились об адресе и о времени в шесть-тридцать, прежде чем он понял, что происходит. Когда трубка легла на месте, он какое-то неопределенное время просто сидел. О, нет! подумал он наконец. Это невозможно. Я слишком стар, чтобы впасть в романтику, и слишком молод, чтобы уставать.

Он решил поесть, прежде чем вернуться к рукописи.

Идя за сэндвичами и молочным коктейлем и возвращаясь, он думал о книге. Она могла стать причиной смерти человека, но могла быть просто стопкой исписанных листков пергамента. Второе вероятней. Но что такое или кто такой Л.Л.?

Когда он вернулся с солнечного света, в здании было полутемно. Даже его офис казался темным. Потребовалось несколько секунд, чтобы увидеть: книга исчезла.

Кинтайр немного постоял, ни о чем не думая.

Затем ему на мгновение представилось, как маленькие черные демоны влетают в полуоткрытое окно, хватают том и улетают на быстрых обугленных крыльях. Но нет, нет, сейчас двадцатый век. Мы разумны, мы не верим в колдовство, мы верим в науку и витамины, в командную работу и в неотъемлемое право каждого народа иметь свое государство. К тому же и фаза луны сейчас не та и... и...

Мысли перестали путаться. Он обошел стол, чтобы посмотреть, не упала ли книга. Нет. Он снял трубку и позвонил дежурному. Кто-нибудь заходил в его офис за последние двадцать минут? Не знаем, доктор Кинтайр. Нет, мы не находили вашу книгу. Нет, мы никого не видели.

Он положил трубку и снова постарался думать. Это было очень трудно. Он все время повторялся. Кто-нибудь должен был зайти. Да, кто-нибудь должен был зайти. Это легко сделать незаметно. Кто-то зашел и взял книгу.

Из-за чего хотели обворовать квартиру Марджери?

Это сразу привело его в себя. Если, как предположил вчера Клейтон, вор приходил за томом и не нашел его, следующее самое логичное место для попытки — университет.

Оуэнс! Я сказал ему, что пойду поесть. Он, должно быть, следил за входом.

Но где он сейчас? Подожди. Закрой глаза. Пусть мысли приходят свободно, не напрягайся, воспоминания сами возникнут на поверхности. Оуэнс упомянул, что снимает номер в «Бишопе», отеле, удобно расположенном вблизи кампуса.

Кинтайр заставил себя успокоиться. Если Оуэнс украл книгу, он захочет от нее избавиться. Навсегда. Но кожа и пергамент плохо горят. Выбросить: слишком велика вероятность, что кто-нибудь заметит и найдет. Оуэнс должен увезти книгу с собой в Лос-Аенжелес, чтобы спокойно уничтожить ее.

Сейчас он, наверно, собирается.

Кинтайр спрятал записки Брюса в ящик стола, а ящик закрыл. Хотя без физического доказательства книги эти записки не имеют смысла. Он быстро прошел по коридору — тем шагом, которым обычно ходит снаружи. Он успокоился и взял себя в руки. Черт побери. Триг прав. В божьем мире нет никакой причины для того, чтобы напрягать мышцы, и то же самое относится к мозгу. Эмоциональная путаница не позволит ему быстрее добраться до «Бишопы».

Но успокоиться было трудно. Кинтайр не занимался дзен-буддизмом или любой другой такой школой, но дорого бы дал за спокойствие, которое они дают.

Он вошел в современное, из красного кирпича здание в нескольких кварталах от Сатер Гейт и спросил о мистере Оуэнсе. Администратор проверил ячейку ключа и сказал:

— О, да, он пришел несколько минут назад.

— Я поднимусь. Он меня ждет, — сказал Кинтайр. Вероятно, это совсем не ложь.

Постучав в дверь писателя, он услышал приглашение войти. На кровати стоял открытый чемодан, и Оуэнс укладывал в него костюм. Еще один чемодан, закрытый, стоял на полу.

Оуэнс поднял голову (стало ли его лицо румяней обычного?) и сказал:

— Привет. Я рад, что вы зашли. Сегодня вечером я уезжаю.

Голос ровный. Может, слишком ровный. Кинтайр закрыл дверь и сказал:

— Мне казалось, вы хотели прийти в мой офис.

— Да, — ответил Оуэнс, — но сначала хотел собраться. — Он порылся в чемодане и извлек плоскую фляжку. — Хотите выпить?

— Нет, — ответил Кинтайр.

Он прислонился к двери, наблюдая. Но увидел только, что Оуэнс стоит почти одетый, лицо у него спокойное. Он укладывает в чемодан льняной костюм, и руки его не дрожат.

— Что привело вас сюда? — спросил писатель.

В ответ Кинтайр спросил:

— Разве не слишком неожиданное стремление уехать?

— Мм, да, я принял такое решение несколько минут назад. Но ведь у меня больше нет причин оставаться здесь.

— Убийство Ломбарди.

Оуэнс покачал головой.

— Бедняга. Но что я могу сделать? Заверяю вас, полиция не просила меня оставаться в городе.

Он посмотрел на Кинтайра, улыбнулся и продолжал:

— Почему бы вам не присесть и не поговорить со мной? Я в основном свободен до прихода Клейтона. Он сказал, что придет сюда.

— Клейтон. А что... — Кинтайр медленно пошел к стулу, на который указал Оуэнс. Он продолжал бессодержательно говорить. — Я думал, Клейтон в Городе. Он мне сказал вчера за ланчем, что отправляется туда и в ближайшем будущем не собирается появляться по эту сторону залива.

— Правда? Я позвонил ему в «Фэйрхилл», как раз перед вашим приходом. Он был в своем номере.

Кинтайр сел.

— Что вы от него хотели?

— Я хотел сделать ему предложение насчет «Книги ведьм».

— Что!

— Спокойней! — посоветовал Оуэнс. — Ведь книга не принадлежит вам.

Кинтайр застыл от усилий не наброситься на Оуэнса. Наконец он смог сказать:

— Наверно, вы и меня хотели поэтому видеть. Чтобы предложить взятку, от которой отказался Брюс.

— Вижу, вы представляете себе искаженную версию. — Оуэнс говорил уверенно. — Да, предложение было бы аналогичное. Я не против споров о Борджиа, но вы, люди, живущие в научном мире грез, не понимаете, что остальным приходится зарабатывать на жизнь. У меня сейчас нет времени заниматься мелочами, и вообще в жизни есть гораздо более важные вещи. Я попросил Ломбарди отсрочить спор. Не лгать, только немного подождать. Ведь есть многое другое, о чем можно писать, кроме этой книги. Ему совсем не обязательно было поднимать проблему Борджиа. Может, через пять или десять лет...

— Поскольку вы сами подняли эту «проблему Борджиа», как вы ее называете, — ответил Кинтайр, — у нас, живущих в мире грез, не было выхода. Если мы видим ошибку, мы должны ее поправить. За что, по-вашему, нам платят?

— Известность, — ответил Оуэнс. — Гордость. Ритуальный поклон прошлому.

Он достал серебряный портсигар, извлек из него длинную сигарету и постучал по ней ногтем большого пальца.

— Вы называете себя реалистом, — сказал он. — Тогда почему вы не признаете факты? Бремя учености, доказательств, асимптотическое приближение к истине — все это мертво. Исчезло вместе с обществом аристократов. Наш век пролетарский. — Он зажег сигарету. Его тренированный голос лектора продолжал звучать равномерно, вежливо, с легким оттенком печали. — Тот, кто танцует, должен платить музыканту, но тот, кто платит музыканту, выбирает мотив. Поскольку сегодня платят тупицы, чего еще можно ожидать, кроме марша тупости? Когда-нибудь вас уволят во имя правительственной экономии. Я продержусь немного дольше, потому что я слежу за уровнем глупости и приноравливаю к нему каждую свою следующую книгу, но рано или поздно публике станет трудно читать и мои книги. Тогда я буду жить на инвестициях и, может быть, даже вернусь к честной науке. Но не сейчас. Сейчас я должен выжить.

Кинтайр, увлекшийся помимо собственного желания, медленно сказал:

— Конечно, это век здравого смысла. Но что позволяет вам думать, что он продлится настолько долго, что вы сможете воспользоваться своими инвестициями? Это ведь еще и так называемый атомный век.

Оуэнс приподнял плечи и изящно опустил их.

— Откуда мне знать, что завтра я не попаду под машину? Нужно оценивать ситуацию и действовать по вероятностям.

Кинтайр наклонился вперед.

— Все вероятности к худшему, — сказал он. — Всякий, кто утверждает, что люди, собравшиеся в одном помещении, вооруженные гранатами и ненавидящие друг друга, будут вечно вести себя разумно, минует, насвистывая, кладбища десятка предыдущих цивилизаций. Но я верю, что наука, строгое мышление — это фактор, способствующий выживанию. И именно наука сделает стоящим культурное возрождение. Поэтому я не перестану стараться. Я не зря это делаю.

Он встал; не выше Оуэнса, но широкоплечий, и мышцы движутся гладко и уверенно.

— Поэтому верните мне рукопись, — закончил он.

Противник продолжал слегка улыбаться, но он услышал. Кинтайр увидел, как у него заблестели щеки и лоб. Зрачки, смотревшие на него, расширились и превратились в два темных бассейна.

— О чем вы говорите? — резко спросил Оуэнс.

— Вы прекрасно знаете, о чем я говорю. Вы взяли «Книгу ведьм». Верните ее, и больше не будем об этом говорить. А иначе...

Кинтайр стоял совсем рядом с писателем. Оуэнс попятился держа сигарету как бесполезный меч.

В дверь постучали. Оуэнс обвис от облегчения.

— Входите! — крикнул он.

Кинтайр с опозданием понял, что попал в ловушку. Оуэнс так подбирал слова, чтобы он должен бы на них ответить. И это дало ему преимущество в несколько секунд, которые могут означать победу. Кинтайр принимал его за труса, который не выдержит даже схватку на словах.

Или я собирался своими руками отнять у него книгу? Мысль была такой шокирующей, что Кинтайр отступил на шаг.

Вошел Джеральд Клейтон, массивный, в сером костюме, с привычной улыбкой на узком лице. Улыбка стала более искренней, когда он увидел Кинтайра.

— Привет, — сказал он. — Что здесь происходит?

Оуэнс посмотрел на противника. Если ты не скажешь об этом ни слова, я тоже не скажу. Кинтайр сохранял бесстрастное выражение, он ждал.

— Садитесь, мистер Клейтон, садитесь. — Оуэнс показал на стул. — Благодарю за то, что пришли. Я знаю, как ценно ваше время.

Импортер сел и достал сигару. Оуэнс протянул плоскую карманную фляжку; предложение было отвергнуто. Кинтайр прислонился к стене, сложив руки; он пытался сохранить спокойствие.

— Я был не очень занят, — сказал Клейтон. — На самом деле был рад ненадолго уйти от дел. — Он кивнул Кинтайру и объяснил. — Произошло кое-что, заставляющее меня задержаться в Беркли хотя бы до завтра. Но это в основном ожидание, пока я не встречу с человеком лично. Так что вам нужно, Джейбез?

Оуэнс снова посмотрел на Кинтайра, собрался и сказал:

— Я хотел спросить, не продадите ли вы «Книгу ведьм»?

Уголки рта Клейтона поднялись, вызвав появление морщин на щеках.

— Зачем? — спросил он почти весело. — Ведь я собиратель.

— Ну... — Оуэнс сел на кровать, он выглядел более или менее спокойным. — Вы знаете о моем споре с Брюсом Ломбарди. Признаю: возможно, с этими письмами меня обманули... — или ты сам смастерил эту подделку, подумал Кинтайр. — А если нет, аргументы, высказанные против меня, тем не менее заслуживают тщательного рассмотрения. Поэтому я бы хотел иметь возможность изучить манускрипт в удобных условиях.

— И при этом не публиковать ваши находки? — спросил Клейтон. Но спросил с улыбкой и не обидно.

— Это могло бы занять у меня несколько лет, — упрямо сказал Оуэнс. — У меня есть и другая работа. Однако я готов сделать хорошее предложение относительно этой книги. Или, если вы не захотите продать, я бы взял ее в займы на год или два под серьезные гарантии против утраты.

Клейтон потер подбородок.

— Мне кажется, у Боба тоже есть права в этом вопросе, — сказал он.

Кинтайр сделал шаг вперед. Голос его прозвучал резко.

— Я пришел сюда потому, что манускрипт у меня украли.

— Что? — Клейтон привстал, снова сел и затянулся сигарой. — Что случилось? — спросил он.

Кинтайр рассказал о событиях утра.

— Все соответствует, — сказал он. — Сначала он хотел подкупить меня, как пытался подкупить Брюса. Вы знаете, что он предлагал Брюсу пять тысяч, чтобы тот задержал сообщение о своей находке? Я по телефону сказал, что уйду на ланч. Так как он не надеялся подкупить меня, он ждал поблизости. Увидев, что я ушел, он проник в мой офис. Если книги там нет, он может вернуться к первоначальному плану. Но книга лежала у меня на столе, и я извиняюсь за свою неосторожность. Оуэнс забрал ее и принес сюда. Потом, чтобы прикрыть себя, позвонил вам с предложением купить книгу, словно не зная, что книги уже нет!

Кинтайр закончил рычанием:

— В этом чемодане на полу, уже упакованном, вполне помещается том ин-кварти.

Клейтон оставался спокойным и неподвижным.

Писатель с напряженным спокойствием сказал:

— Прошу вас быть свидетелем этого, сэр. Я думаю подать иск за клевету.

— Книга стоит того, чтобы своровать ее, — сказал Клейтон.

— А какие доказательства есть у профессора Кинтайра? — спросил Оуэнс.

— У кого, кроме вас, мог быть мотив убрать книгу? — сказал Кинтайр. — Клянусь господом...

Оуэнс встал с кровати и отошел. Кинтайр подошел к нему и положил руку ему на запястье. Он не нажимал, но Оуэнс открыл рот, собираясь закричать; лицо его стало цвета бумаги. Кинтайр отпустил его запястье, словно оно стало раскаленным. Реакция Оуэнса была неестественной, и это поразило его почти физически.

— Хватит! — прогремел Клейтон. Он встал. Его поседевшая рыжеватая шевелюра напомнила Кинтайру гриву льва или гребешок бойцового петуха; этот человек из ничего пробился на самый верх.

— Хватит, — повторил Клейтон. — Если мы не можем решить этот вопрос между собой, как джентльмены, нужно позвонить в полицию.

Оуэнс нащупал карманную фляжку, достал ее и сделал глоток. Немного крови вернулось к его коже.

— Я думал, вы меня ударите, — сказал он негромко. — Меня никогда...

— Оуэнс, — спросил Клейтон, — вы украли книгу?

Он говорил железным тоном.

— Нет. — Писатель положил фляжку на стол. Он продолжал стоять над ней, опираясь руками. — Конечно, нет.

— Не возражаете, если мы проверим это?

— Я не хочу, чтобы открывали мой багаж, — сказал Оуэнс. — У вас нет на это права.

Кинтайр с вернувшимся к нему отчасти самоконтролем сказал:

— Можем предпочесть предъявить обвинение и попросить проверить полицию.

— Давайте, — решительно сказал Оуэнс. — Я отсужу у вас ваш самый последний цент. Это доставит мне удовольствие.

— Мне не нравятся неприятности, — сказал Клейтон. — Если книга у вас, верните ее. Скажем... вы взяли ее на время... и никто не скажет ни слова.

Оуэнс повернулся.

— Это вызовет сомнения в моей честности! — закричал он.

— Если вы действительно невиновны, — терпеливо сказал Клейтон, — я бы подумал, что вы хотите доказать свою честность.

Оуэнс несколько мгновений смотрел на него.

— Хорошо, — сказал он. — Я вас не виню, мистер Клейтон. Ваша реакция вполне понятна. Но этот тип... мистер Клейтон, если я решу подать иск, а я, вероятно, решу, прошу вас точно запомнить все, что сегодня происходило. Теперь можете обыскивать.

Импортер нагнулся к чемодану. Ему не потребовалось много времени, чтобы просмотреть аккуратно сложенные вещи. Книги в чемодане не было.

— Где-нибудь в другом месте, — сказал Кинтайр. — Под кроватью.

— Отойдите, — сказал Клейтон.

Он принялся за работу, перемещаясь по номеру и ванной, проверяя, заглядывая; он действовал как профессионал. Он заглядывал в такие места, куда Клейтон не додумался бы заглянуть и за неделю поисков, и тем не менее его руки, обвитые канатами вен, когда-то орудовавшие лопатой, сейчас почти не оставляли следов.

Оуэнс сел, налил себе виски и пил, словно празднуя победу. Кинтайр стоял у подоконника, заставляя себя быть спокойным. Он не успел достичь этой своей цели, как Клейтон сказал:

— Здесь книги нет.

— Ну, что ж, — произнес Оуэнс.

Клейтон выпустил облако голубого дыма, сел на кровать и вопросительно посмотрел на них обоих.

— Вероятно, надо извиниться, — сказал он.

Оуэнс помахал сигаретой.

— Послушайте, — сказал он, — я сам немного успокоился. Я понимаю, профессор, что вы были взвинчены из-за смерти вашего друга — и, откровенно говоря, потерей доверенного вам ценного реликта. — Кинтайр молчал. — Если вы усвоите этот урок, я со своей стороны готов молчать.

— Вы можете поблагодарить его, Боб, — беспечно добавил Клейтон.

Кинтайр хмыкнул. Ему нечего было сказать.

— Тем не менее стоит еще раз проанализировать факты, — продолжал Клейтон. Может, мы вместе сможем понять, кто мог украсть книгу.

— Сейчас студентов нет, — сказал Оуэнс.

— Верно. Но кто-нибудь мог ждать снаружи, пока Боб не вышел, а потом войти в его офис без особого риска быть замеченным. Верно?

Кинтайр кивнул. Его шея болела от напряжения.

— Хорошо. — Клейтон выпустил дым кольцом. — Думаю, обычное воровство можно исключить. Простой вор не зашел бы в здание колледжа. Как насчет тех, у кого там офисы?

Кинтайр шевельнулся.

— Послушайте... — начал он.

Клейтон жестом остановил его.

— Спокойней, Боб. Только для протокола: кто-нибудь, кроме вас, работает в здании между семестрами?

— Ну, кое-кто работает, — вынужден он был ответить. — Факультет большой. Есть офисные работники, уборщики и другие. Но ради бога!

— Двери их офисов закрываются?

— Что? Думаю, нет. Ну, не все точно. В них нечего красть.

— Кроме манускриптов. — Оуэнс сидел и слушал с терпеливой улыбкой. Но потом холодно сказал: — Не следую дурному примеру обвинений, но все же: каково ваше алиби Кинтайр?

— У меня нет мотива!

— Правда? Есть и другие богатые собиратели, кроме мистера Клейтона. С вашими контактами вы могли о них узнать. Я ни в чем вас не обвиняю, но...

— Хватит! — прервал его Клейтон. Это было сказано так холодно, что оба повернулись к нему лицом.

Клейтон встал.

— Этот фарс слишком затянулся, — сказал он. — Джейбез, верните мою книгу.

— Что?

Оуэнс отпрянул. Клейтон направился к нему. Оуэнс, защищаясь, поднял руку.

— Не хочу обыскивать много комнат, — сказал Клейтон. — Где вы ее оставили?

— Но... но... но...

— Мне сказать это по буквам? Совершенно очевидно, что книгу взяли либо вы, либо Боб. Кто еще? Думаю, у Боба достаточно мозгов, чтобы украсть более изобретательно и чисто. Например, устроить случайный пожар, в котором книга может сгореть. А вам приходилось работать быстро. Действовать по обстоятельствам. Вы взяли книгу, точно как сказал Боб. Только вы знали, что он придет через несколько

минут и с воем бросится по вашему следу. Как лучше сделать из него дурака, как высмеять передо мной — передо мной, владельцем, у которого есть право выйти из себя?

Клейтон навис над Оуэном, положив большие кулаки на бедра, словно бил его по голове словами.

— Вы оставили книгу в одном из пустых офисов, может, в мусорной урне. Главный вход закроют только часов в пять или около того. Когда Боб уйдет от вас, поджав хвост, вы спокойно сможете забрать книгу. До сих пор было очень забавно, Джейбез, но теперь скажите, где книга.

— Я этого не делал! — закричал Оуэнс.

— Я не хочу предъявлять обвинения, — сказал Клейтон. — Скажите мне, и будем считать дело конченным. В противном случае подождем приезда полиции.

Оуэнс начал дрожать. Кинтайр отвел взгляд, его самого затрясло.

— Хорошо, — сказал Клейтон и снял трубку.

— Нет, — проскулил Оуэнс. — Не надо.

— Так как?

Клейтон остановился, держа палец на наборе.

Оуэнс назвал номер офиса.

— Книга под столом, — добавил он и закрыл лицо руками.

— Можно ли проверить отсюда? — спросил Клейтон.

Кинтайр кивнул, взял трубку и позвонил на факультет. Он попросил одну из девушек посмотреть, сказав, что отдал книгу на время. Потом, не положив трубку, стал ждать.

— Что ж, — сказал Клейтон. Он затаился, на глазах расслабился и рассмеялся. — Может, мне следовало стать частным детективом. Не знаете ли подходящей крутой блондинки?

— Отличная работа, — не слишком уместно сказал Кинтайр. — Боже, если бы книга действительно исчезла!

— Это была бы не ваша вина, — отозвался Клейтон. — Забудьте об этом.

Кинтайр посмотрел на содрогающуюся спину Оуэнса.

— Кажется, моя очередь, Оуэнс, — сказал он. — Никаких обид. Va'tu con Dio. [\[25\]](#)

— Нет, — сказал Клейтон. — Боюсь, что нет.

Кинтайр снова посмотрел на узкое лицо, на окруженные глубокими морщинами глаза.

— Я думал, — начал он, — я думал, вы не...

— Предпочту не предъявлять обвинения? Конечно, не об этом дурацком манускрипте. Мое время слишком дорого. Но не забудьте: был убит Брюс Ломбарди.

Оуэнс поднял искаженное лицо и выдохнул:

— Нет, вы не можете обвинить меня в том.

— Надеюсь, — равнодушно ответил Клейтон. — Но остается фактом: Брюс был преградой на пути получения вами крупной суммы в Голливуде.

— Он собирался разоблачить поддельные письма Борджиа в газетах и специальных журналах, — сказал Кинтайр, сам того не желая.

— Это еще убедительней, — сказал Клейтон. — Не знаю, кому смерть Брюса и исчезновение книги принесли бы больше выгоды, чем вам.

Оуэнс негромко застонал и снова закрыл лицо руками.

— Понимаете? — сказал Клейтон.

— Подождите, — произнес Кинтайр. — Не могу поверить, что он...

— Я открыт для доказательств, — сказал Клейтон.

Кинтайр замолчал.

Немого погодя трубке прозвучал женский голос:

— Я нашла ее, доктор Кинтайр. Точно там, где вы сказали.

— Большое спасибо, — машинально ответил Кинтайр. — Пожалуйста, положите ее в сейф, — добавил он и повесил трубку.

— Хорошо, — сказал Клейтон. Он заговорил медленно и тщательно, обращаясь к Оуэнсу. — Сейчас мы уйдем. Вы еще ненадолго останетесь в Беркли. Я должен буду сообщить о мотивах ваших действий полиции, так что если вы уедете, к вечеру будет готов ордер на ваш арест. Но о ваших сегодняшних грешках я ничего не скажу. И если вы невиновны, советую вам разыскивать свидетелей, которые подтвердили бы ваше алиби на уикэнд.

— Уф! — сказал Кинтайр, когда они вышли в вестибюль. — Не хотел бы я пройти через это снова.

— Я тоже, — согласился Клейтон. — Давайте немного промочим горло.

Они пошли в кофейню и сделали заказ. Кинтайр сказал:

— Оуэнс не убивал. Сомневаюсь, чтобы он был способен убить муху.

— Не способен сам, — коротко отозвался Клейтон. — Но он мог нанять гангстера. Денег у него на это хватит. Да и киллеры в наши дни не стоят сказочно дорого.

Кинтайр едва не рассказал ему о вчерашнем вечере. Он едва успел сдержаться. После событий прошлого часа Клейтон будет настаивать, чтобы полиции Сан-Франциско сообщили о Ларкине, и последствия для Гвидо (а значит, для его родителей и Коринны) будут очень тяжелыми.

Да и я сам в определенном смысле мог стать соучастником.

Они в дружелюбном молчании ждали, когда принесут кофе. Приятно познакомиться с нетрадиционным бизнесменом; впрочем, Клейтон во многом усвоил европейские особенности.

Импортер неожиданно спросил:

— Вы виделись с мисс Таун?

— Сегодня еще не виделся, — удивленно ответил Кинтайр.

— Собираетесь?

— Да. Думал заглянуть сегодня во второй половине дня. Она сказала, что не в состоянии работать до конца недели.

— Может, лучше ей работать, — сказал Клейтон. — Она сидит дома и горюет или уходит и смеется больше, чем хочет. И в том и в другом случае слишком много пьет.

— Вы, кажется, хорошо ее знаете, — сказал Кинтайр.

Он был слегка раздражен, хотя сам не понимал, чем именно.

— Встречались несколько раз. Под этой утонченностью она очень прозрачна и уязвима. — Клейтон помешал кофе, сосредоточившись на ложечке, словно это какой-то точный инструмент. — Хорошая девочка.

— Она в порядке, — ответил Кинтайр.

— Должно быть, вы считаете, что у вас перед ней обязательства?

Клейтон ощетинился.

— Я не собирался подсматривать в замочную скважину, — торопливо сказал Клейтон. — Просто не мог не подумать, что с ней. Кто-то должен помочь ей пережить это. Одна она не выдержит.

Вопреки собственным принципам уважения к частной жизни Кинтайр начал размышлять. Откуда у Клейтона такая интуиция? Его первая жена, которую он, судя по отдельным репликам и данным биографии из «Кто есть кто», очень любил, была в тридцатые годы хорошей помощницей перспективного молодого человека; продавец в галантерейном магазине, лишившийся работы во время депрессии, на волне предвоенного оживления ставший бригадиром строителей, а потом и менеджером не самого высокого уровня. Но она заболела туберкулезом с осложнениями и после двух лет болезни умерла. Медицинские счета его разорили; троих детей он на несколько лет поселил у родственников. Потом, в начале военного бума, женился на дочери босса. Стал управляющим самолетостроительного завода до того, как узнал, какая сука его жена. Развод стоил ему работы и всех сбережений. Он записался в армию и в 1943 году начал военную службу.

Кинтайр знал мало что еще; его информация сводилась к слухам и сплетням. Когда Кинтайр вторично поехал в Италию, Клейтон был там уже очень крупной фигурой.

— Да? — сказал он, возвращаясь к действительности.

— Я спросил, хотите ли выйти с ней куда-нибудь сегодня вечером? — повторил Клейтон.

— Хм...

— Кто-нибудь должен это сделать. — И словно подслушав мысли Кинтайра, Клейтон с большой нежностью сказал: — Она напоминает мне мою дочь.

У Клейтона никогда не было больших шансов проявить себя отцом, подумал Кинтайр. После войны его дети жили в дорогих интернатах, пока папа за морем зарабатывал деньги на их содержание. Теперь они взрослые. Девочка в прошлом году кончила колледж и сейчас в гран туре^[26] Клейтон иногда хвастал ею, но в самых общих чертах: вряд ли он знал ее как личность. Второй сын тоже вызывал осторожные похвалы: очевидно, добропорядочный гражданин, инженер, они с отцом регулярно обмениваются письмами.

Кинтайр неожиданно подумал: приходилось ли ему встречать более одинокого человека, чем Клейтон?

Он подумал также, какой ответ от него ожидают.

— Нет, — сказал он. — У меня назначена встреча.

— Отказаться не можете? Она нуждается в помощи.

— Мисс Ломбарди тоже. Сестра Брюса. У меня для нее есть новости, которые помогут ей лучше себя чувствовать.

Клейтон немного помолчал. Потом улыбнулся.

— В таком случае, — сказал он, — не будете возражать, если я приглашу мисс Таун?

Кинтайр удивленно посмотрел на него. Он невольно погрузился в елейную сентиментальность. Жалеть Клейтона? Какого дьявола! Да ни за что не скажешь, что ему больше сорока. У него в глазах больше жизни, чем у двух капитанов пиратов.

— Милостивое небо, конечно, нет! — воскликнул Кинтайр. — Зачем мне возражать?

Марджери могло бы прийтись гораздо хуже, подумал он. Он знал, что испытывает облегчение от того, что освобождается от ответственности за нее. И тем не менее... Гораздо хуже!

Было уже больше четырех часов, когда Кинтайр вошел в квартиру Марджери. Она давно не прибиралась, и воздух был пропитан табачным запахом.

Брюки и свитер подчеркивали ее фигуру. Он почти забыл, как хороша эта фигура. И когда она вскочила с дивана и обняла его, он поцеловал ее, хотя не собирался это делать.

— О, боже, Боб, — прошептала она. — Ты пришел. Держи меня крепче и поцелуй. Я в этом нуждаюсь.

Ее ногти болезненно впились в его тело, напряженные губы прижались к его губам. Но в этом не было сексуальной страсти, понял он: она была слишком несчастна.

— Тяжело? — спросил он. Высвободил одну руку и взъерошил ее короткие рыжие волосы.

— Репортеры, — сказала она. — Ждали у дверей, когда я сегодня пришла домой. Как мухи над трупом.

Зазвонил телефон. Она не ответила: громкость звонка на минимуме.

— Кому-то еще не терпится полюбопытствовать.

— Как... о, да, — сказал Кинтайр. — Они явились из-за взлома. Или просто расспрашивают всех, кого можно. Ты считала, что никто не заметит твоей связи с Брюсом?

— Это на всех газетных стойках по всему району. Большими черными заголовками. — Она подняла покрасневшие глаза. — Я утром была на службе. Все было так спокойно и... не знаю... так правильно. Даже для него. — Она собралась, достала носовой платок и высморкалась. — Только не для меня. Я ничего не могла поделать. Там были его родители, конечно, такая приличная старая пара. У меня не хватило решимости подойти к ним. А сейчас они увидят! Узнают то, что знают все идиоты в городе. Что он жил со мной.

Она закашлялась и села. Телефон замолчал.

Кинтайр сказал:

— Ну, милая, в этом штате это не преступление. Да и в глазах церкви не черный грех. Я бы не удивился, если бы Ломбарди связались

с тобой по-дружески. Если ты тоже любила Брюса...

— Любила ли я его? — Марджери посмотрела на него. — Да, он мне нравился, но любовь? Не в обычном смысле слова.

— Ну, довольно неврастеническое утверждение, если ты вышла из подросткового возраста, — сказал Кинтайр своим самым сухим голосом.

Она взяла себя в руки. Потянулась к пудренице и начала восстанавливать макияж.

— Боб, — сказала она, — для интеллигентного человека у тебя бывают удивительно глупые замечания.

Кинтайр улыбнулся.

— Ну, по крайней мере я вывел тебя из приступа паники.

Он прошел через комнату к кофейному столику. Пустая чашка от кофе и пепельница, полная окурков с помадой, рядом с картонными коробками, в которых Брюс хранил письма. Коробки открыты, на столе одно письмо.

Марджери подошла и взяла его за руку.

— Я просматриваю это, — сказала она, неожиданно встревожившись. — В основном деловая корреспонденция, официальные письма, всякое такое. Но это письмо на итальянском. Может, ты расскажешь мне, о чем оно. — Телефон зазвенел — Заткнись! Будь ты проклят!

Кинтайр сел и взял сигарету. Ему не очень нравилось читать корреспонденцию покойника. Но это, несомненно, нужно сделать.

— Принесу еще кофе, — сказала Марджери.

Она пошла на кухню; он смотрел на нее и снова чувствовал животное удовольствие от вида ее походки — снова, после такого перерыва?

А потом понял, что возбуждение его вызвано тем, что он скоро увидит Коринну.

Он занялся письмами. Неряшливый во многих других отношениях, Брюс в этом был педантично аккуратен. Если была хоть небольшая вероятность, что письмо может ему еще понадобиться, он делал копии своих писем, перепечатывал их под копирку и сохранял ответы на них. Письма Луиджи Ломбарди по крайней мере за последний год.

Луиджи. О, да, дядя из тайной службы, ученый-любитель — да, Л.Л., конечно, это он! Кинтайр почувствовал раздражение. Вот и разгадка. Брюс отмечал те места, где ему может понадобится помощь дяди.

Кинтайр начал читать. Нет смысла читать каждое слово об артрите тети Софии или о свадьбе кузина Джованни. Но были страницы, на которых Луиджи точно описывал, что он выяснял по просьбе племянника. Эти страницы следовало сохранять, они важны для завершения диссертации.

Кинтайр решил, что все это должно было быть завершено, обработано и опубликовано под именем Брюса.

Да. Вот упоминания о миланских архивах. В письме говорилось:

«... хотел бы просмотреть библиотеки и кладовые старых аристократических семейств по соседству. Вполне вероятно, что в современных дневниках и письмах есть какие-то ссылки. Но бедного полицейского никто не представит, да и времени нет. Почему бы тебе не попросить это сделать твоего богатого американского друга Клейтона?»

Брюс поблагодарил, но воздержался от ответа на этот слегка саркастический вопрос. Дядя Луиджи перешел к другой теме. Кинтайр был с ним знаком, он помнил, что это честный человек, который не мог не отпускать язвительные замечания об американцах. Но это только естественно, если ты патриот бедной страны, это своего рода самозащита.

«... совсем не еще один Медичи. Неужели ты серьезно думаешь, что ему интересны эти старые книги? Это маскировка, чтобы познакомиться со знатными людьми, которые могут оказаться полезными. Его настоящие друзья гораздо грубее, если у него вообще есть друзья, кроме банковских счетов».

Брюс возражал:

«... ему приходилось пробиваться в жестоком мире. Я думаю, он вышел из этого испытания очень неплохо не

только как финансист, но вообще как человек. Его нельзя сравнивать с вашими собственными послевоенными новыми богачами. Судя по тому, что я слышал, они грубее любого американского парвеню. Но давай не будем обмениваться ритуальными оскорблениями».

В ответном письме дядя Луиджи пишет о какой-то местности в Сицилии, а потом возвращается к теме, которой он одержим.

«... если ты веришь в его стандартизированную историю успеха. Подумай сам, племянник. Клейтон был последние два года войны армейским офицером в этой стране. После демобилизации он вернулся сюда. Неизвестно, что он делал несколько следующих лет. Из легкого злого любопытства я справился в соответствующих организациях: он зарегистрирован только как турист, который неоднократно въезжал в страну и выезжал из нее. Потом неожиданно в 1949 году он обратился за разрешением на деловую лицензию. И получил разрешение на создание американского представительства по вывозу новых скутеров. С тех пор его взлет был таким стремительным, что его невозможно объяснить только ростом прибыли. Что отсюда следует, Брюс? (И снова спрошу тебя: почему твой отец так американизировался, что дал тебе твое имя?) Во время войны у него было только армейское жалованье, а когда он стал штатским, в Италии у него не было никаких источников дохода; это значит, что он получил значительные средства где-то в Америке! Наши источники показывают, что большую часть своих лир он получал из швейцарских банков. Очевидно, у него депозиты в долларах в Швейцарии, в которой, как ты знаешь, свободный рынок валюты; можно конвертировать доллары в любую другую валюту по мере необходимости, покупать товары, переправлять их в Америку и зарабатывать еще больше долларов. Поэтому все, что он о себе рассказывал (по твоему собственному выражению, „от обносков до Элджернона“^[27], сплошное жульничество. Клейтон начинал как богатый человек».

Пришла Марджери с кофе.

— Что ты нашел? — спросила она.

— В основном сплетни, — ответил Кинтайр.

Он кратко передал ей содержание.

— О, я это помню. Это было несколько месяцев назад. — Она села на диван рядом с ним. — Брюс был в ярости. Он очень хорошо думал о Клейтоне. Он писал в Индианаполис, в Де-Мойн и в другие места. Ему потребовались недели, чтобы все проверить через местные газеты, старых друзей и тому подобное. Все абсолютно верно. Сомневаюсь, чтобы у Клейтона была хоть тысяча долларов, когда он ушел из армии и вернулся в Америку.

Брюс еще не занялся этим вплотную, но хотел собрать все факты, вырезки, письма и отправить Луиджи. Особенно после полученной им последней пары писем. Луиджи написал, что нет никаких свидетельств того, что Клейтон брал деньги взаймы, чтобы начать, и предположил, что Клейтон спекулировал валютой на черном рынке. Брюс просто взорвался.

— Правда? — сказал Клейтон. Он подумал, что скоро ему пора будет уходить, но в оставшееся время нужно быть добрым к Марджери. Однако его уже охватило ощущение погони. Приученный быстро просматривать письменные материалы, он через несколько минут нашел нужный абзац. Сквозь решетку цивилизованных слов просвечивал гнев Брюса.

«... я не из радикальных правых, но я тоже возмущен вечным вмешательством в дела граждан, которое считается современным представлением о правительстве. Меня не удивило бы, если бы вначале Клейтон получал прибыль от свободного обмена валюты, когда послевоенные курсы были абсолютно нереальными. Кто этого не делал в те дни? Но если так, я бы сказал, что он оказал вам всем большую услугу. Ручаюсь, вы бы удвоили производство, просто отменив все средневековые границы и ограничения и заставив таможенников заниматься полезной работой!»

Луиджи после неизменных жалоб на американские таможенные тарифы ответил:

«Проблема гораздо более серьезная и настоятельная, чем ты представляешь. Мы меньше слышим об этом, чем о ваших аналогичных трудностях, но у нас в старых странах своя послевоенная волна преступности. И эти синдикаты — не просто черный рынок, не просто контрабандный провоз бутылочки духов, но торговля наркотиками, проституция, продажа оружия, вымогательство, шантаж, подделка валюты, коррупция и убийства.

Да, отчасти я виню в этом ваше правительство. Мы следим за преступниками, которых вы к нам депортируете, но мы не можем запретить никому связываться с ними. А у них есть влияние, у них просят совета. Эти синдикаты многому научились у коммунистов, включая организацию в виде ячеек. Мы можем арестовать одного человека здесь, другого там, но они могут привести нас только к нескольким другим. Иногда мы считаем, что определили мозг организации, но отсюда не всегда следует, что его можно взять. Даже в нашей стране, где у полиции есть права, которые шокировали бы ваше англо-саксонское сознание. Не называю имен, но иногда кое-что поднимается на поверхность, скандал, труп молодой женщины, принадлежащей к старинной гордой семье, члена парламента видят в сомнительных местах — и никаких последствий это не имеет. Газетам запрещено доводить такие расследования до конца; все покрыто сильными защитными руками.

Дай нам время, и мы справимся с этими кондотьерами наших дней. А тем временем я бы хотел, чтобы твой Клейтон был более осторожен в выборе друзей. Он каким-то образом связан (не очень, и для этого есть деловые причины) с дельцом по имени Дольче. А этот Дольче бандит из трущоб Неаполя. Один из его контактов — депортированный итальянско-американский глава преступной организации по имени...»

Брюс ответил на это одной возмущенной строкой:

«Вы всегда выкручиваете мне руки упоминанием сенатора Маккарти!»

Кинтайр отодвинул коробку. Он быстро переводил то, что читал.

— Это конец, — сказал он. — Брюс написал это две недели назад, и думаю, дядя еще не ответил.

— Клейтон, — с ужасом сказала Марджери. — Думаешь, он...

— Мошенник? Нет. Я не очень много об этом знаю, но мне кажется несомненным, что, если человек хочет получить импортную лицензия, он должен держать нос чистым. Если бы Клейтон был связан со... скажем, с чикагскими гангстерами, ФБР вышло бы на него за несколько недель.

— Но не мог ли он...

— Забудь о Клейтоне. У него алиби на каждую минуту этого уикэнда. А что касается найма профессионала, послушай, милая, предположим, ты хочешь, чтобы была выполнена такая работа. Как ты найдешь профи?

— Ну... — Она колебалась, поднесла маленькую руку к подбородку. — Не знаю.

— Ты законопослушный гражданин, поэтому не знаешь. Клейтон тоже относительно законопослушный гражданин. Он должен таким быть. Итальянская полиция может не знать об этом, если Клейтон совершает что-то незаконное. Там он может действовать из-за границы. Но в Соединенных Штатах совсем другое дело. Мы говорим о свободном предпринимательстве, но факт таков: американский бизнесмен действует в аквариуме с золотыми рыбками под бесчисленными кляузными ограничениями. Поэтому, повторяю, Клейтон должен быть более или менее чист. Даже если американское правительство не сможет его в чем-то обвинить, оно может отобрать у него все лицензии — буквально одним приказом.

Как в таком случае он может связаться с убийцей? Войти в крутой бар и спросить? Общий смех. — Кинтайр выбросил окурок. — Конечно, спустя какое-то время ты или я могли бы найти убийцу. Но здесь нужно было это сделать быстро. В прежней жизни Брюса не было ничего, что могло бы привести к его убийству. Ты знаешь, как он был разговорчив. Мог бы он от тебя хотя бы на неделю утаить что-то важное? Конечно, нет. И от меня, и от своих знакомых. Следовательно,

это нечто такое, на что он наткнулся недавно, даже не понимая его значения. И человек, которому это угрожало, должен был действовать быстро, найти убийц и доставить их сюда или сделать это самому в течение нескольких дней. Это исключает Клейтона.

Марджери слегка ошеломленно кивнула.

— Я рада, — сказала она. — Он мне нравится, хотя я мало с ним знакома.

— Можешь исправить это сегодня вечером, — сказал Кинтайр. — Я видел его, и он упомянул, что хочет позвонить тебе и пригласить на ужин.

— О! — Она посмотрела на него круглыми глазами. — А я не ответила!

Кинтайр рассмеялся.

— Немедленно включи звонок телефона.

Она отрицательно покачала головой. Ее голубые глаза потемнели от боли.

— Только так я могу вежливо сказать нет.

— Как это?

— Я не заинтересована. Пока нет. — На мгновение ее лицо посветлело. — Если только ты, Боб...

— Прости, малышка. Сегодня вечером я занят. — Он посмотрел на часы. — На самом деле я уже должен был уйти.

— О, — безжизненно сказала она.

— Послушай. — Он взял ее за плечи, повернул к себе и посмотрел ей в глаза. — Это долго не будет продолжаться. В газетах появятся другие сенсации. Брюс мертв. Мы живы. Начинай вести себя как живая.

— Прошло всего сколько? Два дня? Три? — Она отвернулась от него. — Дай мне время привыкнуть.

— В таком темпе ты никогда не привыкнешь. Я тебя знаю.

— А ты уже привык! — со вспышкой гнева сказала она. — Твоя отвергнутая любовница!

— Отвергнутая, дьявольщина! Мы расстались, потому что...

— Да, да, я это уже слышала. Ты предупредил меня и все такое. Давай, назови себя джентльменом.

— Мардж!

Он вскочил и принялся расхаживать по комнате. Она откинулась и смотрела на него, тяжело дыша.

Постепенно он успокоился.

— Марджери, — сказал он, — думаю, я знаю, что означал для тебя Брюс. То есть помимо того, что он не был тебе равнодушен. Он был твоим шансом на эмоциональную безопасность, не так ли? Дом, дети. Почему ты не признаешь? Ты всегда будешь маленькой девочкой из Огайо, и что в этом плохого? Средний человек иногда порождает выдающегося, когда человечество выздоравливает. Так бывало и раньше. Но эти нынешние хипстеры — это биологический и культурный тупик.

Я не могу построить тебе дом в Огайо. Забудь обо мне. Брюс не твой последний шанс, но он станет им, если ты будешь продолжать сидеть и жалеть себя. Выбирайся из этой дыры!

— Спасибо за совет, — безжизненным ровным голосом ответила она. Ярость в ней нарастала, и она заговорила сквозь стиснутые зубы. — Это гораздо дешевле, чем помогать. Но я решила сегодня вечером оставаться дома. Одна. Начиная с этого момента.

Кинтайр остановился на полушаге.

— Прости, — сказал он. — Не знаю, что я сейчас сделал неправильно, но мне жаль.

Она села.

— Пожалуйста, уходи, — сказала она бесцветным тоном. — Позвони мне завтра, если хочешь, но пожалуйста сейчас уходи.

— Хорошо, — сказал он.

Она не шевельнулась, когда он направился к двери.

Он шел быстро, потому что опаздывал. Гнев сменился озабоченностью, но и она рассеялась, когда он начал думать о Коринне. Марджери завтра почувствует себя лучше, они снова станут друзьями. А сейчас ему нужно принять ванну, побриться и сменить одежду.

Заголовок специального выпуска газеты привлек его внимание. Питер и Юджин Майкелисы арестованы по подозрению в убийстве.

Квартира Коринны располагалась на тихой улице недалеко от парка «Золотые Ворота». Брюс рассказывал, что она работает в небольшой художественной галерее, выступает в любительской театральной труппе и сама шьет себе одежду. Он также знал, что она говорит по-итальянски. И это все. Нелепо, но Кинтайр чувствовал себя, как школьник на первом свидании.

Она открыла дверь и улыбнулась ему. Высокие каблуки делали ее почти одного роста с ним. Она в черном, что подчеркивает ее светлые волосы, но рукава расширяются, а юбка обвивается. Это не траурный наряд.

— Я почти готова, доктор Кинтайр. Не присядете ли? Берегитесь кошки: она кусается.

Кинтайр любил кошек; он завел бы кошку, если бы не хотел брать на себя обязательства. Это была прекраснейшая представительница своего племени, сиамская кошка, белая, как свежесвыпавший снег, с пятнами, черными, как полночь. Когда он сел, она плавно подошла к его вытянутой руке.

— Как ее зовут? — спросил он.

— Таффимаи Металлумаи, — ответила Коринна, уходя в спальню. — Если вы помните Киплинга, это означает: Маленькая-Личность-Которая-Не-Умеет-Себя-Вести-И-Которую-Следует-Отшлепать.^[28] Но обычно она живет под именем Типси.

Он осмотрелся. Комната украшена очень нестандартно; должно быть, хозяйка сделала это сама, в тонких красных и золотых тонах; несколько изящных китайских картин. Книги: поэзия, пьесы и живопись, но на одной полке популярные работы Гамова, Рассела, Лея и компании.^[29] Среднего размера проигрыватель и много хороших записей.

Таффимаи Металлумаи прыгнула ему на колени, сонно взглянула бирюзовыми глазами и приказала почесать ее под подбородком. Под девственной шерстью твердые мышцы; должно быть, она весит вдвое больше обычной кошки такого размера.

Кинтайр перестал разглядывать угол, где на небольшом рабочем столе стояла незаконченная маска из папье-маше. Вернулась Коринна.

— Быстро вы, — сказал Кинтайр.

— О, нет! Вы ранены! Боже!

Он взглянул на поцарапанный большой палец. Типси в нескольких очень хорошо подобранных словах сообщила ему, что он не должен беспокоить ее без предупреждения.

В глазах Коринны было зеленое отчаяние.

— Никто не верит в мои предупреждения, — сказала она, — а потом Снежный Леопард делает из них ланч и тогда.... Не могу вам сказать, как мне жаль.

— Если любишь кошек, это профессиональный риск, — ответил Кинтайр. — И я их люблю. Можно заклеить пластырем, просто для видимости.

Она внимательно посмотрела на него.

— Думаю, вы говорите искренне, — сказала она. — Спасибо.

Она провела его в ванную. Это дало ему возможность увидеть ее кухню и шкафчик, забитый травами и пряностями.

— Вместо того чтобы выходить, — сказал он, ликвидируя причиненный ущерб, — я предпочел бы поужинать здесь.

— Я ничего не приготовила, но...

— Ерунда. Может, отложим на следующий раз. Идемте.

Типси заверила его, что нисколько не сердится, и он с удовольствием погладил ее. Ему пришло в голову, что есть что-то жалкое в маленьком сидящем в клетке попугае Марджери по сравнению с этой живой машиной для убийства.

— Вы ученый, — заметил он, кивнув на книги.

— Всего лишь зритель, — ответила Коринна. — Мне бы хотелось иметь степень по математике, но у нас не было денег, и я должна была помогать в ресторане.

Объясняла она без обиды.

Он помог ей надеть пальто, и они спустились к его машине.

— Куда пойдем? — спросила она.

— Я знаю голландское заведение вблизи Русского холма, — ответил он. — Бывали там? Нет? Отлично. Голландскую кухню очень недооценивают. В некоторых отношениях ее можно сравнить с французской.

Она промолчала. Он бросил взгляд на ее египетский профиль. Она снова стала серьезной.

— Простите, если я бестактен, — сказал он.

— Вовсе нет. Вы очень добры, что пришли. И... Что хорошего принесло бы Брюсу, если бы мы сидели, уставившись в пол?

— Я тоже так думаю, — сказал он. — Но я ведь только друг.

— У Брюса никогда не было лучшего друга. Думаю, вы знаете его лучше любого родственника. Он уходил от нас к чему-то своему. И был прав, конечно.

Кинтайр не знал, что ответить.

— И еще, — сказала она очень небрежно, — он был хороший. Не святой, но хороший. Не думаю, чтобы он долго пробыл в Чистилище.

Кинтайр, для которого душа была всего лишь метафорой, должен был долго думать о ее словах, пока не пришел к выводу, что она просто верит в это. Не таким хотел бы он услышать от нее утешение.

— Но как же я по нему скучаю! — прошептала она.

Они ехали молча. Наконец она сказала более неловко, чем средняя современная женщина:

— Я хочу спросить вас об одной вещи. Я читала сегодня в газетах. Эта девушка, которую... которую он знал...

— Да, — сказал Кинтайр, сосредоточившись на движении. — Я знаю ее. Они жили вместе. Она прекрасный человек и стала бы ему хорошей женой. Брюс любил ее и хотел жениться. Она колебалась только потому, что... боялась, что может причинить ему боль... Но вскоре она изменила бы свое мнение. Они были счастливы.

Коринна вздохнула. Он почти чувствовал, как она расслабилась.

— Спасибо, — сказала она. — Мне за многое нужно поблагодарить вас, верно? Больше не будем об этом говорить, только... если эта девушка захочет со мной встретиться или чтобы я пришла к ней, я буду очень рада.

— Я думаю, да, — сказал Кинтайр. — Через несколько дней.

И сразу обозвал себя идиотом. Он сказал правду, но у Марджери теперь появится возможность рассказать кое-что самой, и чем это может кончиться?

Остальную часть поездки они почти не разговаривали. Молчание действовало успокоительно.

Нарушили они его, выйдя из машины. Перед ними был новый газетный заголовок. Через всю страницу шло: ОТЕЦ И СЫН АРЕСТОВАНЫ ЗА УБИЙСТВО ЛОМБАРДИ.

Коринна ахнула. Она сжала пальцами, ставшими неожиданно холодными, руку Кинайра.

— Санта Мария — прошептала она.

Он поддержал ее.

— Спокойней.

— Я это знала, — сказала она сквозь стиснутые зубы. — Что тут говорится?

Он наклонился к странице.

— Не очень много. Днем арестованы отец и сын. По подозрению. Никаких подробностей.

— Будет завтра. Все. А потом суд.

— Я думал, вы за это, — сказал он. — Вы были убеждены в их вине...

— Я не думала. Мне было только больно. И я устала. Нет, я не хотела, чтобы так было. — Она медленно распрямлялась. — Но пусть так будет. Можно мне выпить?

— Конечно, можно. Можно гораздо больше. — Он повел ее по тротуару. Она шла слегка неуверенно. — Вы можете услышать новость, с которой я к вам пришел.

— Какую новость?

— Майкелисы невиновны.

Бар был у них по пути. Кинтайр завел ее в кабинку. Ритуальная проверка возраста Коринны как будто помогла ей успокоиться. Она заказала ирландский виски. Неразбавленный. Он попросил пиво.

Только после этого она спросила:

— Откуда вы знаете?

— Это долгая история, — ответил он, — и, откровенно говоря, я не знаю, что из нее вам стоит услышать. Давайте начнем с того, что вы расскажете мне, почему считаете, что это сделали они.

— Полиция...

— Хм. Полицейские обратили на ваши идеи больше внимания, чем вы думали. Они проверили и обнаружили, что Джин исчез на весь уикэнд. Он и его отец отказались сотрудничать и, несомненно, были

очень угрюмы и раздражены, поэтому сейчас сидят в камере. Но прежде всего каким может быть их мотив?

Она сплела пальцы.

— О, это дело прошлых лет, когда их лодка ударила папину.

— Что еще? Это ведь имеет отношение к вам, не так ли?

— Да. Ничего позорного, вероятно. Но очень неприятное. Миллионы людей смеются над этими новыми сплетнями о нашей семье — неужели это никогда не кончится?

Принесли заказ. Она выпила одним глотком и заказала еще. Пока ждала, а он пил пиво, она посмотрела на него через столик и сказала:

— Джин вернулся из флота прошлым летом. Он отыскал Брюса в Беркли. Брюс пригласил его к родителям на ужин. Я тоже была там. Джин постарался показать себя. Он мог быть очаровательным. У нас было несколько свиданий. — На ее лице появилась краска, но она продолжала. — Да, он изо всех сил старался соблазнить меня. Когда не получилось, он попросил меня выйти за него. Всякий раз как мы встречались, это заканчивалось предложением — это была борьба. Но он мне нравился. И он переехал с Восточного залива в Сан-Франциско, нашел другую работу, только чтобы быть ближе ко мне. Кто не был бы польщен и тронут? Но в конце концов мне пришлось все кончить. Пришлось даже физически сопротивляться, чтобы он прилично вел себя. Я взяла такси и уехала домой.

Вернулась официантка. Коринна взяла свою вторую порцию и стала медленно пить.

— На следующий день он извинился, — сказала она, — но я сказала ему, что не могу больше с ним встречаться. Он как будто принял это хорошо, сказал, что вернется в Чикаго — он когда-то жил там, но попросил что-то вроде прощания. Я поговорила с Брюсом. Джин всегда восхищался Брюсом. Странно, но этот рослый, здоровый, поездивший по миру парень преклонялся перед Брюсом. Мы не могли просто бросить его. Устроили двойное свидание в уикэнд в декабре, поездку в Кармель. Я знала, что Брюс влюблен, он не мог это скрыть, но я попросила его, чтобы он пригласил мою подругу из театра. Это сделало бы атмосферу другой. Более безопасной, как мне казалось.

Коринна смотрела на свой стакан.

— Мы сняли там два номера в отеле, — без выражения продолжала она рассказывать. — Немного выпили. Джин больше чем

немного. Он несколько раз откровенно приставал ко мне. Я боялась, что будет драка, но наконец мы с этой девушкой ушли в свой номер спать. А Джин и Брюс в своем номере продолжали пить. Он заставлял Брюса вместе с ним идти в наш номер. Чего вы бы ожидали? Брюс потерял терпение и ударил его. Это не должно было очень повредить Джину — внешне, но я все думаю, что это с ним сделало внутри. Он стал кричать, что мы все против него. Я слышала это сквозь стену. Мы пошли к его машине. Он сказал, что мы сумеем без него вернуться домой, сел, шатаясь, в свою машину и поехал по шоссе — пьяный.

Коринна взяла свой голос под контроль.

— Вот и все. Мы узнали о происшествии на следующий день, когда вернулись автобусом. Сразу пошли к нему в больницу. Как он нас бранил! Брюс плакал, когда мы уходили.

— Знаю, — сказал Кинтайр. — Я видел его через несколько дней.

И он откровенно рассказал о том, что сделала Марджери.

Коринна словно растаяла у него на глазах.

— Если бы могло существовать такое явление, как благословенный грех...

— Давайте вернемся к делу, — сказал Кинтайр. — Я хочу, чтобы для вас этот кошмар кончился. *Imprimus*^[30], насколько вам жаль Джина? На самом деле.

Она колебалась. Наконец сказала:

— Ответить на это невозможно.

— Он получил то, на что запрашивался. Чистая удача, что человек в другой машине остался жив.

— Наверно, это так. — Она твердо сжала челюсти. — И если он убил моего брата — как это говорится? Бог может его простить, но я не могу.

— Хорошо. Однако *secundus*^[31]. Он не виноват в смерти Брюса.

— Почему вы так в этом уверены? — спросила она почти воинственно.

— Позвольте рассказать, что произошло вчера вечером.

Неужели это было только вчера?

Он рассказал в нескольких словах. Она посмотрела на него так странно, что он удивился, пока ему не пришло в голову, что мало кто их профессоров колледжа заходит в квартиру в районе побережья и выбрасывает ее обитателей.

— Надеюсь, вы не думаете, что я напрашивался на драку, — закончил он. — Я стыжусь этого. Но это дало мне необходимое доказательство.

Рука ее передвинулась к пластырю на его лбу.

— Там вас ранили? — тихо спросила она.

— Нет. — Он торопливо продолжил: — Очень вероятно, что Брюса убили профессионалы. Вероятнее всего приглашенные убийцы, потому что местных бандитов полиция уже проверила.

— Джин жил в Чикаго, — сказала она, почти не разжимая губ.

— Джин и его отец бедны. Даже если у Джина был бы друг-убийца, бесплатно он не стал бы работать.

— Но они могли это сделать сами, отец и сын.

— Смотрите, у нас троих лишь легкие царапины. Стены там как бумажные. Половина дома слышала, колотили в дверь. Брюс не мог быть... искалечен там. Это произошло в другом месте. Подумайте о практических затруднениях: нужно найти пустующий склад и или что-то подобное. Раздобыть машину, да бога ради! Где эти нищие могли раздобыть деньги, чтобы взять в аренду машину — хотя бы на день?

Хорошо, если предположить невероятное, скажем, что они могли это сделать. Но вот чего они никак не могли сделать, это схватить Брюса. Да он связал бы их бантиком.

— Брюс?

Она очень удивилась.

— Да. Перестаньте думать о нем, как о простом книжном черве. Мы с Брюсом собирались отправиться в Кинг Кэньон, а это очень дикое место. И он занимался дзюдо, и у него хорошо получалось. Конечно, его можно было захватить, угрожая пистолетом, но у Майкелисов нет пистолета; если бы он у них был в квартире, они вчера вечером пустили бы его в ход. Поэтому Брюса должны были ударить сзади. Но на его теле нет следов удара, и нет признаков применения анестезии. Эти сведения у меня от полиции. Без оружия Джин и его отец не могли бы и десять секунд удерживать Брюса. Они сильны, но я свалил их обоих детской техникой.

— Хорошо, — сказала она, — вы сделали это с помощью дзюдо, — сказала она. — Но Брюс говорил, что вы специалист в этом.

— Пока у меня только коричневый пояс. У Брюса, конечно, был белый. Он не справился бы с одним или с двумя людьми, которые

знают, как бороться — не обязательно дзюдоистами, просто опытными бойцами. Например, с Терри Ларкином. Однако он точно справился бы с двумя невооруженными Майкелисами. Поверьте мне на слово. Я знаю.

— О.

Она какое-то время смотрела себе на руки.

— Через несколько дней их выпустят, — сказал Кинтайр. — Самые элементарные процедуры покажут их невиновность. Я сам могу придумать дюжину доказательств. Конечно, до того как это произойдет, вы можете привлечь внимание газетчиков. Но до суда дело не дойдет. Поверьте мне.

— Спасибо. — Когда она улыбнулась, он больше ничего не мог видеть в этом тусклом помещении. — Кажется, я все время вас благодарю.

— Что я нахожу очень приятным, — поклонился он.

— Почему бы нам не пойти немедленно в полицию и не рассказать все это? — неуверенно спросила она. — Вы ведь не боитесь, что вас арестуют за драку? Это не была ваша вина.

— Конечно, нет. Но мои показания и рассуждения недостаточно убедительны, — уклонился он.

— Это очень помогло бы. Качнуло бы чаши весов. Мне их так жалко. Бедный старик.

Кинтайр посмотрел прямо в зеленые глаза.

— Можете мне довериться? — спросил он. — Можете поверить, что сейчас этого делать нельзя?

Потому что полиция будет спрашивать дальше. Действительно ли я повредил голову и руку в той драке? Нет, скажут Майкелисы. Тогда где? И не думаю, что полиция не выйдет на Гвидо, твоего брата.

Она прикусила губу.

— Не хочется думать о том, что их заперли за то, чего они не делали.

— В настоящее время, — сказал он, — эта история скомпрометировала бы кое-кого еще из моих знакомых, которые совершенно невиновны.

Она вздохнула.

— Ладно. С меня хватит. — И с улыбкой сказала: — Для одного дня вы совершили достаточно рыцарских поступков. Давайте поедим.

Ресторан был маленький и тихий. Коринна и Кинтайр сидели за столиком в углу, где было полутемно.

— Здесь заказывают аперитив «дженевер», — сказал Кинтайр, — но я убежден, что голландский джин гонят из лягушек. С другой стороны, голландское пиво выдерживает сравнение с «хофом», «ротхаусбрау» и «кроненбергом».

— Вы много путешествовали, — сказала она. — я вам в этом завидую. Сама я никогда дальше Сьерры не уезжала.

Слегка смутившись, он не собирался разыгрывать космополита, — он молчал, пока она изучала меню.

— Закажете для меня? — попросила она наконец. — Вы лучше разбираетесь в этих блюдах.

Он сделал заказ, польщенный ее похвалой. Когда принесли пиво в конических полулитровых стаканах, он поднял свое.

— Прозит.

— Салют. — Она пила медленно. — Замечательно. Но это может быть неразумно после двух виски.

— Все в порядке, если отнесетесь спокойно. Поверьте на слово опытному пьянице. — Он видел на ее сильном широком лице какую-то настороженность. — Немного анестезии вам не помешает.

— Что ж... — Она поставила стакан. — Потерпите меня немного. Обещаю не болтать, но могу стать сентиментальной. А может, слишком веселой, не знаю. До сих пор я никого не подпускала к себе.

— Понимаю, — сказал Кинтайр.

— И помогите мне забыться, — добавила она. — Я хотела бы поговорить о Брюсе и на совсем нейтральные темы. — Она сумела улыбнуться. — Я хотела кое о чем вас спросить. Вы специалист по Макиавелли. Наш театр в прошлом году ставил «Мандрагору».^[32] Скажите, как мог один и тот же человек написать это и «Государя».

— На самом деле, — ответил Кинтайр, — я бы удивился, если бы автор «Государя», точнее «Рассуждений о Ливии», потому что «Государь» — это только памфлет, я бы удивился, если бы он с такой же легкостью не писал чисто развлекательные произведения. Одна из

самых проклятых ересей этого века — представление о том, что человек может быть хорош только в одном. Что многосторонность не является врожденным свойством человека.

— Я часто думала то же самое, — сказала она. — Вероятно, вы знаете, что Брюс изменил свои намерения и стал заниматься историей из-за вас. Первокурсником он слушал ваши лекции. Теперь я понимаю, почему он это сделал.

— Что ж... — уклончиво протянул он и занялся своим пивом.

С тактом, который он оценил, она сменила тему разговора.

— Но почему вы заинтересовались итальянским Возрождением — с таким именем, как ваше?

— Я провел несколько лет в частном интернате на Востоке. Меня увлек учитель романских языков.

Он помолчал, потом медленно продолжил:

— Я поступил в Гарвард, но когда учился на первом курсе, случился Перл-Харбор. Всю войну прослужил во флоте, на Тихом океане; во время увольнений на берег влюбился в район залива, поэтому и приехал сюда потом. Но во время войны у меня было много времени, чтобы читать и думать о том, куда идет человечество. К волчьему миру, как думал Макиавелли; наверно, поэтому я чувствую себя таким близким к нему. Он тоже думал о том, как прожить приличному человеку. Он говорил правду, какой ее видел, потому что не считал, что на пути цивилизации должно стоять ханжество, которое уже провозглашали варвары. Тем временем он превратился в Старого Ника, дьявола, и те, кого он хотел предупредить, мы, свободные люди, не слушаем его, потому что считаем, что он говорит от имени врага.

Он приостановился.

— Простите, я не собирался произносить речь.

— Я бы хотела, чтобы было больше людей с убеждениями, — сказала она. — Даже если я с ними не соглашаюсь. В наши дни все так уважают чувствительность друг друга, что стало не о чем говорить, кроме счета в футбольном матче.

— Вы очень добры, — сказал он. — А вот и аперитив. Обратите внимание на голландский деликатес «яйца по-русски». Не спрашивайте меня, почему он так называется.

В стаканах у них блеснул рубином «черри хиринг».

— Это не голландский, — сказал Кинтайр, — однако...

— А знаете, — сказала она, — я начинаю понимать старую идею поминок. Собрать весь клан и устроить пьяный кутеж. Это больше акт любви, чем задернутые занавеси в гостиной и приглушенные разговоры.

— Это говорит латинский дух, — ответил он. — Мы раса протестантов; мы прокляты традицией: несчастье — это добродетель.

— Но вы, бостонский шотландец или кто вы еще, — я улавливаю акцент, — вы это одобряете.

— Я оставил Бостон ради Тихого океана в девять лет.

— Почему?

— Мой отец был инженер-кораблестроитель. В 1930 году он потерял работу. Будучи человеком с воображением, он на свои сбережения купил шхуну, нанял экипаж из мексиканцев, и мы отправились в Южные моря.^[33] И семь лет жили на шхуне.

— Брюс говорил мне, что вы были моряком. — Она смотрела на него очень яркими глазами. — Но как вы зарабатывали на жизнь?

— По-разному. Иногда перевозили между островами груз и пассажиров. Пассажиры — обычно канаки, и те, у кого не было денег, платили нам продуктами и гостеприимством, когда мы добирались туда, куда плыли. Отец вообще не гонялся за деньгами. Его главным занятием было собирать и сохранять морские образцы для музеев и колледжей. К концу он на этом создал себе имя. Конечно, мы никогда не получали много денег, но нам это и не нужно было.

Кинтайр поднял стакан на свет, выпил и запил глотком обжигающего кофе. Почему он говорит об этом? Он никому не говорил о своей молодости, за исключением Трига, но это его друг уже двенадцать лет. Триг познакомил его с дзюдо, надеясь, что дисциплина тела, как и дисциплина ума поможет ликвидировать ужас. А Коринна вытянула из него эту историю за несколько часов, даже не зная, что она это сделала.

Прошлой ночью он принял ее за Морну.

— Что случилось? — спросила она.

Тон ее говорил, что он может не отвечать, если не хочет.

— Тайфун и подветренный остров, — ответил он. — Выжил только я.

Он взял сигарету. Она сложила руки и ждала — на случай если он захочет сказать больше.

— Это было на островах Гильберта, — продолжал он, почувствовав на языке вкус дыма. — Английские власти отправили меня домой. Опекуном стал двоюродный брат моей матери. Поэтому я отправился в интернат, о котором говорил, а летом работал на приморском курорте. Не жалейте меня. Это была хорошая жизнь.

— Но одинокая, — сказала она.

Он улыбнулся краем рта.

— Путешествует быстрее тот, кто путешествует один. [\[34\]](#)

— Теперь я многое поняла. — Она держала чашку так легко, что он побоялся сломать свою. Сухожилие за сухожилием он расслабил пальцы. — Да, — сказала она, немного погодя. — Вы всегда удивляли Брюса. Как, наверно, большинство. Вы словно никому и ничему не принадлежите. И однако принадлежите. Миру, который затонул в океане.

Это его задело. Не вдаваясь в самоанализ, он считал, что живет логично и упорядоченно.

— Когда-нибудь вы его снова построите, — сказала она. — Не физический корабль, конечно, у вас есть более серьезные задачи, но личный мир.

И снова это был удар: ему показали, что он словно выброшен с Марса.

— Пожалуйста, — сказал он резче, чем намеревался, — я не считаю, что моя личность — самая интересная тема на земле.

Она кивнула, словно про себя. Длинные волосы упали на щеки.

— Конечно.

— Может, сейчас лучше отвезти вас домой, — сказал он без особого энтузиазма. — Вы завтра работаете?

— Только если захочу, сказал мне босс. Я собиралась, но... А вы торопитесь?

Напротив. Не думаю, чтобы я смог долго спать.

— Может, пойдем куда-нибудь еще и поговорим? Я хотела бы кое о чем вас спросить.

— Мне нравится, когда меня спрашивают. И я знаю подходящее место.

Маленькое, темное, чисто мужское место, чуть смягченное музыкальной шкатулкой в виде телевизора. Кинтайр отвел Коринну в кабинку в глубине зала.

— Здесь подают газированное пиво, — сказал он. — Единственное хорошее пиво, которое делают в этой стране.

— Нет. Не хочу. Еще одна порция ирландского, если можно. Обещаю не торопиться.

Голос ее звучал так же легко, как слова.

Тем не менее ему не нужно было напрягаться, чтобы почувствовать, что что-то с ней не так.

Спустя какое-то время она встретилась с его взглядом, не позволяя ему отвести глаза.

— Доктор Кинтайр, — начала она.

Он хотел попросить ее звать его по имени, но потом подумал, что этот американский обычай звать по именам несколько не способствует близости.

— Да? — ответил он.

— Я... я хотела бы поблагодарить вас за удивительное время, которое дало мне гораздо больше, чем вы представляете. А потом отправилась бы домой. Но...

Он ждал.

— Не знаю, как это сказать, — запинаясь, продолжала она. — Я знаю, что вы были для Брюса ... братом, какой у него должен был бы быть. Но я только сегодня вечером почувствовала это. — Она поискала слова. Наконец: — Не думаю, чтобы я повредила себе, разговаривая с вами серьезно.

— Надеюсь, нет, — сказал он так же серьезно, как она. — Но обещать не могу.

— Почему вы вчера вечером пошли к Майкелисам?

— Сам не знаю.

— Вы хотели узнать, кто убил Брюса? Так?

— Я не назначал себя детективом. Полиция выполнит эту работу бесконечно лучше меня. Но я думал...

— Что вы думали?

— Я не хотел бы никого обвинять...

— Вы можете понять, что значил для меня Брюс? — Она спросила тихо, словно ее вопрос для нее очень важен. — Мы были не

просто брат и сестра. Мы всю жизнь были друзьями, и у людей для этого просто нет слов.

— Знаю, — ответил он. И мало кому на земле он мог сказать то же самое. — У меня тоже была младшая сестра.

— Даже после того как он ушел из дома... вы можете себе представить, как он обо мне заботился? Как часто он вмешивался и разговаривал с одинокой, смущенной, несчастной девочкой, которую никто не любил; как знакомил меня с людьми, с которыми я чувствовала себя как дома; как залечивал раны, когда я ссорилась с родителями, которые не понимали меня; как уводил из проклятого офиса и вел в музей, где я могла делать то, что хочу, и верить, что в этом есть какая-то ценность. Вы знали Брюса, но знали ли эту его сторону?

— Нет, — сказал Кинтайр. — Он не говорил об этом. Но да, могу себе представить.

— И его куда-то заманили, и пытали, и убили, — сказала она. Лакированные ногти побелели, когда она сжала пальцами стол.

Кинтайр не притрагивался к ней, но протянул руку. Она ухватилась за нее. Опустила голову. А когда подняла, он увидел на ее лице слезы.

— Простите, — глотнула она. — Я обещала не реветь, а потом...

Кинтайр позволил ей поплакать. Это длилось недолго и было нешумно.

Наконец она очень тонким голосом спросила:

— Почему это сделали? Почему сделали с ним, с единственным на всей земле?

— Не знаю, — ответил Кинтайр. — Просто не знаю.

— Но вы можете предположить? Вы знаете всех участников. Этот писатель, с которым он поссорился. Бизнесмен, владелец манускрипта. Джин Майкелис. Вы можете ошибиться! Даже его девушка. Да простит меня бог за то, что я говорю это. Но кто?

— Зачем вам это знать? — спросил он.

— Зачем? — Это поразило ее. — Как зачем? Чтобы понять...

— Хотите быть уверены, что в следующий раз убийца не поразит вас? Думаю, вам можно этого не бояться.

— Конечно, нет! — вспыхнула она. — Я хочу знать, чтобы мир снова приобрел смысл.

— Это слишком метафизично, чтобы быть правдой, — сказал он.

Она дрожала от напряжения. Потом откинулась, взяла стакан с виски, сделала глоток и холодно спросила:

— Что вы делали вчера вечером после того, как ушли от Майкелисов?

— Пошел домой, — ответил он.

— Гвидо сегодня был потрясен. Он совсем не спал, я поняла это утром. Оставался дома, как раненое животное. Я его знаю. Он был в ужасе. — Коринна выкрикнула, словно врагу: — Что вы ему сделали?

— Ничего, — сказал Кинтайр.

Она прикусила губу.

— До сего времени я об этом не думала, — выдохнула она. — Но все совпадает. Вы что-то знаете. Ради бога скажите мне!

Охваченный сочувствием, он сказал:

— Понимаю. Вы боитесь, что Гвидо в этом участвовал.

— Да, — безжизненно ответила она.

— Почему?

— О... не знаю... из ревности? Кто может сказать? Гвидо всегда был безрассудным, а Брюс оставался маменькиным сынком. Но именно Брюс ушел из дома, а не Гвидо.

— Давайте не стоять незрелых психологических теорий, — сказал он намеренно резко. — Держитесь фактов. Что заставляет вас подозревать участие вашего брата?

— Могу вам сказать, — вздохнула она. — Всю прошлую неделю он смутно намекал на какую-то большую работу, которая заставит его на уикэнд уехать из города. Он такой, важничает, но в этом обычно нет ничего плохого. Но в понедельник вечером он вернулся с большими деньгами. Я знаю, что до этого у него не было денег. Он даже вынужден был продать машину. Он пришел с дорогими подарками нам всем, и в бумажнике у него была толстая пачка. Конечно, когда мы рассказали ему о Брюсе, все остальное мы забыли. Но сегодня он был такой испуганный... Что произошло вчера вечером?

Кинтайр достал сигарету.

— Прошу прощения, мне нужно подумать...

Он долго закуривал.

— У Гвидо неприятности, — сказал он наконец. — Не знаю, насколько тесно он связан с убийством.

— Не поймите меня неверно. — Лицо ее было словно из мела. — Я никогда не думала, что Гвидо может... даже подумать... Нет! Но он мог быть втянут невольно. И что подумает полиция?

— Хм. Мне тоже пришла в голову эта мысль.

— Так что случилось?

Он рассказал ей.

— О, нет.

Она закрыла глаза.

— Вы видите мою дилемму, — устало сказал он. — Я буду защищать Гвидо, если позволит совесть, даже если это приведет меня к нарушению закона. Но я не знаю, смогу ли...

Она снова открыла глаза. Они сверкнули.

— Спасибо, — сказала она, не обращаясь к Кинтайру.

У него по коже побежали мурашки.

— О чем вы думаете?

— Я знаю Гвидо, — ответила она. — Я добьюсь у него правды.

— Можете попробовать.

Она встала.

— Поеду в такси, — сказала она.

— Что? — Он тоже привстал. — Вы сейчас пойдете туда?

— А куда же еще? Простите, это невежливо по отношению к вам, но неужели вы думаете, что это может ждать?

— В городе убийца, — сказал он. — Сможете увидеть Гвидо утром у родителей, но сегодня вечером я этого не допущу.

Она улыбнулась. В улыбке не было ничего веселого.

— А что вы собираетесь делать?

— Позвонить в полицию.

Она сказала, словно отрубилась:

— К тому времени как вы им все объясните, я уже увезу его куда-нибудь. И можете больше не разговаривать с нами обоими.

Он взял ее за запястье.

— Отпустите меня, — почти небрежно сказала она.

— Подождите секунду. — У него снова появилось то же чувство, что накануне вечером: произойдет нечто такое, к чему его вынуждает какая-то сила. — Подождите меня, — закончил он.

Первым препятствием был привратник-вышибала. Кинтайр пожалел, что у него нет шляпы. Ничего не маскировало его, кроме серого костюма, но вот пластырь на лбу как луч прожектора.

— Идите за мной, — прошептала Коринна, когда они спускались по лестнице.

Проход узкий и темный. Она смогла пройти мимо Кинтайра и вышибалы и бросила такой взгляд, который сделал бы незаметным и носорога рядом с ней.

Сегодня в «Бродячей кошке» полно народа. В основном гламурная толпа. Кинтайр подумал, что этих людей привлекли слухи о вчерашней драке. Он не смог сдержаться и прошептал:

— Где вы научились давать напряжение в пять тысяч вольт чистого секса в трех движениях и одном взгляде искоса?

— Театр. — Даже сейчас, когда она в жестком голубом свете вот-вот может увидеть брата, возможного убийцу, поющего непристойную балладу, она была похожа на эльфа. — Помогает также жизнь с кошкой.

Они прошли вдоль стены, пока не нашли столик в тени.

— Вы сможете увидеть его в перерыв, — предложил Кинтайр.

Коринна кивнула.

Официантка, которая зажгла им свечу — Кинтайр задул ее, как только она ушла, — и принесла им полбутылки бургундского, не обратила на них особого внимания. Что ж, давно известно, что возбужденные свидетели не представляют особой ценности. Они видят драку, но не дерущихся.

Коринна молчала, опираясь щекой на кулак. Она ничего не пила. Кинтайр пытался разгадать взгляд, которым она смотрела на Гвидо, но видел только тревожную нежность.

— Не возражаете, если я подсяду?

Кинтайр удивленно поднял голову и увидел плоское лицо Трюгве Ямамуры.

— О, — тупо сказал он. — Садитесь. Мисс Ломбарди, это...

Он объяснил подробности.

— Рада знакомству, — сказала она.

Взгляд ее добавил: Может быть. Все зависит от того, что будет дальше.

Гитара Гвидо звенела и подпрыгивала. Его голос, полный сатирического смеха, заполнял помещение.

— Я спою вам о любви и мире...

— Мы были так заметны, когда вошли? — спросил Кинтайр.

— Оставьте сценический шепот, — сказал ему Ямамура. — Обычный негромкий голос привлекает к себе меньше внимания. Нет, вы вошли незаметно. Просто я сделал своим обыкновением видеть все происходящее. И сейчас вижу.

Он держал пиво, и глаза его непрерывно двигались; все остальное было совершенно расслаблено; все отдыхало, пока не потребуются каждая мышца.

— Давно вы здесь? — спросил Кинтайр.

— Пару часов. С начала представления, — ответил Ямамура. — Я шел за Гвидо от его дома. Но до этого, решив, что он не покинет свои четыре безопасные стены, я занимался другими делами.

Коринна воскликнула:

— Вы узнали что-нибудь?

— Я пришел утром сразу после того, как Боб рассказал мне. Там, где я был, не растет трава. То есть я хочу сказать, что действовал быстро. — Из своего темно-бордового спортивного пиджака Ямамура достал трубку. — Мне показалось, чтобы разобраться в вашем друге Ларкине, лучше всего проследить за последними действиями Гвидо. Я начал с другого конца — с посещения Клейтона неделю назад в понедельник. Знаете, когда Брюс и Гвидо пошли к нему в поисках работы. Самого Клейтона сегодня нет в Городе, но я пошел в его роскошный отель и поговорил с его работниками.

Набив трубку, он какое-то время зажигал ее.

— Я узнал, что встреча с Клейтоном была долгой. Вернее встреча с Брюсом. Потому что Гвидо ушел на час раньше брата.

— Он никогда об этом не говорил! — сказала Коринна.

— А зачем ему говорить? — ответил Ямамура. — Это уязвляет его гордость. Но о чем говорили Брюс и Клейтон?

— И что из этого слышал Гвидо? — добавил Кинтайр.

Коринна вспыхнула.

— Пожалуйста, не надо, — резко сказала она.

— Простите, — ответил он. — Но если Брюс сказал Клейтону что-то важное, из-за чего могут убить, сначала пристрелили бы Гвидо. Потому что Гвидо мог слышать достаточно, чтобы сделать выводы и... Нет, подождите, дайте мне закончить! Может, Гвидо проболтался кому-то еще, сам не понимая, что это означает.

Она слегка улыбнулась ему и сказала:

— Спасибо за попытку.

— Это, вероятно, не имеет никакого значения, — сказал Ямамура. — Брюс мог сообщать Клейтону последние сведения о пятне плесени на 77 странице этой книги. — Он попытался выпустить дым кольцом. Не получилось. — Или нет? В зависимости от того, как интерпретировать следующие сведения: в тот же вечер Клейтон позвонил по телефону в Геную, Италия.

— Кому он звонил? — спросил Кинтайр.

— Девушка на коммутаторе не помнит. Она слышала только разговор по-итальянски; они начали разговор до того, как она отключилась. После того Клейтон несколько часов оставался дома. Итальянец позвонил ему. Думаю, что тут больше не о чем рассказывать, кроме одной странности в поведении мистера Клейтона. Он попросил коридорного принести ему несколько долларов наличными. Потом вышел и отсутствовал несколько часов.

Коринна удивленно подняла густые черные брови.

Кинтайр кивнул.

— Да, междугородный разговор, хотя и не из-за Атлантики. В общественной телефонной будке. Никакого шанса подслушать.

— Это может не иметь никакого отношения, — сказал Ямамура. — В самом законном бизнесе есть свои тайны. Но признаю: это любопытно. Может, Брюс навел его на что-то большое? А деловой конкурент ударил по Брюсу? Маловероятно. Может, сам Клейтон... Нет, это еще невероятней. Если бы он нарушал законы или был связан с преступниками, я бы слышал об этом.

Кинтайр сжал кулаки. Воздух свистел, выходя между зубами.

— В чем дело?

Слова Коринны доносились словно издалека.

— Ничего. А может, что-то. Но неважно. Продолжайте, Триг.

Только частью сознание он слышал слова детектива. Остальное громогласно произносило: Еще один подозреваемый. Я был уверен, что Клейтона нельзя заподозрить. Потому что федеральное правительство должно быть убеждено, что у него нет никаких связей с убийцами. И Триг, что еще более надежно, говорил то же самое. Он не мог так быстро найти убийцу, и невозможно, чтобы он совершил это преступление лично.

Но у Гвидо могут быть такие связи.

Встретился ли Клейтон снова с Гвидо?

— Потом я порасспросил копов, — продолжал Ямамура. — Они только что взялись за семью Майкелисов, и у них не было времени на другие идеи. Однако они собираются проверить все взятые на этой неделе в аренду дома. Понимаете, то, что, что было сделано — простите, мисс Ломбарди, — должно было быть сделано в изолированном месте. Из-за шума.

— Что-нибудь вышло из этого? — спросила Коринна очень спокойно.

— Пока нет. На такие вещи нужно время. Ну, после этого я поужинал и пришел сюда. Здесь еще не было открыто, но готовились к открытию. Кто-то должен оплатить мне расходы — двадцать пять долларов на то, чтобы приникнуть и кое-что разузнать.

— Я оплачу, — сказала Коринна.

— Не вы, мисс Ломбарди. В особенности не вы. — Ямамура повертел трубку, у него сразу стало несчастное выражение. — Должен ли я это говорить?

Ее глаза снова закрылись, дрожь одиночества. Затем:

— Лучше я узнаю сейчас, чем потом от кого-нибудь другого.

— В последний четверг здесь было несколько незнакомых посетителей. Они представились Гвидо, угостили его выпивкой и долго с ним говорили. Все это заметил бармен, впрочем без особого интереса, просто потому что была спокойная ночь посередине недели. Он не слышал, о чем говорили. После закрытия Гвидо ушел с ними.

Описание одной из этих птичек соответствует описанию Ларкина, сделанному Бобом.

Коринна встряхнулась, словно что-то проползло по ее шее.

— Это все? — спросила она.

— Да.

— Могло быть хуже, — сказала она. — Мы уже знаем, что он знаком с Ларкином.

— Как выглядели остальные? — спросил Кинтайр.

— Один невысокий, волосы цвета песка, длинный нос. И я удивлен тем, как много мог сказать бармен. Пришел, как вы, совершенно незнакомый никому.

Гвидо кончил. Аплодисменты прозвучали необычно громко. Может, стучали рукоятками ножей? подумал Кинтайр.

Коринна встала и прошла к помосту. Гвидо удивился, увидев ее.

— Мне нравится эта девушка, — сказал Ямамура. — Будем продолжать это дело?

— Если не будем, она пойдет дальше одна, — сказал ему Кинтайр.

Коринна и Гвидо о чем-то спорили. В глазах Гвидо был страх. Наконец он сдался и вышел через заднюю дверь. Коринна за ним.

— Пошли, — сказал Ямамура. — Нет, не вздумайте сморкаться. Самый старый трюк, и можно ручаться, что тут есть по крайней мере один полицейский в штатском.

Он дружелюбно пошел между столиками. Кинтайр за ним, у него от напряжения болели плечи. Бармен, человек, способный все заметить, посмотрел на него задумчиво, когда он проходил мимо. Вокруг негромкие разговоры, и ему приходилось подавлять идиотскую уверенность, что говорят о нем.

Они вышли. Кинтайр узнал выход в переулок, которым пользовался раньше. Почти скрытая коробками с пивом лестница вела вверх. Наверху оказалась пыльная комната с железной кроватью, парой стульев и старым туалетным столиком. На потолке голая электрическая лампа. Комната для переодевания, предположил Кинтайр.

Гвидо сидел на кровати. Во рту у него была сигарета, и он курил так, словно только это позволяло ему жить. Перед ним стояла Коринна. Свет над головой превращал ее волосы в шлем, а лицо — в маску. В углах комнаты густые тени.

Гвидо не поднимал голову.

— Я встречу с вами потом, — говорил он. — Клянусь. Но не здесь. Ради бога, нас всех здесь убьют.

— Тогда зачем вы пришли сегодня вечером? — спросил Ямамура.

— Боже! Я боялся не приходить.

— Вы видели кого-нибудь опасного в зале?

— Не могу сказать. — Его лоб блестел под спутанными волосами. — Когда я пою, на меня направлен маломощный прожектор. Я вижу только самые близкие столики.

Коринна сказала:

— Мистер Ямамура частный детектив. Я знаю, что он в дзюдо лучше доктора Кинтайра, а это о многом говорит.

— А когда они уйдут домой? — Гвидо поднял похожее на череп лицо. — Что будет тогда со мной?

Ямамура ответил:

— Вы будете по-настоящему в безопасности только тогда, когда с этими людьми будет покончено. Неужели вы хотите провести в страхе весь остаток жизни?

— С ними нельзя покончить, — прошептал Гвидо. — Я хочу сказать, что это не только Ларкин с его ножами. О'Херн ходит с пистолетом, а он заклятый неудачник. Понимаете, что это значит? Я видел его пистолет.

— Есть еще кто-то? — спросил Кинтайр.

— Не знаю. Ждете, что я скажу вам все, что знаю? Меня убьют.

Коринна жестом попросила Кинтайра и Ямамуру отойти в сторону. Сама села рядом с Гвидо и взяла его свободную руку.

— Брюса убили, — сказала она самым мягким голосом.

— О, да, да, да! Оставьте меня в покое!

— Его связали и пытали, — сказала она, не повышая голос. — Его жгли. Ожоги по всему телу, даже когда перестали его резать. Я больше ничего не знаю. Мне не говорят, а я не хочу спрашивать. Но он должен был радоваться, когда ему перерезали горло.

Гвидо попытался встать. Она снова усадила его, не прилагая больших усилий.

— Боже! — закричал он.

— Почему ты им помогал? — спросила она.

— Я этого не делал! Я не имею ничего общего с этим — я не делал!

Она встала и посмотрела на него сверху вниз.

— Почему ты это делал? — спокойно спросила она. — Чем он тебя так обидел, что ты позволил его жечь, пытаться и убить?

— Нет! Не я! Я не знаю!

Рот его превратился в щель, и в ней болтался, как сухой лист, язык.

Она ударила его. Удар не мог быть сильным, но он упал на кровать и вцепился в матрац.

— Прощай, — сказала она и отошла от него.

Кинтайр посмотрел на нее и подумал, что понимает, почему фурии были женщинами.

Коринна ждала в углу, сцепив руки. Гвидо пытался заплакать, но не мог.

Но вот он повернулся на спину, мигая, посмотрел на свет и сказал высоким детским голосом:

— Я расскажу вам, что произошло. Расскажу, чтобы вы поняли, что это не я, я с Брюсом ничего не делал. Это просто произошло в тот уикэнд, и тогда, когда вы уйдете и оставите меня в покое, они, может, меня не убьют.

Я только сделал вот что. Эти парни из Чикаго пришли на прошлой неделе и сказали, что им нужна марихуана и я могу ее получить. Они обещали пятьсот долларов и оплату всех расходов. Не героин, я не имею дел с героином. Только марихуана, она никому не вредит, к ней не привыкаешь, от нее нельзя свихнуться... И вообще это только в голове, и ты никому ничего плохого не делаешь, понятно?

— Гвидо! — предупреждающе сказала Коринна.

Он глотнул воздух. Потом продолжал: — Я им сказал, что у меня самого нет марихуаны, но я знаю, у кого она есть. Но они сказали, что не хотят иметь дело с местными дилерами, не хотят ни от кого другого. Ну, мне это не очень понравилось, но пятьсот долларов за то, чтобы получить небольшой пакет, такое предложение не отвергают. Поэтому я расспросил воров, узнал имя одного дилера в Тихуане, и, когда я увидел их на следующий день, они сказали, что им подходит. Я взял в аренду машину и поехал туда в субботу. Я должен был встретиться здесь с Ларкином вечером в понедельник, передать ему пакет и получить остальные деньги: они заплатили авансом две пятых. Я вернулся в город в понедельник к концу дня. Спрятав пакет, я услышал о Брюсе, и старуха плакала надо мной, и я позвонил сюда и поговорил с Ларкином, попросил встретиться со мной не в понедельник, а во вторник. Он согласился, но, когда он пришел, здесь был профессор, и с

тех пор я не видел ни Ларкина, ни О'Хирна, и что они теперь подумают?

Кинтайр не смотрел на Коринну, подумал, что одну-две минуты нужно ей дать. Он спросил Гвидо:

— А какие еще работы вы выполняли для этих людей? Сняли для них дом?

— Нет, ничего. В понедельник я вернул машину в арендное агентство, вот и все. Кое-какие расходы они оплатили. Но они еще должны мне...

— Вряд ли вы это получите, — сказал Ямамура. Он кивнул Кинтайру. — Я понимаю, к чему вы ведете. Они допустили ошибку, не попросив его организовать сцену преступления. И, конечно, ошибкой было просто бросить тело в Заливе: это ускорило расследование, а не замедлило, как они рассчитывали. Но ведь они чужие в этой местности. И тут особой разницы нет.

— Что это значит? — безжизненно спросил Гвидо.

— Я думаю, вы выступили как невероятно глупый сосунок, — сказал Кинтайр. — Вам просто повезло, что первым козлом отпущения стали Майкелисы и вас до сих пор не арестовали по подозрению в убийстве. Пока не арестовали.

Он слышал, как ахнула Коринна. Гвидо казался слишком опустошенным, чтобы понять.

— Еще одно, — сказал Кинтайр. — Что между вами и Джеральдом Клейтоном?

— С Клейтоном. — Лишенные выражения глаза смотрели на него с кровати. — А, с Клейтоном. Ничего.

— Вы уверены?

— Мы немного поговорили в его номере. Меня отвел туда Брюс. Клейтон вежливо отделался от нас, и я пошел сюда на свою обычную работу. Брюс остался.

— Это все? Вы уверены?

— В последнее время — да. Я встречался с ним однажды, много месяцев назад. Обычная встреча...

Гвидо замолчал.

Кинтайр потер подбородок.

— Похоже, Клейтона нужно исключить, — сказал он. — Если, конечно, наш друг здесь говорит правду.

— Он говорит правду, — сказала Коринна. Повернувшись к ней, Кинтайр увидел, что она нечеловечески сосредоточена. — Я его знаю. Сейчас он не может лгать.

— Хотел бы я быть в этом уверен, — сказал Кинтайр. — Все это имеет так мало смысла, что... Иногда мне кажется, что я вот-вот найду ответ, но нет.

Ямамура спросил у Гвидо:

— А где наркотик, который вы принесли?

— Это не наркотик, — произнесла фигура на кровати; протест усталый и автоматический. — Это только марихуана.

— Неважно. Если вам не нравится закон, пишите своему конгрессмену. Где наркотик?

— Меня убьют, если я...

— Какой теперь смысл в вашей жизни? — презрительно спросил Ямамура.

Казалось невозможным, чтобы Гвидо еще больше съежился.

— Туалетный столик вон там, — проскулил он.

Ямамура открыл ящик, достал небольшой пакет и надорвал угол.

— Да, — сказал он.

— Что теперь? — спросил Кинтайр.

— Следовало бы отдать это и парня в полицию, — сказал Ямамура. — Это означало бы срок в федеральной тюрьме, потому что он пересек границу. Возможно даже лишение гражданства, так как он натурализован. Наркотики — серьезное преступление.

Коринна молчала.

Ямамура почти лениво продолжал:

— Однако правда, что это не самое опасное вещество. Я мог бы бросить это в ближайший мусорный бак, и на этом дело бы кончилось. Если вы считаете, что он хоть кое-что усвоил.

Кинтайр сказал:

— Я так думаю, Триг.

Ямамура сунул пакет в карман пальто. Коринна вздрогнула, крепче сжала руку Кинтайра.

Ямамура выбил пепел из трубки, взял мундштук в зубы и сказал:

— Предположим, он говорит правду. В таком случае что мы имеем?

— Двое убийц по-прежнему здесь, — сказал Кинтайр. — Почему? Явно не для того, чтобы забрать свой гашиш. Это лишь прием, чтобы заставить Гвидо, их подсадную утку, уехать из города и не иметь возможности объяснить куда. Было бы предъявлено обвинение в убийстве или нет, но дело настолько запуталось бы, что киллеры успели бы закончить свою работу и благополучно уехать, а тот, кто их нанял, смог бы скрыть следы.

— Это подразумевает, что их работа еще не закончена, — сказал Ямамура.

— Я уверен в этом. У них нет никакой другой разумной причины оставаться, рискуя раскрытием и арестом. Только — кто следующий?

— Гвидо?

Вопрос решительно задала Коринна.

— Сомневаюсь, во всяком случае не в первоначальном плане. Кому нужна мертвая подсадная утка? Конечно, теперь они могут вернуться к нему, боясь, что он расскажет. Думаю, его лучше переправить через залив.

Ямамура кивнул.

— Уходим, — сказал он. — Вставай, парень. — Он подошел к кровати, взял Гвидо за руки и поставил его вертикально. — Можем выйти через заднюю дверь.

Гвидо пошел, тяжело опираясь на детектива. Кинтайр и Коринна пошли следом.

— Он говорил правду, — сказала она. — Я его знаю. А пакет...

— Подтверждает его рассказ, — сказал Кинтайр. — Я сам хочу верить в его невиновность. Но вопрос вот в чем: если его рассказ правдив, кто нанял убийц?

— Этот мистер Клейтон?

— Нет, если все, что рассказал Гвидо, правда. Я уже объяснил вам, что Майкелисы не виноваты. Кто тогда остается?

— Я слышала о писателе. Оуэнс, так его зовут?

— Не знаю. Просто не знаю. Но у меня навязчивое ощущение, что я знаю ответ — только не могу его сформулировать. Все происходило слишком быстро. — Кинтайр нахмурился. — И пока не определим того, кто нанял убийц, — истинного убийцу — все остальные только деоданд ^[35], убийца может продолжать убивать.

Они медленно спустились по лестнице и вышли в переулок за зданием. С трех сторон кирпичные стены без окон; тупик, заполненный тенями, выходил на улицу без движения, с закрытыми магазинами.

У выхода из переулка стоял человек. Света было достаточно лишь для того, чтобы увидеть: он невысок, у него покатые плечи, и в руке он держит автоматический пистолет. И стоит он в трех ярдах от двери — слишком далеко для прыжка.

— Стойте, — сказал он.

Ямамура и Гвидо вышли первыми. Ноги Гвидо словно стали жидкими, его удерживала только рука вокруг талии.

— Джимми, — жалобно произнес он.

Кинтайр рукой передвинул Коринну, поставив ее за собой. Он сказал вслух — очень громко:

— Какого дьявола вам нужно?

— Спокойней, — ответил человек, которого назвали Джимми. — У этой штуки есть глушитель. — Он помахал своим пистолетом. — Хочу поговорить с Ломбарди.

— Это ничего не значит, Джимми, — говорил Гвидо. — Клянусь богом, Джимми, они просто мои друзья.

Ямамура опустил свою ношу на землю. Гвидо стоял на четвереньках, его рвало.

— Он не может идти, — сказал детектив. — Бойтся до смерти.

— Я только хочу поговорить с ним, — сказал Джимми. — Я должен был увидеться с ним здесь, но мне сказали, что он пошел наверх. Я подумал, что он пошел вздремнуть или что-нибудь, скоро вернется закончить представление, и я его увижу. Но если он решил ускользнуть, это произойдет скоро и он не вернется. Я не хотел упустить его, поэтому решил немного подождать здесь.

Это не было объяснением. Скорее обвинительным актом, и произносил его человек, уставший защищаться.

— Позвольте мне помочь ему, — сказал Ямамура.

Джимми рассмеялся из-под шляпы.

— Я не такой простак. Стой на месте. — Резко: — Пошли, Гвидо. Или хочешь, чтобы я пристрелил тебя прямо здесь?

Гвидо начал двигаться вперед, но так, словно ему уже разбили позвоночник. Звуки его движения, его шумные дыхание, проходящие поблизости машины — это все, что слышал Кинтайр.

Он подумал, может ли отдать Гвидо, чтобы с ним обошлись так же, как с Брюсом, и называть себя мужчиной. До Джимми два или три прыжка. Но Джимми не любитель; если он выстрелит, не промахнется. Впрочем, известно много случаев, когда в человека попадала пуля,

даже две, когда он был начинен свинцом, но продолжал двигаться. Но Гвидо этого времени не стоит. Однако Гвидо брат Брюса и Коринны, поэтому он стоит много времени. Но не сорок лет?

В конце кирпичной кишки появилась более темная тень. Она бежала в полной тишине, и свет блеснул на поднятой стеклянной дубине и развевающихся волосах.

Кинтайр начал двигаться в тот момент, когда бутылка опустилась на голову Джимми. Ямамура опередил его, он оказался рядом спустя секунду после того, как Джимми получил удар по черепу. Громкий удар, затем Кинтайр услышал звон. Ямамура ребром ладони выбил пистолет из руки Джимми, схватил его за лацканы и использовал прием удушения ножницами.

Джимми упал так, словно у него не было костей. Коринна над ним все еще держала разбитую бутылку. Она тоже едва не упала. Кинтайр подхватил ее.

Она, дрожа, ухватилась за него. Это не обязательно, подумал он сквозь собственное биение пульса. Коринна справилась. У нее оставались физические силы. Очевидно, она незаметно вернулась в дверь (она рисковала, но риск благоприятствует тем, кто действует смело). Подобрала по пути пустую бутылку, незаметно держа ее под рукой, она прошла через бар, вышла через главный вход (ее, несомненно, заметили, может, удивились, но никто ее не остановил, и о ней тут же забыли) и обогнула здание. Потом сняла туфли, подбежала к Джимми сзади и ударила его.

Вот и все. У нее не было оснований слишком уставать. Но к дьяволу всех самодовольных дзюдоистов, разве она не заслужила отдых?

— Хороший удар, — сказал Ямамура, который нагнулся, чтобы посмотреть. — Хорошо, что на нем была шляпа. Разбитый череп — опасная рана. Поздравляю.

— Вы сказали, что в баре есть коп? — спросил Кинтайр.

— Вне всякого сомнения, — ответил Ямамура. — Мы, конечно, можем позвонить. Но у меня в кармане пакет с наркотиком, и, если наш друг об этом упомянет, все окрестности прочешут очень тщательно.

Он как будто очень долго сидел на корточках, опираясь подбородком на руки. Джимми застонал, но не шевельнулся.

— Боб, — спросил наконец Ямамура, — вы знаете кого-нибудь по эту сторону залива, кто замешан в этом деле?

— Только Гвидо, если не считать Майкелисов.

— Так что большой шеф — и его следующая жертва — скорее всего в Восточном заливе. Я сомневаюсь, что мы предотвратим очередное убийство, если потратим время на разговоры с любопытными полицейскими; им сначала нужно убедиться, что Майкелисы невиновны и что это было не простое ограбление. Особенно если газеты тут же сообщат большому шефу, что произошло. Или если газеты заставят молчать, не явится с докладом Джимми; банда попытается проверить, нет ли его в тюрьме Сан-Франциско. Так что у нас есть время, чтобы скрыть свои следы.

— Вы хотите сказать, что его нужно увезти в Беркли? Разве это не нарушение? Вы ведь не хотите лишиться лицензии.

— Это так же неправильно, как немецкие глаголы, и полиция будет очень раздражена. Но думаю, у нас будет достаточно оправдательных обстоятельств, чтобы нас не тронули. Конечно, полиция Беркли немедленно свяжется с полицией Сан-Франциско, но это будет происходить на высшем уровне, шеф с шефом; мы можем объяснить необходимость сохранения тайны — насколько позволяет закон, и... дьявольщина, Боб, перестанем жевать слова. Нам нужно время, чтобы придумать историю, прикрывающую Гвидо. И вас тоже.

Кинтайр почувствовал, что неподвижное, как камень, тело, которое он держал, начинает оживать.

— Блаженный исход, — пробормотал он.

— Поедем в вашу квартиру, потом решим, что делать дальше.

— Вы сможете провезти Джимми через мост?

— И его, и Гвидо, — улыбнулся Ямамура. — Это откроет вам дорогу, когда вы будете отвозить леди домой.

— Я поеду с вами, — сказала Коринна. Она мягко освободилась от Кинтайра.

— Нет, — ответил Кинтайр. Видя, как в грязном тусклом свете ее лицо приобретает мятежное выражение, он продолжил: — У нас достаточно осложнений. Что еще вы можете сделать? Только быть еще одним элементом, который нам нужно будет объяснять, еще одной целью для банды? Сейчас только Джимми знает, что вы связаны с этим делом, а у него не будет возможности рассказать об этом.

Она некоторое время думала над его словами. Потом:

— Да, вы правы. Но не нужно отвозить меня. Такси...

— Замолчите, — потрясенно рассмеялся Кинтайр и взял ее за руку.

Им пришлось ждать, карауля приходящего в себя пленника, пока Ямамура ходил за своей машиной. Гвидо сидел на тротуаре, подняв колени к подбородку. Немного погодя он взял сигарету и закурил.

Коринна склонилась к нему.

— Иди с ними, — сказала она. — Они единственные настоящие друзья, которые у нас есть.

— Кроме тебя, сестра, — ответил он. Потом рассмеялся лающим смехом. — Как в «Ист Линн». [\[36\]](#)

Она вздохнула, как старуха, и отошла от него.

Ямамура вернулся и связал руки Джимми его же галстуком. Они с Кинтайром втокнули пленника в «фольксваген» и положили сзади на полу. Ямамура своим поясом связал ему ноги.

— Бросьте мне ключ от вашей квартиры, Боб. Увидимся там. Садитесь, Гвидо. Всего хорошего!

Кинтайр и Коринна рука об руку прошли к его машине. Остановились, чтобы подобрать ее туфли.

— Боюсь, вы порвали чулки, — неуместно сказал он.

— Можете не разговаривать, — ответила она. — Мне это не нужно.

Он был благодарен ей за это. молчание, в котором они ехали, — она не касалась его, но сидела рядом, — было — подсказала память — как музыка Брюса, которую играла ему Марджери несколько столетий назад. Он подумал, что слышала Марджери.

— Надеюсь, вы сможете уснуть, — сказал он у ее двери.

— О, да, думаю, смогу. — Она посмотрела на него и серьезно спросила: — Почему вы делаете это для нас?

— Сейчас я не могу остановиться, — ответил он. — Я в этом по самые брови.

— Но почему начали? Не ради Брюса, конечно. Ему все равно, отомстят ли за него.

— Что в любом случае сделает полиция. Мне не нравится, что мы вынуждены избегать полиции.

— Так почему? — настаивала она.

— Почему вы хотите знать? — попытался он уклониться от ответа.

Ему очень хотелось сказать, что он скрывался от демона, что на какое-то краткое мгновение она приобрела форму этого демона, а теперь он хочет дать ей мир. Но в нем слишком много запретов, и они существуют слишком много лет.

Он взял ее за руку.

— Потом, — сказал он, думая, насколько серьезно говорит. — Сейчас не время для долгого рассказа.

— Завтра я буду дома, — сказала она. — Сможете позвонить мне, как только... как только что-нибудь произойдет? В первую же минуту, как будете способны?

— Конечно.

Она улыбнулась, протянула руку и погладила его по щеке.

— Ариведерчи, — сказала она.

Дверь за ней закрылась.

Это было гораздо больше, чем он ожидал, и он не помнил, как спустился по лестнице. И уже проехал мост, когда вернулось сознание мрачности положения.

Еще не было полуночи, но в Беркли было тихо. Кинтайр припарковал свою машину рядом с «фольксвагеном» Ямамуры, обошел дом и прошел к своему коттеджу. Его впустил детектив.

— Где наши друзья? — спросил Кинтайр.

— Гвидо храпит в вашей постели, — ответил Ямамура. — Никогда не видел такого случая нервного истощения. Кстати, фамилия Джонни О'Хирн. Я просмотрел его бумажник. Взял веревку, из которой вы делаете кольца, и запер его в туалете.

Он снял пиджак, под которым оказалась пестрая «гавайка». Трубка Ямамуры стремилась сравниться с Везувием.

— Устали? — спросил он.

— Нет. На самом деле взвинчен.

— Выпейте. Кстати по поводу преступлений. Все, что натворил Гвидо, по ту сторону залива. Полагаю, мы здесь не станем передавать его в руки закона.

— Там всякие глупости, — ответил Кинтайр. — Сомневаюсь, чтобы он когда-нибудь еще коснулся наркотиков. Его достаточно напугали.

— Но Джимми будет болтать.

— Наше слово против его. Мы более уважаемы.

— Вы и ваш Макиавелли! Но да. Проверка у полиции Чикаго — он оттуда, так что это обязательно сделают, — несомненно покажет, что у него досье длиннее руки Кинг Конга. Профессиональный убийца не возникает ниоткуда, он начинает с мелочей и постепенно поднимается на самый верх. — Ямамура покачал головой. — С другой стороны, очень многие приличные люди допускают ошибку и тут же сожалеют об этом. Это заставляет меня подумать о самой концепции нашей психологии.^[37] Поэтому я помогу вам прикрыть Гвидо.

Кинтайр достал бутылку шотландского виски и посмотрел на Ямамуру, приподняв брови. Детектив отрицательно покачал головой. Кинтайр налил себе немного и сел. Ямамура принялся рассказывать.

— У нас мало времени, — сказал Ямамура. — Что скажем копам?

— Возможно, ничего — пока, — медленно ответил Кинтайр.

— Да. Что вы имеете в виду?

— Здесь не используют допрос с пристрастием. О'Хирн им ничего не скажет, и вы это знаете. Им нужно будет связаться с Чикаго, с ФБР, пройти по десятку разных ниточек, и на это уйдет по крайней мере несколько дней. А что тем временем будут делать его приятели?

Ямамура остановился на полушаге.

— Если вы планируете каким-то образом выбить из него правду, забудьте об этом, — холодно сказал он.

— О, нет, — ответил Кинтайр. — Но сможем ли мы удерживать его, не причиняя никаких повреждений, хотя бы двадцать четыре часа?

— Это было бы похищением.

— А что он хотел сделать с Гвидо?

Ямамура посмотрел на сабли на стене.

— Что вы хотите сделать?

— Получить от него информацию быстрее, чем полиция.

— Думаю, мы сможем найти оправдание, — мечтательно сказал Ямамура. — Если не на двадцать четыре часа, то по крайней мере на двенадцать. Это напомнит мои прежние дни в ОСС.^[38] Хорошо, рискну.

— Отлично, — сказал Кинтайр. — Тогда слушайте меня.

— Вам лучше объяснить...

Кинтайр уже прошел в ванную и посмотрел на лежащего на полу человека. У О'Хирна длинный нос и маленький подбородок.

— Кто вас нанял, Джимми? — спросил Кинтайр.

Тот посмотрел на него с ненавистью.

— Крутой? — сказал О'Хирн. — Большая сделка!

— Я спросил, кто вас нанял, — повторил Кинтайр.

Он увидел страх в глазах.

— Послушайте, я ничего не знаю, — сказал О'Хирн. — И если я скажу что-нибудь, хоть что, они все равно узнают.

— И убьют тебя. Я слышал такое и раньше. — Кинтайр пожал плечами. — Тебе придется сказать. Подумай об этом, пока я готовлюсь.

Он вывел Ямамура во двор и провел к дому.

— Хозяин оставил мне ключи, просто на всякий случай, — сказал он. — Найдем звуконепроницаемое помещение.

— Эй! — Ямамура остановился. — Я говорил, никакого телесного вреда.

— У меня нет такого намерения. — Кинтайр провел его в дом, потом спустился в подвал. — Используем игровую комнату. Там есть бильярдный стол, к которому его можно привязать. Процесс действует верней, когда испытуемый лежит на спине. Ну, тело может немного затечь на твердой поверхности.

Ямамура схватил его за плечо.

— О чем вы говорите? — спросил он.

— Сейчас только начинают изучать воздействие на человека ограничения сенсорного стимулирования. Мой друг Левинсон с факультета психологии рассказывал мне о недавних экспериментах. Добровольцы, образованные, умеющие контролировать себя люди, знающие, что они в любой момент могут прервать эксперимент — ничего из этого не относится к О'Хирну, — долго не выдерживали. Начинались галлюцинации. Конечно, потом нам придется убирать кое-какие массы.

— Я вас верно понял?

— Полагаю, да. Единственное, что мы сделаем с О'Хирном, — положим его на спину с завязанными глазами.

Нужно было оставаться за дверью и наблюдать. Кинтайр стал первым, хотя не думал, что реакция возникнет быстро. (С другой стороны, час может показаться бесконечным, когда лежишь один в беззвучной темной комнате, не способный даже пошевелиться.) Он подтянул стул и открыл книгу, но читать не стал. И не слушал вызывающие непристойности, которые еле слышно доносились из-за двери. В основном он молча сидел в полусне.

Коринна, думал он. И позже: Я впадаю в детство. Это ничего не значит. Просто я слишком долго соблюдал обет безбрачия, а она случайно нажала во мне на несколько кнопок. Это не может долго продолжаться — учитывая разницу только в религии... И ей будет больно.

Откуда мне знать, что это будет продолжаться долго, даже после алтаря? (Если мы зайдем так далеко, должно продолжаться долго.)

Не знаю. Наверно, я трус, что не пытаюсь понять сейчас.

Потом снова много времени спустя.

Во всяком случае нельзя торопиться. Нам обоим нужно продвигаться медленно, ее утрата еще слишком свежа. У меня будет достаточно времени, чтобы отступить, прежде чем удовольствие от ее присутствия не станет мне просто необходимо.

Потом снова.

Но зачем мне отступать?

Первые серые лучи показались над холмами, когда, зевая, появился Ямамура. О'Хирн какое-то время молчал, он лежал и тяжело дышал.

— Решили дело? — спросил Ямамура. — Нет? Ну, хорошо, идите и позвольте заняться этим профессионалу.

Кинтайр вышел во двор. Где-то поблизости сонно щебетала птица. Он вошел в коттедж и посмотрел на Гвидо. Все еще спит. Лицо во сне стало невинным, много лет отброшено, в постели лежал ангел Делла Роббиа.^[39] Кинтайр вздохнул, сбросил обувь и вытянулся на диване в гостиной. И почти сразу погрузился во тьму.

Раз прозвонил телефон. Кинтайр повернулся, отключил его и снова уснул. Было чуть позже шести, когда его затрясли. Он выбрался через много серых слоев. И услышал издали:

— Джимми сломался. Куски по всей квартире. Что вы за дьявол, мой друг?

Кинтайр сел, чувствуя, что он в поту. Ямамура дал ему зажженную сигарету, и он несколько раз затянулся.

— Ну, хорошо, — сказал он.

Лучи раннего солнца и шум утреннего движения окончательно разбудили его, когда он вышел из коттеджа, и он с ясной головой посмотрел на дрожащее существо на столе для бильярда и сказал:

— Я сниму с глаз повязку, когда ты все расскажешь, но не раньше.

— Отпустите меня, отпустите меня, дайте мне видеть! — плакал О'Хирн.

— Заткнись, или я оставлю тебя еще на день или два, — сказал Кинтайр.

О'Хирн задрожал и заставил себя почти молчать.

— Ты помогал убивать Брюса Ломбарди? — спросил Кинтайр.

— Нет. — Хрипящий плач. — Я был там. Но остальные, Силенио и Ларкин, они это сделали. Я его не трогал. Выпустите меня отсюда!

— Заткнись, сказал я! — Кинтайр глубоко затянулся. — Подозреваю, что ты лжешь о своей роли, — продолжал он, — но сейчас это неважно, если ты правдиво ответишь на следующий вопрос. Кто вас нанял?

— Не знаю!

— Прощай, — сказал Кинтайр.

— Не знаю! Мне не говорили! Силенио знает! Я нет! Я только работал на Джо Силенио! Спросите его!

Ямамура, выходящий так, словно его вот-вот вырвет, сказал:

— Вероятно, это правда, Боб. Наш главарь позвонил в Чикаго Силенио, и тот взял пару помощников. Чем меньше они знают, тем лучше. Силенио получает у главаря деньги и сам расплачивается с остальными.

Кинтайр простонал:

— И мы поймали одного из этих тупиц! Что ж, посмотрим, что еще можно узнать.

О'Хирн говорил жесткими фразами, как автомат. Его воля, никогда не бывшая сильной, оказалась сломленной. Он отвечал на вопросы, не пытаясь ничего скрыть, но отвечал как робот.

Силенио связался с ним и Ларкином во вторник на прошлой неделе. Очень хорошо оплачиваемая работа, десять тысяч долларов по завершении первого задания и по сто долларов в день в ожидании второго задания. («Нет, не знаю, не знаю, кто еще нам был нужен».) В тот же вечер они втроем улетели в Сан-Франциско. В промежутке, в среду и в четверг, Силенио совещался с тем, кто их нанял, а Ларкин и О'Хирн искали подходящий дом. В пятницу они сняли дом в бедном пригороде на юге, и каждый из них купил по хорошей подержанной машине. Тем временем в четверг вечером Ларкин и О'Хирн избавились от Гвидо. Это было сделано по приказу Силенио, полученному, очевидно, от босса. Босс сам сделал так, что Брюс пришел в этот дом; позвонил ему по телефону и рассказал какую-то правдоподобную историю. Они очень просто взяли Брюса, связали его под угрозой пистолета. Силенио допрашивал его. Брюс от гнева был упрям — Кинтайр знал, каким упрямым он может быть, и допрос занял несколько часов; даже после этого они для уверенности еще немного его пытали. Наконец, перерезали ему горло над ванной, одели в старую одежду и выбросили тело на другой стороне залива вечером в субботу.

— Вопросы, ублюдок! — рявкнул Кинтайр. — Вопросы Силенио ничего тебе не подсказали?

— Все на языке макаронников, — простонал О'Хирн. — Я его не знаю.

Опять Италия. Хотя подозреваю, что наш икс приложил особые усилия, чтобы найти говорящего по-итальянски помощника — в качестве еще одной меры предосторожности для себя.

— Пока ясно одно, — сказал Ямамура. — Гвидо чист.

— Неужели? — с горечью спросил Кинтайр. — Было бы отличным поворотом представить себя козлом отпущения в этом плане.

Он снова повернулся к искаженному бледному лицу на столе.

— Что вы делали потом?

— Ждали в доме. Играли в карты. Силенио должен был в этот день получать деньги за работу. Наличными. Он пошел за ними. Ларкин вечером во вторник пошел платить сосунку Ломбарди. Потому что в понедельник тот не появился. Ларкин ввязался в драку. Мы не знали, что это значит. Ларкин позвонил боссу, и они говорили по телефону как макаронники. Силенио приказал мне вечером привести Гвидо Ломбарди. Я решил, что мы должны выяснить, что он знает, а потом, может, выбросить и его, но точно не знаю.

— Что-нибудь еще было этим вечером?

— У Силенио и Ларкина была другая работа.

— Где?

— Не знаю.

Голос стал хриплым и еле слышным.

— Ты должен был встретиться с ними в доме?

— Я должен был вместе с Ломбарди ждать их возвращения. Силенио не говорил нам больше, чем должен был.

— Сейчас они уже должны были вернуться?

— Не знаю.

— Допустим, они вернулись и не нашли вас. Что они будут делать?

— Наверно, попытаются узнать, что случилось. Не останутся в доме, если покажется, что что-то неладно.

— Куда они пойдут?

— Не знаю. В какой-нибудь отель.

— А что бы ты стал делать, если бы не смог их найти?

— Вернулся в Чикаго, наверно.

— Никаких запасных явок, — сказал Ямамура. — Плохая организация.

— Нет, если используешь одноразовый материал, — сказал Кинтайр. — А этот негодяй как раз такой. Думаю, что и Ларкин тоже, хотя он более ценный и пошел с Силенио. Куда пошел?

— Сюда, — сказал Ямамура.

— Вероятно, убить кого-то еще. — Кинтайр тупо посмотрел на окурки сигареты на полу. Он не помнил, как бросил его. — Прочтем в газетах, кто это был.

— Если цель не мы сами, — сказал Ямамура. — Сейчас все кажется возможным. — Он вздохнул. — Что ж, пора звонить в полицию.

— Подождите, — сказал Кинтайр.

— Но тот дом... Один бог знает, что происходит там прямо сейчас.

— Ничего, я уверен. Если только потому что Силенио и Ларкина встревожит отсутствие О'Хирна. По крайней мере давайте позавтракаем, прежде чем звонить. Вы сочините историю, которая сделает нас не откровенными нарушителями закона. А я попытаюсь разобраться в своих мыслях. У меня есть идея. Она сводит меня с ума, Триг. Мне кажется, что я знаю, что происходит, но между мной и знанием какая-то стена. Стена, которую построил я сам.

— Гм, — сказал Ямамура. Он задумчиво посмотрел на Кинтайра. — Да, возможно, стоит подождать, пока мы поедем.

Кинтайр продолжал, несильно ударяя кулаком по ладони. Ямамура развязал О'Хирну глаза. Тот лежал и плакал.

Пока детектив делал завтрак в коттедже, Кинтайр принял душ. Потом побрился, надел свежую одежду: футболку, брюки хаки, теннисные туфли — все это сделало его физически ближе к человеку.

Но в глубине души он боялся и сам не знал чего.

Когда вошел Кинтайр, на кухне появился Гвидо. Он застенчиво посмотрел на остальных.

— Доброе утро.

— Привет, — сказал Ямамура. — Берите яйцо и садитесь.

Гвидо присел на край стула. Пока ели и пили кофе, все молчали. Почему-то голубая и зеленая планета за окном стала чужой; они сидели в своей личной темноте.

— Я... — начал Гвидо. И замолчал.

— Давайте, — сказал Ямамура.

Кинтайр слушал краем уха. Он главным образом находился в своей голове, искал что-то и не мог найти.

— Я только хотел поблагодарить, вот и все, — сказал Гвидо.

— Все в порядке, — сказал Ямамура.

— Послушайте, и вы тут сидите и тревожитесь из-за меня?

— В некотором смысле... Видите ли, если мы поверим вам на слово, у нас не останется правдоподобных подозреваемых. Но на

свободе два убийцы и их главарь, и они, вероятно, организуют еще одно убийство. Если оно уже не произошло.

— Чье? — прошептал Гвидо.

— Если бы мы знали, — мрачно ответил Ямамура, — мы бы попросили полицию приставить охрану. Но пока мы не узнаем, кто шеф, у нас нет возможности узнать, кто следующая жертва.

— Да, — согласился Кинтайр.

Он сидел выпрямившись, чувствуя, какие холодные у него руки. Ощущая огромную пустоту — с каждым мгновением он словно все больше удалялся от себя самого, — он думал, что мог бы найти врага раньше. У него достаточно фактов, чтобы понять это. Он все еще идет шаг за шагом, идет ощупью, но чувствует, что конец путешествия близок.

И знал, не понимая почему, что его ждет ужас.

Он сказал, чувствуя резонанс в голове, как будто его голос вызывал эхо:

— Это должен быть тот, кто хорошо знал Брюса. Брюс пошел в тот дом из-за телефонного звонка. У него нет машины, и он не брал машину Марджери. Это долгий путь трамваем и автобусом. Он не стал бы предпринимать его из-за пустяка. Он хотел узнать, почему его приглашают по этому адресу, которого он раньше никогда не слышал. Причем он никому не сказал. Позвонивший (он, конечно, мог находиться в Беркли) должен был назвать Брюсу очень важную, убедительную причину. Что за причина, не знаю. Сейчас это неважно, потому что это, несомненно, была ложь. Но ложь, которую он принял! От человека, которому верил.

Он замолчал. Гвидо с мальчишеским азартом сказал:

— Кто знал его лучше его девушки?

Кинтайр сильно покачал головой, не уверенный, почему это его так поразило.

— Нет, — сказал Ямамура. — Слишком многое не позволяет с этим согласиться. Один факт, что она не говорит по-итальянски. И у нее нет ни денег, ни связей — ничего.

— У меня тоже нет денег, — словно защищаясь, сказал Гвидо.

— Насколько нам известно, у вас могут быть запрятаны десять миллионов долларов, — сказал Ямамура.

Гнев в лице Гвидо напомнил Кинтайру Коринну. Он ухватился за воспоминание о ней, на минуту это его согрело, потом снова исчезло. Он содрогнулся.

— Думаю, надо принять историю Гвидо, — сказал он. В его словах не было цвета, но произносил он их быстро. — Все психологические причуды это подтверждают. Он ударил меня стулом, чтобы дать возможность Ларкину уйти, потому что смертельно боялся. Но он плакал, причинив мне боль, даже такую легкую. Еще: разве мог этот пакет с марихуаной оказаться в ящике случайно? Даже если он собирался совершить какой-то поступок, который сделал бы его самого плохим парнем, он бы не занялся таким серьезным делом, как наркотики. Он мог бы за это попасть в тюрьму или быть депортирован. И зачем? По какой причине? Безумная ревность не объясняет такую сложную процедуру. Это должны были быть деньги. А где он, мелкий шоумен, переходящий от одного ночного клуба в другой, живущий за счет родителей, когда не подворачивалось что-нибудь повыгодней, мог найти время для организации миллионного дела?

Гвидо покраснел.

— Эй! — возмущенно сказал он.

— Заслужили, — сказал Ямамура. Он повернулся спиной к Гвидо, который осел, надувшись. — Похоже, X не верит, что удар стулом можно повесить на парня как покушение на убийство, — заметил он. — Тем более когда вы так быстро пришли в себя.

— Возможно, и нет — Клейтон пытался обрести ясность внутри своего сознания. — Но Гвидо, опасаясь обвинения в торговле наркотиками, мог бы, когда полиция занялась бы им и стала проследивать каждый его шаг, что-то рассказать. Но если бы он наконец разобрался в ситуации и сознался, было бы уже поздно. Он осуществил бы цель X — на несколько дней задержал полицию.

— И то, что он так точно укладывается в схему, доказывает, что X хорошо знает семью Ломбарди.

— Вы исключили Майкелиса и сына, — сказал Ямамура. — Это подтверждает то обстоятельство, что гангстеры продолжают действовать, когда Майкелисы уже в тюрьме. Кто остается? Писатель?

Кинтайр сказал:

— Он приехал в город две недели назад и раньше никогда не встречался с Брюсом. У них было несколько встреч, во время которых

они спорили по профессиональным вопросам. Откуда ему было знать Гвидо? Его единственным мотивом могло быть устранение Брюса. Достаточно простого убийства, не нужно приглашать трех дорогих садистов, чтобы они его похитили и допросили. К тому же я доказал самому себе, не желая того, что он трус в физическом отношении. Сомневаюсь, чтобы он мог хоть о чем-то попросить такого, как Ларкин. Или рисковать обнаружением. Нет, есть только один способ, которым Оуэнс мог помочь убийцам, и сделал он это ненамеренно.

— Как? — спросил Ямамура.

Кинтайр посмотрел на свои руки. Они были стиснуты, словно сжимали безопасного неубийцу Джейбеца Оуэнса. Но вокруг свистел ветер и гремело море. Оуэнс вырвался у него из пальцев и утонул вместе со всем остальным. И Кинтайр, перекрывая грохот воды, сказал:

— Да, Оуэнсу нужна была «Книга ведьм». Сначала он испробовал подкуп. Потом, как только узнал, что Брюс мертв, отправился в здание исторического факультета. Вероятно, хотел проверить, там ли том. Но встретил меня и уговорил увезти Марджери на ночь: он, как и все, знал, что она жила с Брюсом. Он вломился в квартиру. Любительская работа. Если бы он подумал, взял бы какие-нибудь ценности. Но он даже не заглядывал в те места, где не могла находиться книга. Одно это показывает, что это был он. Вчера он снова попытался в моем офисе и взял книгу, но Клейтон — все, чего он достиг, только привлек наше внимание.

Он отчужденно подумал, как они могут не замечать, что происходит с ним, и скоро ли окончательно сломается его скорлупа и они увидят.

— Семья Брюса? — спросил Ямамура. — Ни мотива, ни денег, ни связей, ни возможностей. Их можно списать. Может, кого-то из его друзей по университету можно устранить таким же способом?

— Нет.

— Но кто остается? Клейтон? Какой мотив? И за все месяцы, что он был здесь, я бы обязательно узнал, если бы он был нечестен. Никаких связей с преступным миром. Кто остается?

Кинтайр стоял перед последней стеной. У нее была форма наклонной палубы корабля.

— Если я правильно понял причину, — сказал он, очень стараясь говорить ровно и спокойно, — думаю, я знаю, что последует. Почему был убит Брюс? Потому что он что-то знал. Возможно только это. Его пытали, чтобы точно установить, что он знает и с кем мог поделиться этими знаниями. Этот человек и есть следующая жертва. Но что было у Брюса? Знание истории — «Книга ведьм» — переписка с... — Горло у него словно распухло, на мгновение оно перестало пропускать слова... — переписка с дядей в Италии, который что-то рассказал ему...

— Что-то о мафии? — фыркнул Ямамура. — Ерунда!

— Брюс не понимал значение того, что знает, — сказал Кинтайр. Его грудь сковало словно железным обручем. — Он не мог хранить такую тайну. Он пошел к Х, вероятно — с предупреждением? Или с простой сплетней, как он думал? Конечно, не о кузине Джованни и не об альбигойцах. Чем еще это могло быть? Какая-то информация о преступлении в странах Средиземноморья? И — боже, помоги нам!

Кинтайр встал, и отброшенный им стол упал с грохотом. И словно не он закричал:

— Марджери! Она следующая!

Он сам в это время стоял среди волн прибоя и слышал, как ломается мачта.

Ямамура посмотрел на него, выругался и схватил телефон.

— Я пойду туда, — выдохнул Кинтайр. — Я могу успеть. Может, еще не поздно.

— У них была вся ночь, — сказал Ямамура. Он набирал номер.

Кинтайр натолкнулся на дверь. Смутно подумал, что надо ее открыть. Кто-то взял его за локоть. Он оттолкнул руку.

— Спокойней, — сказал Гвидо. — Позвольте, я вам помогу.

Ямамура сказал в трубку:

— Тим? Говорит Триг. Забудь о формальностях. Отправь машину к квартире Марджери Таун. Она может быть еще жива.... Нет, я не помню проклятый адрес! Для чего существуют справочники?

— Вы не в состоянии вести машину, — сказал Гвидо. — Где ваши ключи? Пойдемте, покажете мне дорогу.

Кинтайр всю дорогу дрожал. Гвидо вел машину так быстро, что часть Кинтайра, все еще застрявшего среди рифов моря, смутно удивилась.

Но они не опередили полицию. На ступеньках их встретил офицер Моффат. Лицо у него было мрачное.

— Мы опоздали, — сказал он. — Ей перерезали горло.

— Я ожидал этого, — сказал Кинтайр.

Ужас поглотил его.

Джимми О'Хирн все еще всхлипывал, когда полицейские развязали его и отправили на допрос. Инспектор Харрис вышел во двор с Ямамурой и Гвидо.

— Хорошо, Триг, — сказал он. — Теперь расскажите мне, что произошло.

— Доктор Кинтайр, сестра мистера Ломбарди и я пошли в ночной клуб, где работает мистер Ломбарди, чтобы встретиться с ним, — ответил Ямамура. — Он был очень встревожен. О'Хирн и другой парень по имени Ларкин наняли его для некоторой работы за городом в тот самый уикэнд, когда был убит его брат. Он считает, что это не совпадение.

— О'Хирн что-то говорил о пакете с наркотиками, — мрачно сказал инспектор Харрис. Гвидо принялся деловито закуривать.

— Конечно, — ответил Ямамура. — Почему бы не иметь кое-то против свидетеля? И где этот пакет?

— Возможно, вы сами мне скажете, мистер Ломбарди, в чем заключалась эта работа? — без всякого тепла спросил Харрис.

— Ну, они хотели, чтобы я поехал в Тихуану и взял для них немного марихуаны, — сказал Гвидо. Ямамура за то короткое время, что они оказались наедине, подготовил его. — Я признаю, что поехал — неосуществленное намерение ведь не преступление? Но я передумал и не стал получать наркотик. — Теперь он говорил нагло. — Ведь это незаконно. К тому же я подумал, что это поручение не имеет смысла. Здесь в любом месте можно получить то же самое.

— Хм. Есть свидетели?

Гвидо подал плечами.

— Нет. Откуда им взяться? Наверно, вы можете подтвердить, что я был в Тихуане и там поел.

— Мне казалось, у вас должны быть более важные дела, чем спрашивать подробности того, о чем говорят ничем не подтвержденные слова гангстера, — сказал Ямамура.

Харрис сердито посмотрел на него.

— Вы были моим другом, Триг, — сказал он. — Не надо добавлять оскорбления к моей обиде.

— У меня нет выбора, — очень тихо ответил Ямамура.

— Накануне вечером, — сказал Гвидо, — пришел Ларкин и схватился с профессором Кинтайром, который разговаривал со мной. Крутая была ссора. Ларкин ушел, Кинтайр тоже, когда я попросил его. Признаюсь, потом я солгал офицеру, сказал, что не знаю никого из них, но я тогда был очень испуган.

— Продолжайте, — сказал Харрис.

— Этим вечером у нас было совещание друзей и родственников, — сказал Ямамура. — Мы решили все сообщить полиции. Гм, это был мой совет. Но когда мы уходили, нас остановил О'Хирн с пистолетом в руке. Он собирался похитить мистера Ломбарди. Но мы его одолели. Да, мы привезли его сюда, вместо того чтобы передать властям в Сан-Франциско, как следовало бы. Почему? Во-первых, поблизости мог быть Ларкин, и чем помогло бы, если бы он увидел много полицейских в форме и понял, что случилось с его другом? Во-вторых, мы опасались за свою жизнь по ту сторону залива и хотели побыстрее убраться оттуда.

Харрис мрачно посмотрел на него.

— Я вас знаю. И не верю этому.

— Жюри поверит, — сказал Ямамура. — Позвольте мне продолжить. Доктор Кинтайр отвез мисс Ломбарди домой — она во всем этом совершенно ни при чем. Когда он наконец приехал сюда, мы так устали, что поняли: нам не выдержать все вопросы, пока не поспим. Да, да, инспектор, конечно, все это было глупо и не совсем законно, но подумайте, насколько мы были измотаны. Слишком устали, чтобы рассуждать логично. Мы привязали О'Хирна к столу...

— А почему с повязкой на глаза, ради бога?

— Просто показалось хорошей мыслью. А когда проснулись, увидели, что О'хирн болтает, словно в белой горячке. Естественно, мы не могли упустить такой шанс, он мог больше не повториться. Мы задали ему несколько вопросов. И поговорили. И неожиданно доктору Кинтайру стало ясно. Остальное вы знаете.

— А не знаю я, в чем вас обвинят, — сказал Харрис. — Помимо всего прочего, самая хладнокровная ложь, какую мне приходилось слышать.

— Разве это не дело окружного прокурора? — невозмутимо спросил Ямамура.

— Да. И, конечно, ничего не будет сделано. Ваши герои из комиксов — разве можно нарушать пятую поправку? — Харрис покачал головой. — Если бы не эта ваша трусость, мисс Таун могла бы жить.

— Когда ее убили? — спросил Ямамура.

— Доктор говорит, около полуночи или в час ночи.

— Никто не мог знать, — сказал Ямамура. — Допустим, мы сразу передали бы О'Хирна. Он не знал, кто должен умереть следующим, даже не знал, чем заняты другие соучастники. Он просто болван.

— Наверно. — Ямамура видел, что в Харрисе больше нет гнева. — Мы продолжаем его допрашивать, но ничего не получаем. Может быть, полиция Сан-Франциско возьмет остальных в том доме. — Инспектор поколебался. — Официально я могу только осудить ваши действия, включая укрытие фактов. Как вы знаете, мне теперь ясно, каковы эти факты. Мне придется все это доложить и — дьявольщина, нет никаких материальных улик, и окружному прокурору придется учитывать общественное мнение, и к чему тратить средства на мелкие обвинения, которые никогда не дойдут до суда? На этот раз вы улизнете. И строго неофициально — я не имею права это говорить, но я не слишком на вас сержусь.

Ямамура даже не улыбнулся.

— Я бы хотел, чтобы Боб видел это в таком же свете, — ответил он.

— Кстати, а что с ним?

— Нервный срыв. Они бывают у него время от времени.

— Просто так? — спросил Гвидо.

— Нет, — ответил Ямамура. — Выглядит, как неожиданный распад личности, но на самом деле это не так. Он слишком много работал в этом академическом году. Это почти привело его на край. Ему необходим был отдых. А вместо этого такое напряжение. И к тому же он чувствует себя виноватым. Для этого есть причины. Но они в его прошлом и нас не касаются.

— Может, обратиться к психиатрам? — спросил Харрис.

— У него нет таких денег. Кроме того, у нас у всех есть такое проклятие. У одних приступы головокружения. Другие ипохондрики.

Кинтайр раз в несколько лет проводит три-четыре дня в аду.

— Но как он понял, что мисс Таун...

— Он разгадал головоломку, конечно. Он знал, кто нанял убийц и почему. И поэтому он знает, кто станет следующей жертвой.

Харрис так крепко сжал его руку, что Ямамура поморщился.

— Знал?

— Да, — сказал Ямамура. — Но подождите. Он не сказал мне.

— Но ведь сейчас он здесь и... идемте!

Ямамура схватил Харриса за плечо и повернул его.

— Нет, — сказал он. — Это неправильно. Оставьте его в покое.

— Убийц тоже оставить в покое? — спросил Харрис.

Ямамура потер подбородок. Было заметно, что он передвигается с трудом.

— Хорошо, — согласился он. — Я сам поговорю с ним.

* * *

Кинтайр думал, что перенес все хорошо. Он очень связно поговорил с Моффатом. Полицейский полным боли голосом рассказал, что кровь прошла сквозь матрас и свернулась на полу под кроватью. Гвидо покачнулся. Лицо Кинтайра оставалось слово вырезанным из кости.

* * *

— Драгоценности в квартире забрали? — спросил он.

— О, да, по всем признакам работали профессионалы, — сказал Моффат.

— Не видели ли вы две большие картонные коробки с листами бумаги? Если бы они были здесь, должны были открыто лежать в гостиной.

— Нет, ничего подобного. Наверно грабители забрали их. Надеялись, что там могут быть спрятаны деньги, — сказал Моффат.

— Значит, вы думаете, что они забрали ювелирные изделия? Ее просто убили или связали сначала? — спросил Кинтайр.

— Да, связали, закрыли повязкой глаза, затолкали в рот полотенце, — сказал Моффат.

— Грабители схватили ее, когда она спала, и позаботились, чтобы она их не узнала, — сказал Кинтайр.

— Это бывает, но зачем они потом ее убили? — спросил Моффат.

— Потому что коробки с письмами лежали на кофейном столике открытыми, — объяснил Кинтайр.

— Как это?

— Это доказывает, что она читала корреспонденцию Брюса Ломбарди; в этом случае грабителям пришлось от нее избавиться.

— Откуда вы все это знаете? — спросил Моффат.

Но тут Кинтайр почувствовал, что теряет над собой контроль, поэтому он повернулся и вместе с Гвидо пошел к своей машине.

* * *

Он лежал на диване, подложив руку под голову, держа в другой руке сигарету. Время от времени сознавал, что курит. Утро через окно за ним проливалось свет, на стене перед ним двигались изящные тени листьев. Он помнил, как солнечный луч с неба, черного от приближающегося дождя, сверкая, перескакивал с вершины на вершину волн вдоль океана; он видел, как шагают мимо него огненные ноги солнца, но за ними следовало М, которое приносили ужасные ветры, и это М говорило о Морне, и о Марджери, и о Луне (Moon). Он долго размышлял, почему М обозначает луну, пока не вспомнил о Гекате^[40], в челюстях которой он жил. М означало также Макиавелли, и Гниющий (Moldering) череп, который кое-что знает об Убийстве (Murder). Но все это неважно, все это Мрачно, и он играет с этим только на поверхности, словно это пена, приносимая ветром. В океане его проклятия зеленые Мили, которые становятся черными, когда погружаешься, пьешь солнечный свет и ешь утонувших.

* * *

Однако все это естественно и правильно, жизнь в жизни, и он не может желать себе лучшего конца, чем дышать морем. Однако нужно помнить, что Морне было всего тринадцать лет. Она тянула к нему руки в потоке воды. Он не слышал, кричала ли она, ветер заглушал все звуки, но волна подхватила ее и понесла назад. Он видел, как в воде развеваются ее светлые волосы. Потом его накрыла тьма.

Он пошевелился и понял, что сигарета догорает и вот-вот будет жечь пальцы. Какая-то часть его предлагает просто бросить окурок, но он гасит его в пепельнице, стоящей на полу. Несколько волдырей не уменьшат то, чем он был, думает он.

Не в том дело, что он признает свою вину (говорит он чайкам на рифе среди разбросанных досок и бревен). Дело в том, что он проклят, и нет ни бога, ни дьявола, чтобы судить его; просто в природе вещей, что он не делает ничего хорошего. Морна должна утонуть, и Марджери тоже должна утонуть — в человеческом теле много крови, — потому что — нет, сказало в нем ядро жизни, не потому что это его вина.

И есть ли что-либо более неуместное, чем вопрос, виновен ли он или нет? Единственный факт, который важен, таков:

Морна, тринадцати лет, уходит под воду и бьется об усеянный острыми ракушками риф. Он нашел ее на следующее утро, пред тем как пришла спасшая его лодка. Прядь волос все еще на месте, она потемнела от воды, но все равно ярче коралла. Он видел кости. Маленький краб выбежал из ее глазницы.

Кинтайр вцепился в диван, гудящий в белизне.

Много веков спустя он вспомнил Марджери. Она никогда не говорила об этом, но у него сложилось впечатление, что она боялась смерти. Ею кончается прошлое и будущее, ничего не будет и никогда ничего не было. Она должна была много раз говорить себе, что, может быть, наука сумеет сделать ее бессмертной до того, как она умрет. Но смерть еще далеко, пятьдесят лет или больше, и это расстояние искажает формы, видно только маленькое черное пятно на краю ее мира.

Она лежала слепая и связанная, с полотенцем во рту. Она слышала, как бьется ее сердце, и боялась, что оно разорвется. Потом рука под ее подбородком, почти безболезненное прикосновение ножа и

минуты, которые потребовались на то, чтобы вытекла кровь. А она лежала и ощущала это.

— Нет, — сказал Кинтайр. — Нет, нет, нет. Пожалуйста.

Он слепо потянулся за другой сигаретой. Не смог найти пачку. И неожиданно испугался посмотреть, где она. Он снова лег на диван. Солнечный луч на стене казался нереальным.

Он не слышал, как вошел Ямамура. И ему потребовалось какое-то время, чтобы он понял, что детектив смотрит на него.

— В чем дело? — смог он наконец спросить.

— Давайте немного разомнемся, — сказал Ямамура.

Кинтайр не шевельнулся. Не был уверен, что сможет. И вообще это казалось недостойным усилий. Ямамура выбранился, посадил его, снял футболку и уложил его на ковер.

Японский массаж — большими пальцами, ногтями, босыми подошвами — действует радикально, мышцы с тресканьем освобождаются от напряжения. Кинтайр слышал, как трещали суставы, когда Ямамура распрямлял его руки. Однажды от боли он произнес проклятие.

— Прошу прощения, — сказал Ямамура. — Неверно рассчитал.

— Как же! Вы это сделали нарочно!

— Профессиональные тайны. Теперь на бок.

Через полчаса Кинтайр сидел на диване и рваными вдохами заполнял легкие дымом.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Физически вы заставили меня расслабиться.

— Помогает, верно?

Ямамура прислонился к стене и вытер мокрое лицо.

— Немного. Но это не лекарство.

Кинтайр мрачно посмотрел на день и ночь.

— А я и не говорил, что это лекарство. Есть под рукой транквилизаторы?

— Есть. Но не помогают. Мне просто нужно это пережить.

— Симптомы те же самые?

— Да. Тщетность. Потеря. Уничтожение. Горе? Нет, это слишком здоровое слово. Сейчас я говорю с вами только самой верхней частью мозга, понимаете? А внизу все то же самое.

— В основном вы чувствуете вину, — сказал Ямамура.

— Возможно. Я видел, как утонула сестра. Когда корабль раскололся, я держался за рею. ее пронесло мимо меня. Я протянул к ней руку, наши пальцы соприкоснулись, и она снова ушла. А я не выпустил рею.

— Если бы вы это сделали, утонули бы оба. Я знаю тихоокеанский прибой. Да если еще тайфун... Вы виноваты только в том, что вам повезло больше, чем ей.

— Конечно, — сказал Кинтайр. — Я говорю это себе уже двадцать лет.

— Мне вы эту историю рассказывали пока только три раза, — сказал Ямамура. — Не люблю салонный фрейдизм, но кажется очевидным, что тут участвует нечто большее, чем простой факт, что вы выжили, а она утонула.

Кинтайр привстал. Он почувствовал прилив гнева.

— Осторожней! — выкрикнул он.

Лицо Ямамуры стало совершенно бесстрастным.

— Ага. Успокойтесь, сынок. Я все-таки черный пояс. Вы сможете только привести в беспорядок эту приятную комнату.

Кинтайр крикнул:

— Ничего не было!

— Я никогда не говорил другого. Конечно, не было ничего неправильного. Я не говорю, что у вас были какие-то сознательные мысли, которые вы не можете вспомнить. Или даже если вспоминаете время от времени, *что* в них — и в ваших подсознательных желаниях — может быть злого? Она была единственной девочкой вашего поколения, которую вы могли видеть неделями и месяцами. И вы любили ее. Может ли любовь быть грехом?

Кинтайр осел. Ямамура положил руку ему на плечо.

— Есть история о двух монахах буддистах, которые шли куда-то, — сказал он. — Они пришли к реке. На берегу стояла женщина, боясь переправиться. Один из монахов перенес ее. Потом они пошли дальше. Любезный монах весело напевал, второй все больше мрачнел. Наконец второй монах воскликнул: «Как мог ты, монах, брат на руки женщину?» А первый ответил: «А ты что, все еще несешь ее? Я опустил ее у брода».

Кинтайр не шевельнулся.

— Прошу простить мой любительский психоанализ, — сказал Ямамура. — Это не мое дело. — Он помолчал. — Я хотел только сказать, что тем, кого мы несем в себе, полезно было бы время от времени отдохнуть от нас.

Он сел рядом с Кинтайром и достал трубку. Какое-то время они молча курили.

— Что ж, — сказал наконец Кинтайр. — Вы поняли, что за убийствами?

— Нет. Я подумал, что вы нас скажете. Но я могу подождать.

— О, я могу сказать. М-м-м-арджери...

Ямамура сильными пальцами размял плечи Кинтайра и основание шеи.

— Продолжайте, — сказал он.

— Смерть Марджери — вероятно, она вернула Морну — я подвел их обеих. Мне не нужен рассказ О'Хирна, чтобы понять, кто стоит за этим. Я мог сказать это вчера днем, если бы воспользовался головой... Ой!

— Это, — объяснил Ямамура, — чтобы помешать вам уйти в штопор. Вы можете винить себя только в том, что вы человек и поэтому ограничены, склонны к ошибкам и не можете делать одновременно много дел, катаясь на роликовых коньках. Если снова забудете об этом, я ущипну вас в более уязвимое место. Почему бы вам не проглотить одно из химических утешений?

— Я вам говорил, что они мне не помогают.

— Я сам не слишком высокого мнения о них, но все же примите.

Когда Кинтайр вернулся и снова сел, Ямамура сказал:

— Хорошо, давайте. Кто наш человек?

— Клейтон, — сказал Кинтайр.

— Что? — Трубка едва не выпала из руки Ямамуры. — Какого дьявола? Как это возможно?

— Брюс слишком много знал о рэкрете Клейтона.

— О каком рэкрете? Клейтон чист. Я не слышал ни намека...

— О, да. По эту сторону Атлантики он достаточно чист.

Ямамура пробормотал что-то непристойное.

— Откуда вы знаете? — добавил он.

— Это соответствует фактам. Брюс переписывался со своим дядей Луиджи, человеком из секретной службы. При этом они обсуждали возникновение высокоорганизованных преступных синдикатов в послевоенных средиземноморских странах. Клейтон был тип дельца, который трижды подряд разорялся: в депрессии, после смерти первой жены и после развода со второй. Должно быть, это очень обозлило его, и он решил, что никогда больше не будет бедным и беззащитным. Он появился в Италии во время войны как офицер квартирмейстерской службы. Прекрасная возможность заняться черным рынком, если согласен идти на некоторый риск. Чудо не в том, что некоторые люди из этой службы становятся преступниками, а в том, что большинство остаются честными. Клейтон начинал, вероятно, с малого: с сигарет и суточных продовольственных рационов. К концу войны он был связан с крупными фигурами итальянского преступного мира и понял возможности этого. После демобилизации он занялся этим вплотную.

Очевидно, он очень хороший организатор. Он воспользовался послевоенным возрождением преступности, применяя методы гангстеров и коммунистов. Скорее всего он начал с торговли валютой на черном рынке через Швейцарию. Но вскоре распространил свою деятельность на контрабанду, наркотики, проституцию, азартные игры. Он разбогател.

— У вас есть какие-то доказательства этого? — прервал его Ямамура.

— Главным образом то, что это соответствует всем фактам. Позвольте мне продолжить, по ходу рассказа я приведу доказательства.

Беда Клейтона заключалась в том, что его доходы были в основном в лирах, французских франках и другой неконвертируемой валюте. К тому же правительство всегда интересуется постоянно живущими иностранцами: он не мог надеяться без надежной крыши долго избегать подозрений. Он решил обе эти проблемы, став импортером. Он на свою европейскую валюту покупал европейские товары, перевозил их в Штаты и здесь продавал за доллары. По это сторону он бел и невинен, как лилия, к тому же знаком с безупречно честными влиятельными американцами. Зная это, европейцы не думали, что он может заниматься чем-то преступным на их континенте. Подробности можете представить себе сами.

— Да, — сказал Ямамура, — могу.

— Теперь относительно некоторых фактов и теорий. Вернемся к дяде Луиджи. Он пытается уничтожить эти синдикаты, один из которых возглавляет знаменитый сеньор Клейтон. Конечно, из-за клеточной организации Луиджи и его коллеги этого не знают. Если бы знали, могли бы покончить со многими видами рэкета. О Клейтоне они знают только, что у некоторых из его деловых контактов есть связи с депортированными итальянско-американскими гангстерами. Но что с того? Все, кто не живет в монастыре, должны быть знакомы с несколькими сомнительными личностями.

Так вот, поскольку Клейтон приехал сюда, чтобы открыть отделение в Сан-Франциско и поскольку он привез *Liber Venificatum*, он должен был познакомиться с Брюсом. На самом деле у них сложились дружеские отношения. Клейтон может быть очень дружелюбен, если не встаешь у него на пути. Дядя Луиджи, вообще настроенный антиамерикански, говорил, что сеньор Клейтон имел нечестное преимущество, начиная как богатый человек со многими долларами. Это не соответствовало рассказу самого Клейтона «от нищеты к богатству». Брюс возмутился, стал проверять и установил, что Клейтон действительно не имел никаких средств, когда приехал в Италию. А Луиджи, как уже упоминалось раньше, сообщил Брюсу некоторые сведения о преступности, коррупции и синдикатах.

Не знаю, когда именно Клейтон узнал об этих обсуждениях. Возможно, неделю назад, в прошлое воскресенье, когда он встретился с Брюсом в Городе и отказался дать работу Гвидо. Клейтон признал, что Брюс очень рассердился; может, тогда он и рассказал кое-что.

Клейтон его успокоил, пообещав встретиться с Гвидо на следующий день. Тем временем он уже составлял план.

Или это могло быть вполне мирно и по-дружески. У Брюса не было причин в чем-то подозревать Клейтона. В противном случае мы бы об этом знали: Брюс по сути своей не способен был хранить тайны. Может быть, в последующих дружеских объятиях он выболтал, как успешно опроверг насмешки дяди Луиджи о подъеме Клейтона в стиле Горацио Элджера^[41], и сказал, что отправит все факты дяде Луиджи и потребует извинений. В то же время Брюс мог говорить и о синдикатах. Он был достаточно наивен, чтобы предупреждать Клейтона, который половину времени проводит за границей, чтобы он опасался бандитов! Так или иначе Клейтон все выведал у него в том разговоре, который у них был после ухода Гвидо. Клейтон получил предупреждение.

Странно думал Кинтайр, что он способен говорить так хладнокровно, когда в нем сидит ужас. На время ему удалось закрыть этот ужас, он слышал его, но пока не чувствовал.

— Он мог выведать все у обоих братьев в понедельник, — кивнул Ямамура. — У Брюса в особенности, но ему нужно было посмотреть, можно ли превратить Гвидо в приманку ... хм. Поэтому он позвонил чикагским бандитам. Однако...

— Никаких однако. Разве не очевидно, Триг? Брюс и Луиджи вели переписку на две темы, которые могли бы взорваться, если бы их сопоставили: Клейтон и преступность старого мира. Когда Брюс показал, что Клейтон не мог начинать, разместив в швейцарских банках депозиты в американских долларах, Луиджи должен был задуматься. Брюс даже небрежно соглашался, что вначале Клейтон мог взять немного валюты на черном рынке, что не казалось ему преступным. Или письма Луиджи заставили Брюса сомневаться, кто знает? Не обязательно чтобы произошло именно так, но для Клейтона это был слишком большой риск. У американского правительства, если оно заинтересуется, есть много возможностей проверить своих действующих за границей граждан. Поэтому Брюса нужно было устранить. Но вначале его следовало подробно допросить, чтобы точно узнать, что он знает. Например, информирован ли Луиджи настолько, чтобы стать опасным. Это работа для профессионалов.

— Вот здесь у вашей теории слабое место, — сказал Ямамура. — Если Клейтон на американской почве такой законопослушный, где он мог так быстро найти убийц?

— Намек на это есть в документах Брюса, — сказал Кинтайр. — А подробности добавляет ваша информация о телефонных звонках Клейтона. Он должен был позвонить одному из своих не очень респектабельных итальянских деловых партнеров. Припоминаю имя Дольче. Вы можете проверить у девушки с коммутатора. Сохраняются ли в телефонном офисе такие данные? Не знаю. Предположим, он звонил Дольче, если это он. И приказал ему: «Свяжитесь с недавно депортированными из Америки — вы можете представить себе это лучше, чем я, Триг, — и спросите, как мне связаться в этой стране с профессиональным убийцей». Он мог сформулировать это более эвфемистично, но суть была именно такова. На следующий день последовал ответный звонок Дольче или еще кого. (Зачем иначе такому занятому человеку, как Клейтон, задерживаться здесь, не возвращаясь домой? Потому что его основной офис постоянно связан с Италией, и девушка на коммутаторе, вероятно, говорит по-итальянски и может подслушать.) Так Клейтон получил номер Силенио, а также пароль или что еще нужно в таких случаях. Он позвонил из платной кабинки. Остальное нам рассказал О'Хирн.

Ямамура кивнул.

— Возможно, — сказал он.

— Скажите мне, что еще может объяснить факты. И позвольте мне продолжить. Кейтон приехал сюда по делам в прошлый четверг и устроил в своем номере прием для ученых историков, на котором были мы с Брюсом. Думаю, он искал подходящего козла отпущения. Оуэнс выглядел перспективным. Конечно, он не обманывал, как Гвидо, но Клейтон намекал, что сможет в будущем его использовать.

Клейтон очень постарался, чтобы у него было алиби на весь уикэнд. Конечно, было легко позвонить Брюсу и заманить его в тот дом. Он мог на глазах у всего мира позвонить из платной кабинки. Не знаю, что он сказал Брюсу, наверно, что нашел работу для Гвидо, но она конфиденциальная. Какую ложь он использовал, можете придумать сами.

В понедельник он вернулся в Сан-Франциско. Силенио доложил ему результат, получил деньги и получил приказ ждать. У Клейтона

возникла проблема. Документы Брюса все еще находились в квартире Марджери. Силенио мог узнать это. Клейтону нужно было заглушить последний источник информации. Он вернулся сюда в четверг и пригласил меня на ланч. Я позволил ему понять, насколько удачно скрыты его следы — и когда я рассказал ему, что квартиру Марджери ограбили, это стало для него шоком. Он расспросил меня, узнал, что письма еще не прочитаны, и искусно направил подозрения на Оуэнса, которого я подозревал с самого начала. Однако он должен был понять, что нужно действовать быстро. Поэтому он остался в Беркли, хотя за ланчем сказал, что собирается вернуться в Сан-Франциско. (Какая любая иная гипотеза способна объяснить, почему он передумал и провел больше двадцати четырех часов своих продуктивных часов на этой стороне? Он, одушевленный кассовый аппарат?) Я снова встретился с ним в среду, когда у нас была стычка с Оуэнсом.

Клейтон вздохнул.

— Это самое ужасное. Я сидел и пил кофе с настоящим, подлинным убийцей. Он уговаривал меня увести на вечер Марджери. Я сказал, что у меня другое свидание. Если бы я пошел с ней, она была бы жива. Боже, если бы она пошла на свидание с ним, она была бы жива! Он хотел пригласить ее! Когда я сказал ей об этом, она ответила, что откажется от его приглашения. Он хотел убрать ее с дороги. Но когда она осталась...

И я сам помогал ей читать эти проклятые письма!

— С этого момента помедленней, — сказал Ямамура.

* * *

Позже детектив вышел во двор. Гвидо раскладывал на пороге пасьянс, полицейский наблюдал за ним. Полицейский сказал:

— Инспектор Харрис хочет получить ваше официальное заявление в участке, сэр.

Ямамура кивнул. Гвидо поднял брови и повернул голову в сторону коттеджа.

— Могло быть хуже, — сказал Ямамура. — Вы можете оставить его на час или около того, а потом поешьте вместе.

— Конечно, — сказал Гвидо.

Полицейский проводил Ямамуру до подъездной дороги. В участке его сразу направили в кабинет Харриса. Инспектор клал телефонную трубку.

— Сан-Франциско, — сказал он. — Они побывали по этому адресу. Следы пребывания, но дома никого.

— Есть еще новости?

Ямамура сел и вытянул длинные ноги.

— Майкелисов выпустили. Когда это сделали, Джин сломался — реакция, наверно, — и рассказал, где был субботу вечером и в воскресенье. У женщины.

— Не думал, что он станет скрывать это. Скорее стал бы хвастать.

— Сейчас у него металлические ноги, и этой женщине он платил. Немного, денег у него не было, но заплатил — впервые в жизни.

— Бедняга. Могу себе представить, что он чувствует.

— А что думает Кинтайр? — спросил Харрис.

Ямамура рассказал ему.

Харрис присвистнул.

— Это не пройдет даже большое жюри присяжных, — сказал он.

— Тем не менее эту нить стоит расследовать, — спокойно сказал Ямамура. — Интересно, где сейчас Клейтон.

Харрис взял телефон. Ямамура ждал.

Инспектор со стуком положил трубку.

— В отеле «Фэйрхилл» его нет. Попробую его квартиру в Сан-Франциско и офис. Номера знаете?

Вскоре:

— Ни там, ни там нет. Ну, это не преступление. Но я приставлю к нему человека.

— Относительно передачи информации прессе, — сказал Ямамура. — Можете удерживать всякие упоминания о Кинтайре? Он не в такой форме чтобы говорить с репортерами или даже просить их уйти.

— С радостью, — ответил Харрис. — Мы будем удерживать факты, как только возможно. Заставим газеты сотрудничать. Зачем сообщать убийцам, что нам известно? Они могут догадываться, что О'Хирн у нас, но не знают, что он рассказал.

— Хорошо. Теперь давайте я сделаю это заявление, чтобы я мог вернуться в свой офис. Может, там меня ждет клиент — ну, просто для

разнообразия.

Клиентов не было. Ямамура полировал свой новый меч. Его все время преследовала мысль. Если Клейтон виновен, зачем ему исчезать? Харрис прав. Рассуждения Кинтайра неубедительны. Без дополнительных доказательств этого недостаточно даже для ареста собаки за то, что почесала укус блохи. Клейтону лучше сидеть на месте и изображать оклеветанного праведника.

Но знает ли он это? О'Хирна послали за Гвидо только потому, что Ларкин подрался в «Бродячей кошке». Если Ларкин запомнил имя «Кинтайр» и сообщил об этом через Силенио, Клейтон может догадаться. Ямамура взял свой телефон и набрал номер.

— Привет, Боб. Как дела?

— Еще дышу, — безжизненно ответил Кинтайр.

— В доме убийц никого нет. Клейтон тоже исчез. Вы с Гвидо можете быть следующей целью. Хочешь полицейскую охрану?

— Нет. Он был бы слишком глуп, если бы сейчас попробовал это, — без особого интереса ответил Кинтайр. — Особенно если не знает, как много знаю я. Вначале он должен это установить, а для этого нужно личное участие. Давайте попробуем восстановить.

Он излагал своим мысли ровным металлическим голосом.

— Силенио и Ларкин вернулись со своей... миссии и не напали в доме О'Хирна. Они ждали, пока не встревожились, потом ушли и позвонили Клейтону в Беркли. Это должно было происходить очень рано, еще до восхода солнца. Клейтон мог позвонить старшим Ломбарди, представившись встревоженным другом, и узнать, что Гвидо не возвращался домой. Под тем же предлогом он мог обратиться к полиции Сан-Франциско — нет, они ничего не знают ни о Гвидо Ломбарди, ни о О'Хирне. Такой же ответ он мог получить в Беркли. Итак. Кто-то забрал их обоих. С учетом эпизода в «Бродячей кошке» он мог заподозрить меня. Я вспомнил, что у меня рано утром зазвонил телефон, но я не ответил. Может, это он пытался проверить, дома ли я? Если он проезжал мимо, мог увидеть мои опущенные занавеси. Он не мог знать, что О'Хирн здесь. Он мог заключить: либо я не имею отношения ко всему этому, либо я отвез О'Хирна куда-нибудь в другое место для частного расследования.

Если он списал меня и считает, что я ни при чем, это плохо. Он может предположить только, что О'Хирн у меня или у Гвидо, но где?

Если бы он мог выследить и избавиться от нас — от любого человека, который может на него показать, — да, потом он сможет подкупить кого-нибудь, например, девушку по вызову, чтобы получить алиби на это время. И тогда ничего нельзя будет сказать о его действиях по эту сторону залива. Конечно, итальянская полиция и американские зарубежные агентства могут заинтересоваться его деятельностью за морем — но в худшем случае он сможет оставаться дома или уехать в какую-нибудь южноамериканскую страну, откуда нет экстрадиции. Но все это зависит от того, сумеет ли он меня найти...

Кинтайр неожиданно замолчал. Ямамура слышал, как резко положили трубку.

Немного погодя телефон снова зазвонил. Кинтайр сказал, как машина:

— Триг, вы быстрее меня можете заставить полицию вас выслушать. Вчера вечером Коринна сказала, что будет дома ждать моего звонка. Я только что позвонил ей. Ответа нет.

Телефон зазвонил. Кинтайр схватил трубку.

— Да? — крикнул он.

— Триг. Только что получено сообщение из Сан-Франциско. Мисс Ломбарди нет дома. Они взяли ключ у управляющего и зашли внутрь. Все в порядке. Она не могла просто выйти куда-нибудь?

— Послушайте, — сказал Кинтайр. У него словно застыли голосовые связки. — Это касается ее семьи, ее самой — и О'Хирна, которого она ударила. Я обещал ей позвонить и сообщить новости. Вы бы в таком случае вышли, хотя бы на минуту?

— Нет. Конечно, опросили ее соседей, родителей, нанимателя и так далее. По последним данным всюду отрицательные ответы.

— Еще одно, — сказал Кинтайр. — Клейтон знал, что она была со мной вчера вечером. Я сам сказал ему об этом вчера днем.

Свист в трубке. Потом:

— Вы думаете, он забрал ее, чтобы узнать, где вы и что вам известно. Разве это не рискованно?

— Для него самый большой риск — оставаться пассивным, — сказал Кинтайр. — Разве мы не договорились, что в случае необходимости он подкупит свидетеля, чтобы отчитаться за день или за свое отсутствие? Хотя если бы Брюса, Гвидо, К...К...Коринну, Марджери и меня нашли убитыми, ему даже это могло не понадобиться. Никто не смог бы его обвинить.

— Но зачем ему рисковать собственной драгоценной шкурой? Пусть Силенио и Ларкин сделают всю работу.

— Нет. Во-первых, Коринна могла уже быть под защитой — боже, если бы у меня хватило мозгов попросить об этом.

— Ммм, да, понимаю. Гангстер мог позвонить ей в дверь и приставить пистолет, когда она открыла, и его тут же скрутили бы, если бы полиция охраняла. Клейтон друг ее семьи. Она пригласила бы его войти, и он спокойно после разговора, убедившись, что сделать это безопасно, достал бы пистолет.

— Вот именно. Клейтон не знает, что знаем мы. Он знает только, что у кого-то О'Хирн. И он должен узнать, у кого.

— Разве это так важно? О'Хирн не знает Клейтона.

— Но он знает Силенио, а тот знает Клейтона. Допустим, О'Хирн у полиции. Полиция не сразу получит от него сведения, поэтому у него будет время избавиться от тех из нас, кто, как скажет ему Коринна, знает больше, чем ему нравится. Однако со временем полиция кое-что узнает, и в Чикаго будут готовы арестовать Силенио и Ларкина и допросить их. Так что ему нужно организовать для Силенио и Ларкина длительный отпуск где-то, пока не станет спокойно.

С другой стороны, если О'Хирна держу я, от меня можно ждать резких действий. Поэтому Клейтон и его друзья должны будут действовать поспешно. Но если у них получится, для них все будет хорошо, потому что я и любые мои союзники в ходе освобождения О'Хирна будут устранены и для полиции не останется никаких следов.

— Теория игр, — слышалось в телефоне. — Вы планируете свои действия на основании действий противника, который действует на основании информации, которой, как вы считаете, он располагает. Но это игра не на жизнь, а на смерть. Что, по-вашему, мы должны делать?

— Конечно, забросить бредень, — сказал Кинтайр. — Что касается сведений, которые, как мы признаем, у нас есть...

— Это очевидно. И с этим справится полиция. Хотя откровенно говоря, события могут развиваться так быстро, что новости не окажут воздействия ни в ту, ни в другую сторону. Простите, Боб, но это нужно было сказать.

— Еще одно. Их дом теперь для них небезопасен. Куда, по-вашему, они могут пойти?

Кинтайр застонал.

— Это единственное, о чем я не могу даже догадаться.

— До сих пор у вас все получалось хорошо, — сказал голос более мягко. — Нужна помощь?

— Да, — сказал Кинтайр. — Убирайтесь отсюда и найдите ее.

— Сделаю, что могу, — ответил Трюгве Ямамура.

Кинтайр повесил трубку. Гвидо сидел, сжавшись, на кухонном стуле.

— Ну? — неровно спросил он.

— Вы слышали, — ответил Кинтайр. — Она у них. Дайте мне сигарету.

— Моя сестра, — пробормотал Гвидо.

Кинтайр непристойно выбранился.

— Хороший же у нее брат, — сказал он.

Он закурил и принялся расхаживать по кухне. На часах одиннадцать. Коринну захватили — когда? Предположительно три часа назад плюс минус час. Но им нужно найти место, чтобы допросить ее. Это даст немного времени. Они и сейчас могут быть в дороге.

— Мы пара придурков, — сказал Гвидо.

— Что?

Кинтайр бросил на него взгляд.

— Сидим здесь и обзываем друг друга. А должны искать ее.

— Где?

— Везде. — Лицо у Гвидо было напряжено, правый глаз дергался в тике. — Любой адрес, который мы устраним, это уже что-то.

— Сколько домов в районе Залива?

Кинтайр сел на стул. За дверью, которую он закрыл в себе, вопил ужас.

— Ради бога, — сказал Гвидо. — Я не хочу обыскивать дом епископа! Можно определить самые вероятные места, верно?

— Не знаю.

— Так мы никому не приносим ничего хорошего. Давайте поедем куда-нибудь. Может, мозги прояснятся.

— Великое американское решение. Поездка в машине.

Гвидо несколько мгновений смотрел на Кинтайра.

— Вам помогает то, что вы чувствуете свое превосходство? — негромко спросил он.

Кинтайр резко поднял голову. Через несколько секунд:

— Хорошо. Я только позвоню, чтобы полиция знала, где мы.

Они вышли из коттеджа, и Гвидо сел за руль старого черного седана Кинтайра.

— Какой-то особый маршрут, док? — спросил он.

— О, не знаю. Прибрежное шоссе на юг.

— Шоссе один? Очень медленное.

— Нас что-нибудь торопит?

Гвидо гладко двинул машину. Одной рукой он достал новую сигарету.

— Мой единственный трюк, — сухо сказал он.

— Вы хорошо поете, — сказал Кинтайр.

— Не так хорошо, как мог бы. Для этого нужно работать, а я не заинтересован.

— А в чем вы заинтересованы? — машинально среагировал Кинтайр.

— Сейчас — невредимым вернуться домой, — ответил Гвидо. — Думаете, это возможно?

— Я думал, мы хотели прочистить мозги, — резко сказал Кинтайр.

У места сбора платы они молчали. На мосту, как под ними появилась ртуть залива, а впереди в тумане стали видны очертания Сан-Франциско, Гвидо ворчливо заговорил:

— Куда они могли пойти? Это должно быть место, где их никто не услышит, никакие копы не появятся поблизости. Времени, чтобы снова арендовать дом, мало. Особенно когда уже разосланы их описания. Конечно, они могут просто вломиться в дом, который предлагают сдать.

— Полиция проверит это.

— Угу. Но, док, они ведь это знают и попробуют перехитрить полицию. Понимаете меня. Давайте свернем на этот съезд. Я вырос на берегу, я знаю места, где никто...

— А они об этих местах знают? — фыркнул Кинтайр.

— Думаю, нет.

Разочарованный Гвидо остался на середине дороги. Когда выехали на идущее на юг шоссе, он прибавил скорость.

Кинтайр, осторожный водитель, никогда не вел машину на такой скорости. Он видел, что стрелка дошла до девяноста, за дверцей свистел ветер.

— Хочешь заработать штраф? — спросил он.

— Мне все равно, — ответил Гвидо. — Я должен что-то сделать. Если я не могу ей помочь, я должен что-то делать.

Проходили минуты. Ни одна патрульная машина не просигналила им. Вообще в это время в четверг движения почти не было. Они двигались на юг по старой двухполосной дороге, и небо затягивалось облаками.

— Черт побери! — сказал Гвидо. — На побережье будет туман. Придется ползти. Давай возвращаться.

— Нет, — ответил Кинтайр. — Едем дальше.

Гвидо возмущенно посмотрел на него.

— Минуту, — сказал он.

— Едем дальше, я сказал! — взревел Кинтайр.

Гвидо вздрогнул. Затем, пожав плечами, перенес все внимание на дорогу.

— Это важно? — спросил он.

Кинтайр не ответил, потому что не знал. Он сидел пригнувшись, не заботясь о том, с какой скоростью они едут и могут ли разбиться. Казалось, неважно, куда его несет. Но на самом деле это важно. Он не мог сказать почему — будь оно проклято, это мое проклятое подсознание. Но оно словно рукой вело его.

Может быть, ему нужно было ненадолго вернуться к громкому благоденствию океана.

— Станный вы человек, док, — сказал Гвидо спустя много времени.

— Разве не все мы таковы?

— Вы тронутый, даже для человека. Я хочу сказать, что у вас жизнь, полная приключений, культура, вы достигли успеха — да, конечно, вам не очень много платят, но вы знаете, чего достигли и как далеко пройдете дальше — у вас есть все, чего хотел Брюс. Дьявольщина, вы такой, каким хотел стать я. И вы не можете дождаться смерти!

Кинтайр раздраженно ответил:

— Это неправда. Я просто в дурном настроении.

— Я тоже, док, я тоже. Думаете, мне нравится думать, что с Коринной? Думаете, я горжусь тем, как вел себя в последние дни? Но я держусь. А что вас заставляет съежиться?

Кинтайр отвернул лицо от утесов сбоку от дороги к Гвидо. Его спутник был полон жизни; что-то изуродовало его, но он всегда живей других.

— Почему вы здесь остаетесь? — медленно спросил Кинтайр.

— Мне здесь нравится.

— Разве вы не видите, что для вас это яд? Пока вы остаетесь там, где были ребенком, вы продолжаете быть ребенком. А если уедете, у

вас появится шанс вырасти, стать взрослым.

Гвидо покраснел.

— Спасибо, мать-настоятельница.

— Я не хочу вас оскорбить. Я только думаю, что ваши неприятности вызваны ситуацией. Местом. Во время службы в армии были за границей?

— Нет, если не считать Аляски.

— И, конечно, это был не ваш образ жизни. Вы думали только о том, чтобы вернуться домой. Но допустим, вы куда-нибудь уехали бы — в другое место — и остались там. Может, там вам понравилось бы. Вы могли создать себе имя, по крайней мере неплохо зарабатывать в шоу-бизнесе. Если бы вы попробовали.

— Куда мне идти?

— Ну, у Трига Ямамауры есть связи в Гонолулу. Или через людей, которых я знаю, мы могли бы помочь вам начать в Нью-Йорке, если вы это предпочтете. Главное — быть подальше отсюда! По крайней мере на несколько лет, пока не почувствует, что надежно укрепились.

Гвидо тихо сказал:

— Я время от времени думал об этом. Но за мной был Брюс, он всегда старался, а у него таких контактов не было.

Он улыбнулся.

— Может, ваше дурное настроение, док, тоже вызвано ситуацией. Если мне нужно уехать, вам, может быть, нужно остановиться. Понимаете? Трубка, шлепанцы, жена и много сопливых детей, о которых нужно заботиться, вместо того чтобы думать о том, что произошло много лет назад.

— Давайте не переходить на личности, — сказал Кинтайр.

Они ехали дальше. Показалось море у подножия крутых желтых утесов. Море холодное, серое, под серым небом. Четкого горизонта не было, небо и вода сливались в тумане. На поворотах Гвидо сбавлял скорость, но продолжал вести опасно быстро. Скрипели шины, и однажды на холме удалось избежать столкновения с другой машиной только искусным ведением.

Когда больше часа проехали от Беркли, Гвидо спросил:

— Как далеко вы хотите уехать?

— Продолжайте двигаться, — сказал Кинтайр.

— Долго?

Кинтайр не ответил.

В заливе Хаф Мун пляж был пуст, разбросанные кабинки покинуты; море скрыл туман, так что виден был только прибой. Снаружи было холодно и влажно.

— Мне никогда не нравился этот берег, — сказал Гвидо. — Ей нравился — проклятие! Очень любила пикники на пляже. Любила играть в волейбол и строить замки из песка.

Кинтайр разжал кулаки.

— Если мы не вернем ее, — сказал Гвидо, — конечно, я никуда не смогу уехать. Старушке некому будет заботиться, кроме как обо мне.

Он нажал ногой на педаль газа. Машина рванулась вперед. Местность снова начала подниматься.

Вскоре они оказались на пустынной полосе. Слишком крутой спуск, чтобы привлечь отдыхающих, и в большинстве мест спуститься к воде вообще невозможно. С востока от шоссе поднимались сухие коричневые холмы, вдоль дороги росли группы деревьев. Дорогу начал покрывать туман.

— Что теперь? — спросил Гвидо. — Скоро впереди совсем закроет дорогу.

— Продолжайте, — сказал Кинтайр.

— К черту! — На лице Гвидо появилось мятежное выражение. — Я и так достаточно далеко проехал. Откуда вы знаете, что мы не нужны в городе?

Кинтайр почувствовал, как напрягаются его мышцы.

— В чем дело?

Гвидо нажал на тормоза. Машина остановилась.

Кинтайр вздрогнул. Ужас снова закричал и исчез. Кинтайр знал, что он ушел не навсегда, но то на какое-то время его разбитая внутренняя суть собралась — на то время, когда это необходимо.

Он сказал — собственный голос показался ему чужим:

— Сможете снова вести машину на девяноста милях?

— Что?

— Я думаю, что знаю, где Коринна.

Руки Гвидо расслабились на руле. Неожиданно они снова напряглись. Машина отошла от обочины и снова начала набирать скорость.

— Не хочу разбиться, — сказал Гвидо, — но думаю, на средней скорости в пятьдесят проеду. Где она?

— Знаете мыс Перро?

— Нет.

— Это маленькая бухта в частном владении. Отсюда недалеко. Обнесена изгородью, и с дороги ничего не видно, даже пляжа. За день езды более одинокого места не найдешь.

Разорванный воздух ревел за окнами. Гвидо всматривался в сгущающийся туман. Он видел только несколько ярдов впереди, до серой стены; повороты приходилось проходить на двух колесах. Кинтайр испугался катастрофы.

— Несколько дней назад я упомянул об этой бухте в разговоре с Клейтоном, — сказал он. Слова он произносил отрывочно, одно за другим. — Я как будто совсем забыл об этом — забыл внешне, может быть, потому, что не хотел признавать, что хоть в чем-то помог ему. Неважно. Клейтон с востока. И все время здесь провел в самых уважаемых районах залива. Силенио и Ларкин — совершенные чужаки. Откуда им знать, куда увезти ее, кроме как в случайно узнанное место, как это? По крайней мере для нас это шанс. Единственный шанс.

Гвидо сказал, перекрывая рев ветра, гул двигателя и скрип шин:

— Если вы правы, док, это неплохой шанс. По этой дороге человек с востока будет вести машину гораздо медленней меня, особенно когда попадет в туман. Мы даже можем догнать их.

— Они опередили нас на несколько часов, — ответил Кинтайр. — С другой стороны, им нужно было встретиться друг с другом и посоветоваться. Они не супермены, они попытаются что-нибудь придумать, будут спорить о своих планах, а тем временем будут бесцельно ехать и, конечно, не в этом направлении. Можно надеяться.

— Если они что-нибудь ей сделали, — лицо его напоминало маску изуродованного Марсия^[42], — я своими руками...

— Высадите меня у мыса Перро, — сказал Кинтайр, — потом жгите мотор, добираясь до ближайшего телефона. Не тратьте время на офис шерифа, звоните прямо в полицию Беркли. Они сами свяжутся с местной полицией. Так будет быстрее.

— Вы тоже, — сказал Гвидо. — Я не могу оставить вас одного с ними.

— Хотите помочь Коринне или бесполезно погибнуть? Вы лучше меня ведете машину, поэтому быстрее дозвонитесь до помощи. А у меня больше возможностей задержать действия в бухте.

— Пожалуй.

Гвидо согласился очень неохотно.

«Нужно быть лисой, чтобы узнавать ловушки, и львом, чтобы отпугивать волков, — процитировал Кинтайр по-итальянски Макиавелли. — Те, кто хочет быть только львом, этого не заслуживают».

Гвидо потрясенно рассмеялся.

— Скромный тип, — сказал он.

Кинтайр хотел бы сжать его плечо, но не решился. Они на скорости семьдесят миль в час шли по извилистой дороге, и видимость с каждой минутой становилась хуже.

— Хорошо, — сказал он. — Мы вас еще вытащим. — Еще через милю: — А может, вам это уже не нужно?

Туман стал таким густым, что Кинтайр узнал свою цель, только увидев стоящую у обочины машину.

— Не останавливайтесь! — крикнул он, как только увидел ее. — Медленно тормозите! Высадите меня через сто ярдов от нее. — Он начал открывать дверь. — Ближайший телефон на заправочной станции в нескольких милях на юг. Не собирайте отряд и не возвращайтесь. Они услышат вас и могут застрелить ее. Ждите полиции. Удачи.

Они медленно ехали сквозь липкий туман. Кинтайр вышел из машины. Ноги ударились о землю. Он едва не упал и пробежал рядом с машиной несколько ярдов в попытках обрести равновесие. Потом черный влажный корпус ушел от него и исчез. Он услышал негромкий хлопок: это Гвидо закрыл дверцу, громче загудел мотор, и теперь только его шаги звучали на асфальте.

Он становился и пошел назад. Он не спортсмен-бегун, но помнил, что нужно сохранять дыхание. Туман двигался вместе с ним, его водовороты и струи создавали кошмарное ощущение, словно он на беговой дорожке. Он видел шоссе и справа утес, который уходил вверх и там терялся. Слева мир кончался туманной бесконечностью. Воздух холодный.

Вскоре он добрался до машины. Новая модель, построенная так, чтобы казаться низкой и широкой; она стояла, оскалив зубы между слепыми фарами, как какой-нибудь показной динозавр, бросающий вызов ледникам.

Проклятие! А если это безвредный пассажир, проезжающий мимо? Но на дорожном указателе мыс Перро, и кто еще мог явиться сюда сегодня? Кинтайр проверил дверцу. Она не заперта. Он открыл и прочел регистрационный листок на щитке.

Джеральд Р.Клейтон. Так. Кинтайр почувствовал, что у него дрожат руки. Еще одно доказательство, прежде чем он начнет спускаться. Термометр на приборном щите показывает, что двигатель еще теплый. Они здесь недавно.

«Я не прошу бога помочь мне, — подумал Клейтон. — Но я хочу поблагодарить его».

Он заполнил легкие и выпустил воздух, снова заполнил и выпустил. Воздух влажный, но вдохи и выдохи позволили ему успокоиться. Ему предстоит встреча с тремя вооруженными людьми; если еще воевать с собой, положение станет безнадежным. Он совсем не был убежден в своей победе. Но — да. Порывшись под приборной доской, он порвал провода зажигания. После его смерти это может задержать их бегство с Коринной.

Он перебрался через низкую изгородь из колючей проволоки. Она окружала плоскую поверхность утеса, поросшую жесткой желтой травой. Нужно подойти к самому краю, чтобы увидеть пляж внизу. Подходя, он услышал шум прибоя: волны ударялись о камень, вода с ревом уходила назад, в маленьких гротах шумели водовороты. Вряд ли внизу могут услышать человеческий крик сверху.

Подойдя к краю, он разглядел полоску камней и ажурные волны прибоя; потом море снова закрыл туман. По обе стороны должны быть возвышения, как руки, обнимающие этот залив, но они затерялись в серой мгле. Он шел осторожно, пока не увидел дорожку — козью тропу, спускающуюся к морю.

Гравий скрипел под ногами. Несмотря на старания, он время от времени пускал вниз потоки камней. После каждого такого случая он останавливался и, пригнувшись, вслушивался в голоса. Но голосов не было, только прибой, который с каждым разом становился громче. Туман его друг, мог ли он незаметно подойти без него? Да, он нашел бы способ, вплавь обогнул бы мыс, если понадобилось бы, но туман помогает ему. Никакой сверхъестественной помощи, конечно; просто эта часть берега известна своими влажными туманами; тем не менее именно это помогало ему подойти.

У основания утеса он остановился среди еле видных камней и стал думать, где может находиться враг. Не более чем в ста ярдах от него, но у него не больше пятидесяти футов видимости. Гороховый суп с каждой минутой становился гуще. Если эти прибыли, скажем, двадцать минут назад, у них видимость была лучше и они могли выбрать место. Кинтайр напряг память. Утесы образуют полукруглую стену, с плавником и большими камнями у основания. Здесь узкая полоса песка, параллельно идет ряд утесов. Сами эти утесы ниже

уровня прилива и уже заливаются водой. Кинтайр видел стального цвета океанские волны, накатывающиеся на них. Хорошо. Его добыча должна быть на песке под утесами. Есть ли какой-нибудь способ выманить врагов?

Появилась идея. Неопределенная, но все лучше, чем слепо блуждать в тумане. И он не боялся того, что может с ним случиться. В определенном смысле у него еще один шанс спасти Морну; он не может не испытать этот шанс.

Пригнувшись за скалой, он начал кашлять; пытался, как мог, подражать лаю морского льва. Не очень хорошее подражание, но ведь он имеет дело с людьми асфальтовых тротуаров. Звук низкий, влажный и гулко подхватывается прибоем.

— Что это?

Звук справа! Кинтайр упал на живот и начал ползти меж камней.

— Проклятый тюлень. — Юношеский голос Ларкина. — Святой Моисей, что за место!

— Лучше проверить.

Незнакомый бас. Силенио.

— Хорошо, сходи проверь.

— Ты меня слышал, Терри, — сказал Силенио.

— Девушка знает этот берег, — сказал Клейтон.

Клейтон обогнул побелевший в воде ствол дерева. Зацепился рубашкой, вынужден был остановиться и освободиться. А туман говорил и говорил.

— Это всего лишь тюлень, верно, мисс Ломбарди?

Никакого ответа.

— Силенио, — сказал Клейтон.

Полный боли возглас.

— Отпустите, вы сломаете мне руку!

— Простите, что пришлось на это пойти, мисс Ломбарди, — сказал Клейтон. — Но сейчас, когда мы здесь устроились, такое будет происходить постоянно. Конечно, если вы не будете сотрудничать с нами. Начнем снова — то, что мы слышали, лай тюленя?

— Да. Ой!

— Иди проверь, Терри! — сказал Силенио.

Кинтайр прижался ухом к камням. Услышал их стук. Если бы он смог перехватить Ларкина, бесшумно зайти сзади.

Он старался определить, откуда доносится звук шагов. Больше никаких голосов или звуков, только шаги Ларкина и волны. Кинтайр двигался, согнувшись почти вдвое.

Увидев туманные очертания, он сменил курс, чтобы перехватить Ларкина. Он видел в тумане только размытую шинель и шляпу. Ларкин не пытался двигаться бесшумно, он скользил и спотыкался, но шел быстро. Кинтайр решил, что Ларкин минует его, встал и пробежал последние несколько ярдов.

Ларкин услышал охотника. Он повернулся.

— Что...

Кинтайр ударил его. Они оба упали. Кинтайр попытался схватить Ларкина за горло. Но не сумел. Ларкин крикнул.

Дело было безнадежное. Кинтайр высвободился от бьющихся рук и ног, откатился и вскочил на ноги. Ларкин полз на четвереньках. Лицо его было белым пятном с черными пятнами глаз и рта. Он продолжал кричать.

Кинтайр отбежал по песку. Он услышал проклятие Силенио.

— В чем дело? Что здесь происходит?

— На меня напали! — ответил Ларкин. Он встал, держа в руке нож.

— Вернись сюда, — сказал Силенио.

Кинтайр повернулся и лег ничком. Животом ощутил жесткий песок. На самом краю поля зрения он видел Ларкина, который вертел головой.

— Куда он делся? Где он?

— Вернись сюда, сказал я. Вернись, пока я не начал стрелять! — взревел Силенио.

Ларкин ощупью пошел на этот бестелесный голос. Кинтайр на этот раз побежал за ним на четвереньках. Ларкин что-то услышал и обернулся. Кинтайр прижался к песку. Ларкин снова повернулся к утесу и пошел дальше. Кинтайр двинулся за ним.

Оказавшись в трех футах от него, Кинтайр встал и прыгнул. Ларкин не мог не услышать это. Он повернулся на одной пятке и ударил ножом. Кинтайр постарался избежать удара. Ларкин шагнул вперед. Он опасался неосторожного шага и был осмотрителен. Кинтайр сделал ложный выпад левой рукой. Ларкин шагнул в сторону, чтобы избежать его. Это несколько уменьшило змеиную скорость

выпада его ножа. Согнувшись, Кинтайр резко ударил ладонью правой руки вниз. Лезвие на полдюйма разошлось с его животом. В таком положении трудно ударить сильно, так, чтобы сломать кость, но Ларкин застонал и опустился на одно колено.

Кинтайр пнул его в шею. Ларкин наклонил голову и встретил удар черепом. Этот парень умел драться! Однако он упал на спину. Кинтайр попытался найти возможность для удара. Ларкин сел, прицелился и одной рукой метнул нож.

Кинтайр ощутил тупой удар в левый бицепс. Он посмотрел вниз. Нож торчал из мышцы, кровь красным пологом покрыла одежду и кожу. Ларкин встал и пошел в сторону криков Силенио.

Кинтайр испытал легкий шок. Спокойствие в такие моменты — это нормально; у него даже нашлось время на эту мысль. Кровь просто льется по стали, но серьезные сосуды не задеты. Он пошел за Ларкином.

Тот поскользнулся на влажном камне. Впереди более густая тень. Логово Клейтона? Кинтайр прыгнул туда. К дьяволу защитное дзюдо. Ларкин только успел встать. Он услышал шлагги за собой, повернулся и поднял руки.

— Помогите! — крикнул он.

— Иду! — отозвался Силенио из темноты.

Ларкин попытался применить захват. Руки его с поразительной силой охватили талию Кинтайра. Кинтайр автоматически поднял правую руку и ударил противника в гортань. Но Ларкин опустил подбородок, защищая горло. Он разжал правую руку и потянулся к ножу, торчащему из руки Кинтайра.

Кинтайр пальцем нажал на его яремную вену. Ларкин подавился и вырвался. Нож высвободился вместе с ним, кровь полилась по металлу. Ларкин попытался схватить нож и ударить. Кинтайр поднял правую руку и ударил по основанию носа.

Ларкин отступил. Лицо его перестало быть человеческим. Удар вдавил кости носа в мозг. И с него этого хватило.

Из холодных клубов тумана вырвался Силенио. Это коренастый лысеющий мужчина с круглым лицом и почти синими щеками. В руке он держал автоматический пистолет. Он долю секунды смотрел на Кинтайра и Ларкина. потом выстрелил.

Кинтайр уже бежал. Он не слышал выстрелы, или даже рикошеты, только щелчки пистолета за собой. Он присел и бежал зигзагами. Пистолет не самое точное оружие. Почувствовав снова под ногами песок, Кинтайр оглянулся. Ничего, кроме тумана. Он слышал, как перекликаются Клейтон и Силенио.

Он снова посмотрел на свою раненую руку. Текла кровь. Он согнул пальцы, проверил их сопротивление давлению: хорошо, ничего не разрезано, потребуется несколько швов. Но пока не наложат швы, в его распоряжении в лучшем случае полторы руки.

А Коринна по-прежнему у Клейтона и Силенио. И они, не задумываясь, превратят ее в заложницу.

Кинтайр быстро прошел к основанию утеса и пошел вдоль него так тихо, как мог. Оружие. Бросать камни? Нет. Они все или слишком велики, или малы. Голые руки ограничены длиной конечности. Проходя мимо бревна, он остановился в поисках дубинки. Нашел полуотломленную ветвь четырех футов длиной и не очень изогнутую. У нее сужающийся конец, почти острие. Соленая вода и непогода выбелили древесину, как кость, и сделали прочной, как железо.

Кинтайр продолжал идти вдоль утеса. Услышав их разговор, он прижался к стене. Полное молчание — его единственная возможность. Пока он их не увидит, они не должны смотреть в его сторону.

Они сидели за бревном, в одном-двух ярдах от пропасти. Клейтон кутался в пальто, держал руки в карманах и неловко сидел на камне. Силенио стоял, как часовой, держа пистолет в руке.

Коринна сидела лицом к Кинтайру. Руки ее были свободны, ноги связаны веревкой. Длинные волосы отяжелели от влаги. Кажется, она пока не ранена, кроме одного короткого эпизода...

— Это мог быть только Кинтайр, — говорил Клейтон. — И один. Иначе весь пляж был бы забит полицией.

— Там нас может ждать целый отряд, — проворчал Силенио.

— Возможно. Думаю, нам лучше уходить. Но помните: это только один человек. Если справимся с ним, мы в безопасности.

Клейтон замолчал и стал развязывать Коринну.

— Мне очень жаль, — сказал он.

— Нисколько вам не жаль! — ответила она.

Даже сейчас Кинтайр не мог не улыбнуться. Очень похоже на Коринну.

— Как хотите, — пожал плечами Клейтон.

— Зачем вы это делаете? — почти удивленно спросила она.

Голос Клейтона от неожиданной боли стал резким.

— У меня трое детей. Они пойдут вниз со мной. Грязь запачкает их на всю жизнь. Нет!

Кинтайр скользнул вперед. Коринна увидела его через плечо Клейтона. В полном влаги воздухе он увидел, как шевельнулись ее губы. Она наклонила голову и посмотрела на море.

— Что там? — воскликнула она.

Клейтон и Силенио отвернулись от Кинтайра. Он пролетел несколько оставшихся ярдов.

Силенио повернулся. Кинтайр был почти рядом с ним. Силенио поднял пистолет. Кинтайр ударил палкой. Палка плохо уравновешена, но ведь он много лет занимался фехтованием. Сильный удар повернул руку Силенио. Пистолет выстрелил, свинец ударил в камень. Кинтайр ударил Силенио в живот. Тот опустился на колени. Пистолет по-прежнему был у него в руке. Кинтайр острием палки ударил по руке врага и пригнул ее. Кости разделились, острие палки прошло насквозь.

Силенио взвыл и попытался высвободить руку. Краем глаза Кинтайр увидел массивную фигуру Клейтона. Тот протянул к нему руку. Кинтайр ударил Клейтона в плечо и отбросил его на скалу.

Силенио высвободился и потянулся к пистолету. Кинтайр наступил на него ногой. Силенио встал и бросился на противника. Всея тяжестью он ударился в его левый бицепс. Боль обожгла Кинтайра, как молния. Он отшатнулся, держась за руку.

Человек из Чикаго рассмеялся. Он неловко, левой рукой поднял пистолет и выстрелил.

И промахнулся. Кинтайр пришел в себя и начал действовать. Еще один выстрел почти прямо в лицо. И снова промах. Кинтайр знал, что третьего выстрела не должно быть. Он схватил палку. Силенио попятился, с ненавистью улыбаясь. Придерживая левую руку раненой правой, он старательно прицелился.

Кинтайр двинулся вперед. Это было движение фехтовальщика, скорее прыжок, чем шаг, и Кантайр вложил в него всю свою массу. Удар пришелся Силенио в горло.

Силенио выронил пистолет, схватил палку и начал складываться. Он пытался крикнуть, но смог только выпустить кровь. Потом лег,

схватился за шею, потерял всю кровь и умер.

У Кинтайра не было времени заметить это. Он увидел, что возвращается Клейтон. Это казалось невозможным: Клейтон еще был способен двигаться. Вся левая сторона его лица превратилась в огромный кровоподтек, щека разрезана. Кинтайр ошупью поискал пистолет. Где он?

Клейтон бежал к нему. Но за шесть футов упал. Подняв голову и руку, он показал металл в руке.

— Готов, — сказал он.

Кинрайт прыгнул на него. Они покатались, пинаясь и извиваясь. Клейтон кулаком ударил Кинтайра по раненой руке. Кинтайр выпустил его. Клейтон высвободился и побежал. Туман скрыл его из вида.

Кинтайр приподнялся на четвереньки. Из его ран текла кровь, на холодных серых камнях возникли ярко-алые лужицы. В голове у него звенело.

Его мягко подхватили руки. Он сел, наклонившись в ее объятиях. Ее волосы коснулись его лица.

— Ты пришел, — сказала она.

— Ты ранена? — спросил он.

— Нет. На это не было времени. О, твоя бедная рука!

— Можешь как-нибудь перевязать ее? Подойдет моя футболка.

— Она не стерильная. Да, сегодня есть антибиотики, хвала богу за это.

Она через голову сняла с него футболку, на остром крае камня разорвала ее по швам и приготовила полоски. Он заметил, что у нее серое платье. Когда она посмотрела на него, ее глаза и волосы оставались единственным цветом в мире.

— Хвала богу за тебя, — добавила она.

Она искусно накладывала компрессы и делала повязки. Он смотрел в сторону моря, прислушиваясь.

— В чем дело? — спросила она.

— Клейтон. Куда он делся?

— Разве он не постарается сбежать?

— Если так, хорошо. Я вывел из строя его машину. И даже если он ее заведет, за пределы штата не выберется. Но боюсь, он сам это понимает.

Она склонилась за ним, там, где он сидел на земле, восстанавливая дыхание, и положила руку ему на волосы. И спокойно спросила:

— Что он будет делать?

— На его месте, — ответил Кинтайр, — я бы вернулся и убил нас. Он должен был это сделать, когда освободился от меня. У него был пистолет. Но, конечно, он был ошеломлен. Теперь у него было время обдумать положение — да. Если он избавится от нас, не будет свидетелей, которые опровергли бы его слова, что он тоже был похищен и оказался единственным счастливым выжившим. Он может позволить себе таких адвокатов, что они попытаются доказать этот бред.

Он встал.

— Иди вдоль утеса, подальше от тропы, — сказал он. — Найди защищенное место и спрячься в нем. Если понадобится помощь, крикни.

— А ты?

Впервые он услышал в ее голосе страх. Она стояла и дрожала.

— Как я сказал, у него пистолет и он, вероятно, будет искать нас, если уже не начал, — ответил Кинтайр. — Я лучше предупрежу его.

Она каким-то необычным взглядом посмотрела на него.

— Хорошо. Другого выхода нет. Да хранит тебя Христос.

Она поцеловала его — краткое прикосновение — и ушла.

Кинтайр стоял, вспоминая некое письмо. Оно было написано Макиавелли на ферме Сан-Кассиано, куда он уехал, опозоренный, измученный и изгнанный, со всей его работой, превратившейся в прах.

Он написал другу:

«Всю свою жизнь я вела себя в любовных делах, как хотел. Я позволял любви делать со мной все, что ей было угодно. Я следовал за ней через холмы и по долинам, по полям и лесам, и после всего я думаю, что поступал бы разумней, если бы избегал ее».

Нужна большая храбрость, чтобы быть счастливым.

Кинтайр повернулся и пошел к тропе. Она была начальным пунктом в его поисках. Инстинкт должен заставить Клейтона

броситься вперед. Кинтайр не пытался идти тихо. Выстрел в густом тумане не причинит ему вреда, разве что случайно, а его шум отвлечет внимание от Коринны.

Тем не менее когда раздался выстрел, Кинтайр был поражен. Выстрел с моря!

Он повернулся и пошел к воде. Клейтон думал, что опередил его, вошел в воду и двинулся вброд, пока не наткнулся на утес. А может, он рассчитывал спрятаться здесь между скал и... Неважно. Нужно его взять.

Начался прилив. Кинтайр видел, как даже в этом бессолнечном воздухе блестит песок, его начинает покрывать пена. Брызги били в лицо; он слышал рев воды, проходящей между камнями. Где Клейтон?

В тумане сверкнул язык пламени. Кинтайр увидел песок в бороздах. Клейтон за скалой, подойти к нему можно только по воде. Кинтайр побежал вдоль берега, пытаясь уйти за пределы видимости, пока в него не попала пуля. Выстрелы звучали глухо.

Он вошел в воду. Она была дико холодной. Вода тянула его за ноги, песок под ногами уходил под действием прилива. Как глубоко в том месте, где засел Клейтон? Не глубже роста человека: Клейтон собирался убить и Коринну, он вышел на берег, стараясь не очень намочить пистолет. Короткое погружение в воду не выведет из строя хорошо смазанный автоматический пистолет. Но сначала он попытается выманить Кинтайра, если сможет. Человек, идущий по грудь в бурной воде, это легкая цель.

Кинтайр напряженно всматривался в туман. Он видел очертания утеса в форме Гибралтара, высотой в пятнадцать футов, длиной в сорок. О его сторону, обращенную к морю, бьются волны прибоя. Дно быстро уходит в глубину. Там, где стоит Клейтон, вряд ли больше четырех футов, но у западного края скалы может быть и десять футов.

Кинтайр пошел прямо в воду, пока волна не ударила его в лицо. Он сбросил обувь и поплыл.

Раненая рука болела, вода вокруг нее покраснела. Он греб правой рукой. Обратное течение подхватило его и тянуло в море. Он с трудом держался наплаву. Волна перекатилась через него. Он на мгновение погрузился в памятную тьму.

Он выбрался на вершину волны, потом оказался в углублении за ней. Его охватил холод. Он глушил слух. Силы и надежда оставляли

его.

Море билось о землю, откатывалось, смеялось и билось снова. Это было как удары кувалды. Корабль или человек могут быть раздавлены между волной и камнем, так что затрещат ребра. Кинтайр задыхался в дикой шумной ночи. Море снова презрительно выплонуло его. Пена ударила в лицо. Холод поглощал его, он чувствовал, как уходит тепло. Море перекатывалось через него и било по голове.

Но каким-то образом ты продолжаешь плыть, подумал он. Нужно только не переставать двигаться. Пусть весь мир ударяется об утес, ты продолжай двигаться.

И тогда победишь.

Он увидел перед собой сторону утеса. Волны бросали его. Туман застилал глаза. Он позволил морю поднять себя, впитал его гнев. Пальцы его сомкнулись вокруг чего-то. Опора. Ноги искали опору под водой.

Он вытащил себя наверх.

Какое-то время лежал на наклонном камне. Прилив покрывал его ноги. Постепенно возвращалась жизнь. Кинтайр вздохнул и начал карабкаться вверх.

На вершине он осмотрелся. Клейтон сидел на небольшом выступе в четырех ярдах под ним. Его влажные волосы повисли, с одной стороны головы была кровь. Клейтон водил пистолетом, направляя его то на берег, то снова вниз. Однажды он дернулся, издал легкий возглас, как ребенок, и выстрелил. Волны почти заглушили звук выстрела.

Прыгая с высоты в двенадцать футов, легко промахнуться. Упав в воду, Кинтайр станет легкой добычей Клейтона. Но он станет такой добычей, если попытается сползти.

Он оценил расстояние, приготовился и прыгнул.

Ноги его ударились между плечами Клейтона. Они упали вместе в наступающую волну. Волна белым потоком поднималась из океана на утес.

Кинтайр вынырнул. Он стоял в воде на глубине в четыре фута. Клейтон еще поднимался. Каким-то чудом он удержал пистолет и теперь поднимал его, чтобы выстрелить в упор.

В левой руке Кинтайра нашлись силы, чтобы ударить сверху вниз. Он выбил пистолет. Море поглотило его. Здоровой рукой Кинтайр схватил Клейтона. Хватит.

---

notes

СНОСКИ

Додзе — школа боевых искусств. — Прим. пер.

В американских вузах все преподаватели именуются профессорами. Но есть три степени: младшая — ассистент профессор, средняя — ассошиэйтид профессор и высшая — фул профессор. В нашей вузовской системе примерно: старший преподаватель, доцент и профессор. — Прим. пер.

Гленливет — сорт шотландского виски. — Прим. пер.

О мертвых либо хорошо, либо ничего, латин. — Прим. пер.

Имя героя романа Синклера Льюиса, ставшее нарицательным для обозначения делового человека, следующего законам своего общества. — Прим. пер.

Джеймс Босуэлл (1740–1795) — шотландский писатель, автор двухтомной книги «Жизнь Сэмюэля Джонсона», которая в Великобритании считается образцовой биографической книгой. В 20 веке были обнаружены новые сенсационные документы Босуэлла. — Прим. пер.

Старая религия, итал. — магия, колдовство, нацеленные на причинение зла. — Прим. пер.

Пилтдаунский человек — одна из самых известных мистификаций 20 века. Кости, найденные в Пилтдауне (Англия) в 1913 году, были выданы за останки древнего человека — «недостающего звена» между человеком и обезьяной. Подделка была разоблачена сорок лет спустя, примерно в то время, когда Андерсон писал свой роман. — Прим. пер.

Хватит, доченька, итал. — Прим. пер.

Ничего, сеньор, итал. — Прим. пер.

Проклятие, итал. — Прим. пер.

Норман Винсент Пил (1898–1993) — американский писатель и богослов, создатель «теории позитивного мышления». — Прим. пер.

Мобайл — абстрактная скульптура из листового железа и проволоки. — Прим. пер.

Английская народная песня *Bastard King of England*, то есть «Английский король-ублюдок». Приписывается Редьярду Киплингу и другим авторам. — Прим. пер.

Юность, юность, ты чудесна,
Хоть проходишь быстро путь.
Счастья хочешь — счастлив будь
Нынче, завтра — неизвестно.

*Стихи Лоренцо Медичи (1449–1492).
Пер. В.Брюсова. — Прим. пер.*

Рядовой, военнослужащий. Речь идет о том, что отслужившие в армии получают право учиться за государственный счет. — Прим. пер.

Вон! нем. — Прим. пер.

Этот юридический термин означает задержание нарушителя гражданским лицом. — Прим. пер.

Квартирмейстерский корпус армии США — подразделение, занимающееся материально-техническим обеспечением армии. — Прим. пер.

«Черная рука» — тайная организация итальянской мафии в США в начале XX века. — Прим. пер.

Рукопись, написанная на пергаменте, на котором уже было что-то написано. — Прим. пер.

Книга ведъм, латин. — Прим. пер.

Альбигойский крестовый поход — серия военных компаний по искоренению ереси катаров в Лангедоке (Южная Франция). Полагают, что в ходе этих компаний было убито свыше миллиона человек. — Прим. пер.

«Государь» — главное произведение Макиавелли. — Прим. пер.

Иди с богом, итал. — Прим. пер.

Традиционная поездка по Европе после окончания учения. —
Прим. пер.

Элджернон — персонаж одноименного рассказа (1959) Даниэла Киза, мышонок, неожиданно ставший необыкновенно умным. — Прим. пер.

Сказка Киплинга «Кошка, которая гуляла сама по себе». — Прим.
пер.

Известные ученые и популяризаторы. Георгий (Джордж) Гамов (1904–1968), Бертран Рассел (1872–1970), Вилли Лей (1908–1969). — Прим. пер.

Первое, латин. — Прим. пер.

Второе, латин. — Прим. пер.

«Мандрагора» — комедия Макиавелли. — Прим. пер.

Южными морями традиционно называют южную часть Тихого океана. — Прим. пер.

Смысл этой английской идиомы таков: «Легче жить тому, кому не о ком заботиться». — Прим. пер.

Юридический термин, означающий имущество, конфискованное у убийцы в пользу жертвы. — Прим. пер.

Роман английской писательницы Эллен Вуд 1861 года, в котором рассказана совершенно неправдоподобная драматичная история женщины. Скорее всего речь здесь идет о фильме 1931 года, снятом по этому роману. — Прим. пер.

Пенология — наука о наказаниях и тюрьмах. — Прим. пер.

Отдел гарантий и физической защиты. — Прим. пер.

Лука Делла Роббиа (1400–1482) — флорентийский скульптор. —
Прим. пер.

Древнегреческая богиня луны, смерти и колдовства. — Прим. пер.

Горацио Эдджер (1832–1899) — американский писатель, автор романа «Оборванец Дик, или Уличная жизнь Нью-Йорка» (1867), герой которого, чистильщик обуви Дик, благодаря честности и упорному труду становится богачом. — Прим. пер.

Марсий — персонаж древнегреческой мифологии, сатир, соперничавший с Аполлоном в игре на музыкальных инструментах. В наказание Аполлон сорвал с него кожу. — Прим. пер.